

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Коми отделение Российского исторического общества

В.А. Бердинских, В.И. Меньковский

**ГУЛАГ: ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА
ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА В XX ВЕКЕ**

Сыктывкар 2017

Federal Agency of Scientific Organizations
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
Komi Branch of the Russian Historical Society

V.A. Berdinskikh, V.I. Menkouski

**GULAG: IDEOLOGY AND ECONOMY
OF FORCED LABOUR IN THE XX CENTURY**

Syktyvkar 2017

УДК 94:343.819.7:331.102.146

ББК 63.3(2)614-361

Б48 Бер

Бердинских В.А., Меньковский В.И. **ГУЛАГ: ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА В XX ВЕКЕ.** Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 132 с.

ISBN 978-5-906394-36-1

В мини-монографии охарактеризованы классические и современные воззрения на историю сталинского ГУЛАГа. Авторы представляют динамику взглядов на феномен ГУЛАГа во временных, методологических и языковых дискурсах, констатируют наличие двух ведущих языковых научных сообществ исследователей сталинизма. Результаты исследования представлены в русскоязычном и англоязычном вариантах.

УДК 94:343.819.7:331.102.146

ББК 63.3(2)614-361

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, М.А. Мацук, А.Г. Мусанов, А.А. Попов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабает

Научный редактор

доктор исторических наук **И.Л. Жеребцов**

Рецензенты

доктор исторических наук **Е.Ф. Кринко**
кандидат исторических наук **М.Б. Рогачев**

ISBN 978-5-906394-36-1

© В.А. Бердинских, В.И. Меньковский, 2017

© И.Л. Жеребцов, науч. ред., 2017

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2017

© Т.А. Исакова, перевод на англ. язык, 2017

Berdinskikh V.A., Menkouski V.I. **GULAG: IDEOLOGY AND ECONOMY OF FORCED LABOUR IN THE XX CENTURY.** Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. 2017. 132 p.

ISBN 978-5-906394-36-1

The classical and modern views on the history of Stalin's Gulag are characterized in the mini-monograph. The authors represent dynamics of views at a Gulag phenomenon in temporal, methodological and language discourses, ascertain availability of two leading language scientific communities of Stalinism researchers. The results of the study are presented in the Russian and English versions.

Editorial board

I.L. Zherebtsov (chairman), I.O. Vaskul (deputy chairman), E.A. Tsypanov (deputy chairman), D.V. Milokhin (executive secretary), N.M. Ignatova, V.N. Karmanov, Yu.A. Krashennnikova, T.L. Kuznetsova, M.A. Matsuk, A.G. Musanov, A.A. Popov, M.V. Taskaev, Yu.P. Shabaev

Scientific editor

Dr. Sci. (History) **I.L. Zherebtsov**

Reviewers

Dr. Sci. (History) **Е.Ф. Кричко**
Cand. Sci. (History) **М.Б. Рогачев**

ISBN 978-5-906394-36-1

© V.A. Berdinskikh, V.I. Menkouski, 2017
© I.L. Zherebtsov, scientific editing, 2017
© Institute of Language, Literature and
History, Komi Science Centre, Ural Branch,
RAS, 2017
© T.A. Iskakova, translation into English, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди сложного комплекса вопросов, которые изучает современная историография, одним из приоритетных является изучение истории XX века и сталинизма как ее составляющего компонента, его места и роли в европейской и мировой истории. До сегодняшнего дня на вопрос о том, «что это было», нет простого или единственного ответа. Интеллектуальное объяснение сталинизма не было результатом анализа одной методологической или национальной исторической школы, не было работой одного поколения. Для каждой школы или генерации это время означало что-то иное.

Авторы представляют динамику взглядов на феномен ГУЛАГа во временных, методологических и языковых дискурсах. До рубежа 1980-х – 1990-х гг. русскоязычная историография проблемы практически не существовала в силу объективных вненаучных обстоятельств. Ключевые исследования готовились и публиковались на английском языке. С 1990-х гг. ситуация стала меняться кардинальным образом. «Архивная революция» стала переломным историографическим моментом. Русскоязычная историография вышла из методологической и политической изоляции и заняла свое достойное место в изучении сталинской эпохи. На сегодняшний день мы можем констатировать наличие двух ведущих языковых научных сообществ исследователей сталинизма. Разумеется, речь идет о констатации только одного из возможных историографических срезов, о языке публикаций. Методологическая составляющая как англоязычных, так и русскоязычных исследований гетерогенна, что естественно для ситуации историографического постмодерна.

Основной текст публикации подготовлен В.А. Бердинских, историографический обзор – В.И. Меньковским, научное редактирование – И.Л. Жеребцовым. В предлагаемой мини-монографии (термин В.А. Бердинских) представлены классические и современные взгляды на историю сталинского ГУЛАГа. Обращение к мировой историографии, сравнительный анализ школ, течений, научных парадигм представляются одним из приоритетных направлений развития современной исторической науки. Связано это с общемировыми тенденциями накопления и углубления исторических знаний.

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)» (Введение, глава 2) и «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)» (глава 1, Приложение).

PREFACE

Among a difficult complex of problems studied by the modern historiography, the priority one is studying the history of the XX century and Stalinism, as its constituent part, its place and role in the European and world history. Till now there is no simple answer to the question «What was it?» The intellectual explanation of Stalinism was neither the result of the analysis of one methodological or national historical school, nor the work of one generation. For each school or generation this time meant somewhat another thing.

Authors represent dynamics of views at a Gulag phenomenon in temporal, methodological and language discourses. Till the boundary 1980–1990-s in the Russian historiography the problem practically did not exist owing to objective non-scientific circumstances. Key researches were prepared and published in English. Since the 1990-s the situation began to change radically. «Archival revolution» became the critical historiographic moment. The Russian historiography left methodological and political isolation and has taken the worthy place in studying of the Stalin epoch. For today we can ascertain availability of two leading language scientific communities of Stalinism researchers. Certainly, we speak of only one possible historiographical sections, the language of publications. The methodological constituent of both English and Russian researches is heterogeneous, that is natural for historiographical postmodern.

The basic text of the publication is prepared by V.A. Berdinskikh, the historiographical review – by V.I. Menkouski, scientific editing – by I.L. Zherebtsov. In the proposed mini-monograph (V.A. Berdinskikh's term) the classical and modern views on the history of Stalin's Gulag are presented. The reference to the world historiography, the comparative analysis of schools, currents, scientific paradigms, is represented as one of the priority directions of development of modern historical science. It is connected with universal tendencies of accumulation and deepening of historical knowledge.

Published with the support by Fundamental research program of the Ural Branch of RAS, projects: «National elites and the problems of regional political and socio-economic stability in the North of Russia in 20th century» (Introduction, Chapter 2) and «Finno-Ugric peoples of Russia in the context of Sovietology and western Russian studies» (Chapter 1, Appendix).

ВВЕДЕНИЕ: О РАБСКОМ ТРУДЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Рабский характер труда заключенных в советских лагерях 1930–1950-х гг. определялся (с политической стороны) диктатурой сталинского типа, нацеленной на подавление любого инакомыслия (даже в потенции) во всех без исключения слоях общества, а со стороны экономической – усиленной (на износ) эксплуатацией основной массы лагерного «контингента» в районах, непригодных для добровольного проживания населения. Освоение этих территорий шло ценой колоссальных жертв всего советского народа и огромных физических лишений и тягот заключенных. Сталинский режим при этом лишь примитивно использовал только мускульную энергию как мужчин, так и женщин. После эпохи «великих строек» и войны такая модель использования труда лагерников стала (окончательно и очевидно) экономически неэффективной.

В условиях сталинского режима любой гражданин (от дворника до министра) мог в любой момент стать рабом государства, внезапно лишиться всех прав, имущества, жилья, репутации – и быть брошенным на лесоповал (под «зеленый расстрел» – как это называли в лагерях) или в рудники (под «сухой расстрел»).

В отличие от античного раба «простой советский заключенный» формально бесплатен: он взялся «ниоткуда» – из общества, где ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ могли набирать в рабский «контингент» для своего «основного производства» кого угодно и сколько угодно. Стоимость заключенного – есть цена его физической силы. Но государство, торгуя собственными гражданами в царстве «плановой экономики» (этапный вагон «зеков» – за десяток-другой кубометров пиломатериалов, или за пару-другую тракторов либо автомобилей, или за цистерну «солярки», или за партию запчастей и т.п.), тем самым ставит себя вне этического и правового пространства.

А ведь в эпоху античности рабы стоили довольно дорого. Так что покупка раба являлась серьезным вложением капитала, что предопределяло и соответствующее отношение владельца к «живому товару» – к нему относились, во всяком случае, не хуже, чем к скотине...

Рабство XX века стало явлением, экономически гораздо более отсталым, чем античное рабство. Сталинское государство безнадежно «продешило», исключив товарно-денежные отношения из системы реально существовавшей латентной работоторговли. Подготовив высококвалифицированную «рабсилу», оно использовало ее в лагерной хозяйственной системе крайне примитивно и узко функционально: «человек-пила», «человек-тачка», «человек-топор». Мы видим здесь попытку интенсивной

физической нагрузкой «до дна» и в короткий срок «вычерпать» всю жизненную энергию человека – своего рода «социальный вампиризм». В гулаговской «империи» и в ее «провинциях» господствовала номенклатурно-бюрократическая психология временщиков: «здесь и сейчас, а там – хоть потоп». Эти особенности политики и практики ГУЛАГа очень умело использовал уголовный мир, приспособившийся к системе лагерей и сосуществовавший с ней в симбиозе.

В определенном смысле слова, хозяйственная система ГУЛАГа, теоретически основанная на социалистических идеях и принципах, воплощалась на практике в формах и методах, присущих временам патриархального рабства. В конечном же счете именно эти формы и методы стали стержнем, основой и сутью лагерной «экономики».

INTRODUCTION: ABOUT THE SLAVE LABOUR OF PRISONERS

Slavish character of work of prisoners in the Soviet camps of the 1930–1950-s was called forth (from the political part) by the Stalin-type dictatorship aimed at suppression of any heterodoxy (even potentially) in all social classes with no exception, as concerns the economic part – strengthened (at the top of one's bent) exploitation of the main mass of camp's «contingent» in the areas unsuitable for voluntary residing of the population. Development of these territories went by enormous victims of all Soviet people and huge physical deprivations and burdens of prisoners. The Stalin's regime thus only primitively used muscular energy of both men and women. After the epoch of «great constructions» and war such model of use of camp-labour became (definitively and obviously) economically inefficient.

In the conditions of Stalin's regime any citizen (from the yard cleaner to the minister) could any moment become the state slave, suddenly be deprived of all rights, property, habitation, reputation – and be thrown to the tree felling (under «green execution» – as they called it in camps) or to mines (under «dry execution»).

Unlike the antique slave, «the simple Soviet prisoner» was formally free: he came from «nowhere» – from a society where OGPU-NKVD-MVD-MGB (United Chief Political Administration-People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs-Ministry of State Security) could recruit to slavish «contingent» for «the basic production» everybody and as many as necessary. Cost of a prisoner – was the price of his physical strength. But the state, trading its own citizens in «a planned economy» kingdom (a railcar of transported «convicts» – for ten-or more m3 of saw-timber, or for a pair-or two tractors or cars, or for «the solar oil» tank, or for consignment of spare parts, etc.), thereby puts itself out of ethical and legal space.

And after all during the epoch of antiquity slaves cost expensively enough. Slave purchase was a serious capital investment that predetermined the corresponding attitude of the owner to «the live goods» – anyway, the attitude was not worse, than to cattle...

The slavery of the XX century became the phenomenon economically more backward, than the antique slavery. The Stalin state «has hopelessly sold too cheap», having excluded commodity-money relations from the system of really existing latent slave-trade. Having prepared highly skilled «work-force», the state used it in camp economic system extremely primitively, narrowly and functionally: «man-saw», «man-wheelbarrow», «man-axe». We see here the attempt by intensive physical activity to «take out» all vital energy of man

«to the bottom» and in a short time – some kind of «social vampirism». In GULAG «empire» and in its «provinces» the nomenclature-bureaucratic psychology of timeservers dominated: «here and now, and there – though a flood». These features of Gulag policy and practice were used very skilfully by the criminal world adapted to the system of camps and co-existing with it in symbiosis.

In some sense, the economic system of GULAG theoretically based on socialist ideas and principles, was embodied in practice in the forms and methods inherent in times of patriarchal slavery. In fact these forms and methods became the core, the basis and the essence of camp «economy».

ГУЛАГ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Один из самых острых и дискуссионных вопросов истории сталинского периода – оценка масштабов террора 1930-х гг., оставалась предметом спора в англо-американской советологии в течение всего послевоенного периода. Это было связано, в первую очередь, с отсутствием достоверных данных. Долгие годы исследователи могли опираться только на недокументированные свидетельства, которые значительно отличались друг от друга, и достоверность которых невозможно было проверить.

Вопрос о терроре имел три важнейшие составляющие – масштаб репрессий, количество жертв и их характеристика; функции террора, рациональные и иррациональные мотивы его использования; степень органичности и неизбежности террора в советской системе. Сложившаяся концептуальная характеристика роли политического террора в коммунистических системах определяла его как произвольное использование органами политической власти жесткого насилия против личностей или групп или реальную угрозу такого использования. При этом не всякое насилие оценивалось как террор, поскольку «обычные» насильственные средства оставляют жертвам возможность сориентироваться и предусмотреть последствия определенных действий. Террор не дает таких возможностей, не обеспечивая неприкосновенность даже для конформистов. Как писал З. Бжезинский, в условиях террора «неудача может означать потерю жизни, но даже успех не гарантирует свободу и безопасность» [1].

Из всех инструментов, имеющихся в арсенале государства, террор является крайним средством, к которому оно прибегает тогда, когда все остальные исчерпаны. В определенном смысле террор во внутренней политике равнозначен войне во внешней – любое правительство предпочтет использовать более ограниченные или общепринятые средства для сохранения или укрепления своих позиций. Но сама способность режима прибегать к террору может позволить ему достигать намеченных целей без использования террора. Угроза произвольного насилия может быть такой же действенной, как его применение [2].

Рассматривая террор как важную составляющую сталинской системы, англоязычные авторы анализировали различные его стороны, не всегда имея возможность дать общую количественную оценку влияния сталинизма на демографическую ситуацию в СССР. Первым серьезным исследованием вопроса о применении принудительного труда в Советском Союзе стала книга Д. Даллина и Б. Николаевского «Лагеря принудительного труда в Советском Союзе», опубликованная в 1947 г. [3]. Для оценки масшта-

бов применения принудительного труда авторы использовали целый ряд источников: оценки бывших советских официальных лиц и заключенных, оказавшихся на Западе; свидетельства иностранцев, посещавших Советский Союз, и польских заключенных советских лагерей; данные о количестве газет, поступавших в лагерь; опубликованные цифры о некоторых исправительно-трудовых лагерях.

В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчета численности заключенных в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключенных в лагерях составила около 2 млн. чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приведших цифру 5–6 млн. чел. [4].

В 1952 г. был опубликован официальный доклад Госдепартамента США о принудительном труде в Советском Союзе [5]. В нем приводились данные Н. Тимашева, Д. Даллина и Б. Николаевского, Н. Ясного, ряда других исследователей. В докладе подчеркивалось, что точная цифра советских заключенных в лагерях ГУЛАГа не может быть названа из-за отсутствия официальных данных. Цифры оценок, приводимых различными экспертами, колеблются от 2 до 20 млн. чел. [6]. Похожие цифры были повторены в докладе Госдепартамента в 1960 г., где отмечалось, что оценки западными исследователями количества заключенных в предвоенном СССР колеблются от 3,3 млн. до 13,5 млн. чел. и выше. Но последние цифры эксперты Госдепартамента считали явно завышенными [7].

В 1959 г. Г. Вул, используя методику Н. Тимашева, проанализировал участие советских граждан в выборах 1937–1939 гг. и оценил численность заключенных приблизительно в 3 млн. чел. [8]. В 1965 г. С. Сваниевич опубликовал работу «Принудительный труд и экономическое развитие: изучение опыта советской индустриализации», в которой на основании изучения советской экономической статистики и свидетельств беженцев из СССР оценил использование принудительного труда в советской экономике в 6–9 млн. чел. [9]. В 1968 г. вышла в свет книга Р. Конквеста «Большой террор», где дана количественная оценка заключенных в лагерях, арестов, расстрелов. Автор использовал разнообразные доступные статистические источники, свидетельства эмигрантов и бывших заключенных. Он оценил численность арестованных в 1930-е гг. в 8–9 млн. [10].

В 1980-е гг. дискуссия о масштабах применения принудительного труда в сталинском Советском Союзе, о количестве пострадавших вновь стала объектом внимания англо-американской историографии. Это было связано с появлением новых методик оценки, публикацией некоторых новых демографических данных в советской печати, более широким приме-

нением в советологии моделей, используемых другими социальными науками. Несколько авторов, среди которых в первую очередь следует назвать С. Росефелде, С. Уиткрофта, Р. Конквеста, вели между собой постоянную полемику на страницах научных журналов. Начатая статьей С. Росефелде в январском (1981 г.) номере журнала «Советские исследования» и ответом С. Уиткрофта в апрельском (1981 г.) номере того же издания [11] дискуссия шла в течение всех 1980-х гг., становясь все более острой, приобретая политическую и личностную окраску. Только после частичного открытия советских и российских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. появились принципиально новые, хотя, конечно, не окончательные, возможности для оценки острых моментов дискуссии.

В названной статье С. Росефелде писал, что хотя англоязычная литература о сталинском терроре достаточно обширна, численные оценки применения принудительного труда слишком фрагментарны и неточны. Поэтому он считал нужным вновь открыть дискуссию по этому вопросу. С. Росефелде использовал для количественной оценки доступный документальный материал, опубликованные источники, официальные публикации, свидетельства очевидцев и материалы экономической и демографической статистики. Его оценка численности заключенных ГУЛАГа составила 9–10 млн. чел. С. Уиткрофту эти цифры представлялись завышенными. По его оценкам, в советских концентрационных лагерях в конце 1930-х гг. не могло находиться более 4–5 млн. чел.

В публикации «Сверхнормативные смерти в Советском Союзе: пересмотр демографических последствий ускоренной индустриализации 1929–1949 гг.» С. Росефелде давал оценки, связанные с общими потерями населения СССР в сталинские годы [12]. Отметив, что данные о сверхнормативных потерях советского населения в 1926–1939 гг. колеблются в западной научной литературе от 5,5 млн. до 20,6 млн. чел., он пришел к еще более высоким цифрам. По подсчетам С. Росефелде, в СССР в результате коллективизации, индустриализации, массового террора в 1929–1949 гг. (без военных потерь) погибли 21,4–24,4 млн. взрослых и 7,2–8 млн. детей. В следующей публикации в журнале «Славянское обозрение» он уточнил данные потерь населения в 1929–1937 гг., – назвав цифру 16,5 млн. чел. [13].

С. Уиткрофт назвал эти оценки «еще одной «клюквой» от С. Росефелде», отметив их абсолютную ненаучность. По его мнению, память о миллионах погибших в годы сталинизма «не следует подвергать инфляции», ведь нет никаких демографических свидетельств о потерях советского населения в 1926–1939 гг. более 6 млн. чел. или более 3–4 млн. чел. в период коллективизации. Признание этих «низких» цифр не равносильно преда-

тельству погибших или оправданию сталинизма. Это просто следование научной точности, а не эмоциям [14]. Точку зрения С. Уиткрофта поддержали также Б. Андерсен и Б. Силвер, оценившие ситуацию в Советском Союзе 1930-х гг. с позиций демографического анализа [15].

Однако подход Б. Андерсена, Б. Силвера и С. Уиткрофта был подвергнут резкой критике Р. Конквестом. Он не отстаивал оценки С. Росефелде, в которых находил много ошибок, но выступил против применения по отношению к сталинскому Советскому Союзу методик, используемых при изучении демографической ситуации в других странах и при других условиях.

Р. Конквест писал, что со времен Веббов некоторые западные исследователи принимали как правду все без исключения факты, цифры, заявления, опубликованные коммунистическими властями. И верили, что советская система выборов, профсоюзы, кооперативы реально существовали именно в той форме, как это декларировалось. Неспособность вообразить, что официальные документы могут лгать, сохранилась вплоть до настоящего времени. Так, «ревизионисты»-советологии отрицали возможность массовой фальсификации документов в Советском Союзе, а свидетельства эмигрантов и перебежчиков называли анекдотическими [16].

По мнению Р. Конквеста, проблема частично состояла в том, что некоторые ревизионисты (для их характеристики он употребляет термины «секта» и «клика») были по образованию социальными историками, а не историками в полном смысле этого слова. Их в большей степени интересовала структура, а не сущность, форма, а не содержание. Например, отмечая рост новых кадров в сталинские годы, они не подчеркивали критерии роста нового правящего класса, которые на практике сводились к жестокой «негативной селекции».

Р. Конквест настаивал на необходимости корректировки официальных советских данных с помощью свидетельств очевидцев и эмигрантов, поскольку советская демографическая статистика неоднократно подтасовывалась властью в политических целях. Кроме этого, он не считал, что для оценки сталинизма не имеет значения, сколько миллионов людей было уничтожено. Разница в моральной оценке убийства миллионов или десятков миллионов действительно не очень велика, но все-таки эта разница существует, и она имеет как историческую, так и общественную значимость [17]. В обновленном издании своей знаменитой работы «Большой террор» Р. Конквест назвал следующие цифры: к концу 1938 г. в лагерях находилось 7 млн. чел., 1 млн. чел. были расстреляны и 2 млн. умерли в лагерях [18]. Он считал, что «большой террор» 1936–1938 гг. не был случайностью. Как всякий исторический феномен, террор имел корни в прошлом. У Р. Конк-

веста не вызывало сомнения, что он был неизбежным следствием природы советского общества и коммунистической партии [19].

Новая ситуация, связанная с количественной оценкой жертв сталинских репрессий, возникла в западной историографии на рубеже 1980–1990-х гг., когда советская «гласность» дала возможность впервые включить в научный оборот архивные статистические данные о репрессивной политике сталинского режима. Англо-американские историки стали широко использовать советские и российские публикации, производить переоценку некоторых устоявшихся на Западе стереотипов. Например, статьи А. Ноува и М. Элмана были полностью построены на основании публикаций советских ученых [20]. Но новые статистические данные сами по себе были достаточно противоречивы и оставляли место для различных трактовок. Так, в сборнике 1993 г. «Сталинский террор: новые перспективы» А. Ноув писал об 11 млн. «сверхнормативных смертей» в СССР в 1927–1937 гг., а С. Уиткрофт – о 4–5 млн. [21].

Дж. Гетти и Т. Риттешпорн в совместной публикации с В. Земсковым указывали данные о репрессированных в предвоенные годы. Максимальное общее количество (включая ГУЛАГ, колонии и спецпоселения) пришлось на 1937 г. – 2,75 млн. чел. [22]. Авторы признавали, что приводимые ими цифры не могут рассматриваться как окончательные и требуют ряда уточнений. Вместе с тем новые документы позволяли оценить масштабы сталинского террора и перевести его анализ на документальную базу. Дж. Гетти и Т. Риттешпорн даже считали, что историки, изучающие данный аспект сталинизма, стали располагать более детальной документальной базой, чем исследователи германского нацизма [23].

Российский соавтор Дж. Гетти и Т. Риттешпорна В. Земсков в русскоязычных публикациях давал чрезвычайно резкие оценки оппонентам своих коллег. Он считал, что советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов (Р. Конквест, С. Козн и др.), так и в публикациях ряда российских исследователей. Причем в работах этих авторов расхождение с подлинной статистикой никогда не идет в сторону преуменьшения, а исключительно в сторону многократного преувеличения. У него создавалось впечатление, что «они соревнуются между собой в том, чтобы поразить читателей цифрами, так сказать, поастрономичней... Приведенные Р. Конквестом и С. Козном статистические данные преувеличены почти в пять раз» [24].

В полемике с С. Максудовым, автором многих публикаций о демографической ситуации в Советском Союзе, вышедших в годы эмиграции

исследователя на Западе [25], В. Земсков заявлял, что «г-ну Максудову придется смириться с ролью Земскова как арбитра в определении подлинности или недостоверности, точности или неточности информации по данной проблематике, просочившейся в разное время на Запад». Более того, он прямо обвинил западных историков в отходе от научной объективности, утверждая, что ученые (особенно те, кто занимался проблемой репрессий в СССР), находясь в определенных общественных условиях, не могли не выполнять социальный заказ, требовавшийся в данный момент обществу (хотя сами исследователи, возможно, не всегда это осознавали). По его мнению, не случайно именно в период «холодной войны» на Западе широким потоком выходила литература, содержащая преувеличенные данные о масштабах репрессий в СССР [26].

В. Земсков был близок к позиции американских ревизионистов «второй волны» в деперсонализации террора 1930-х гг. Как Дж. Гетти, Р. Терстон и некоторые другие англоязычные исследователи, он переключал внимание с личностей на тенденции. В статье «ГУЛАГ (историко-социологический аспект)» В. Земсков писал, что «в процессе отхода в середине 50-х годов от репрессивной политики личностный фактор играл подсобную роль, так как обстоятельства были сильнее воли и желания отдельных личностей. Мы убеждены, что будь тогда жив Сталин, то именно он возглавил бы политику либерализации» [27].

Противоречивые оценки в академической среде вызвал сборник «Сталинский террор: Новые перспективы», опубликованный под редакцией Дж. Гетти и Р. Мэннинг в 1993 г. [28]. Авторы стремились использовать появившиеся новые возможности изучения сталинизма и поэтому писали о «новых перспективах». Однако с точки зрения Ф. Бенвенути, общей чертой всех статей, представленных в сборнике, являлась замена вопроса о причинах террора постановкой проблемы о том, каким образом действовал механизм террора [29]. Подобные взгляды поддерживал и Д. Филтцер, отмечавший, что в книге не анализируется важнейший вопрос о месте террора в сталинской системе, его принципиальной важности для сохранения и укрепления сталинской системы власти. Вопрос нельзя было сводить к социальной мобильности и перераспределению привилегий. Террор оказывал воздействие на все население, подавляя его волю, возможность свободно мыслить и действовать и тем самым позволяя правящей элите сохранять власть [30].

Далеко не все англоязычные авторы полностью доверяли архивным данным, подчеркивая, что последствия политической манипуляции советской статистикой не могли не сказаться на архивных документах. Они не считали документы фетишем и настаивали на их критическом анализе, ка-

кому должны подвергаться все исторические свидетельства. Так, Р. Конквест считал, что именно некритичное отношение к советским источникам привело «ревизионистов» к переоценке сталинского террора как в количественном, так и в качественном отношении. Демографы Б. Андерсен и Б. Силвер использовали в своих подсчетах результаты советской переписи населения 1939 г. даже тогда, когда советские исследователи признали эту перепись фальсифицированной. Р. Конквест писал, что он помнит, как в 1970-е гг. С. Коэн сказал ему на встрече в Колумбийском университете, что кое-кто из советологов считает, что Сталин уничтожил только десять тысяч человек. «Я не поверил. Тогда Стивен подвел меня к Дж. Хафу и спросил у него: «Джерри, сколько людей уничтожил Сталин?». Хаф ответил: «Около десяти тысяч» [31].

Далее Р. Конквест замечал, что Дж. Хаф был одним из влиятельных предшественников советологов-ревизионистов, которые относились к представителям старшего поколения исследователей как к «воинам холодной войны». «А в СССР нас называли антисоветчиками. В чем же состоял наш антисоветизм? Мы были убеждены, что сталинизм навязал русскому и другим народам крайнюю систему террора. Мы верили, что это был ошибочный путь, а не нормальный исторический процесс. Мы были убеждены, что Сталин и его наследники вели «холодную войну» не только против Запада, но и против собственного народа. Мы были убеждены, что советские официальные документы были фальсифицированы и что самиздат, сообщения эмигрантов и перебежчиков являлись, при критическом отношении к ним, лучшими источниками информации» [32].

С. Уиткрофт писал по этому поводу, что некоторые исследователи, например В. Лакер и Р. Конквест, кажется, верят в то, что должностные лица НКВД и ГУЛАГа не нуждались в реальной информации и специально фальсифицировали данные, чтобы ввести в заблуждение западных историков. Он указывал на наличие значительного массива секретных документов сталинского периода, введенных в научный оборот в 1990-е гг., и отрицал техническую возможность их умышленной фальсификации [33].

В публикациях второй половины 1990-х гг. авторы повторяли приводимую ими ранее аргументацию и лишь в небольшой степени изменяли приводимые количественные оценки. С. Росефелде в 1996–1997 гг. вновь подчеркивал, что демографические методы дают более точные данные, чем архивные данные, и называл цифру 9,7 млн. «сверхнормативных смертей» в 1930–1937 гг., из которых не менее 5,2 млн. были напрямую связаны с деятельностью НКВД [34]. С. Уиткрофт, призвав историков дифференцированно относиться к массовым репрессиям и к массовым убийствам, пи-

сал в 1996–1999 гг., что на Сталина может быть возложена ответственность за гибель около 1 млн. чел. [35].

Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом [36], или более 60 млн. жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем [37], представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась.

В таких условиях появились работы, авторы которых ставили под сомнение влияние террора на повседневную жизнь советского общества 1930-х гг. Наиболее резкую реакцию в англоязычном академическом мире вызвала книга Р. Терстона «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941» [38], которую Дж. Лаубер назвал «выдающимся образцом ревизионистского исследования» [39]. К. Ботерблоем подчеркивал, что в определенной степени работы ревизионистов стали полезным дополнением к пониманию истории Советского Союза. Но некоторые исследователи переходили разумные границы в своем стремлении ревизовать сложившиеся научные представления. Р. Терстон стремился представить сталинский Советский Союз в более благоприятном свете, чем традиционная западная историография. Результат получился противоположным. В его интерпретации советские люди предстали опасным большинством, которое само создало для себя катастрофу, а Сталин лишь со стороны наблюдал за этим процессом. К. Ботерблоем соглашался, что на многих советских гражданах лежит моральная ответственность за молчание, а на многих и прямая вина за участие в насилии. Но Р. Терстон забывал, что в условиях диктатуры поддержка большинства населения не требуется власти. Советская история показала, что организованное меньшинство способно навязывать свою волю большинству в течение длительного времени [40].

Р. Терстон, так же как и Дж. Гетти, считал, что численность репрессированных преувеличивалась в предшествующей англоязычной историографии. Однако в своей ревизии устоявшейся концепции он пошел еще дальше, заявив, что общее влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным. Основной тезис Р. Терстона заключался в том, что массового страха перед репрессиями в 1930-е гг. в Советском Союзе не было. Террор касался только отдельных представителей элиты и не представлял собой системы, направленной на все общество. С точки зрения Р. Терстона, ни о какой «атомизации» общества, подавлении общества государством не может быть и речи, поскольку общество скорее поддерживало сталинский режим, чем боялось его. Он писал, что

в сталинские годы были миллионы жертв, хотя последние свидетельства советских архивов показывают, что многие ортодоксальные оценки слишком преувеличены. Но говорить о том, что весь народ был жертвой репрессий, было бы неправильно. В 1930-е гг. очень многие люди поддерживали государственное насилие и даже участвовали в нем по собственному желанию. Сталин в такой же степени реагировал на события, как и формировал их. Сталину не нужен был массовый страх для того, чтобы управлять обществом [41].

Отношение Р. Терстона к новым архивным свидетельствам было чрезвычайно избирательным. Так, невзирая на многие реабилитационные документы, он считал, что оппозиция представляла огромную опасность для Сталина. «Троцкистская оппозиция действительно существовала в СССР; Бухарин знал о существовании антисталинского центра; по крайней мере, один из последователей Бухарина говорил об убийстве Сталина; немцы предоставили информацию о виновности Тухачевского и заговоре в армии... Сталинский террор был реакцией на эти свидетельства, а не кампанией против нации» [42].

Р. Терстон также с большой осторожностью, если не с недоверием, относился к мемуарной литературе как к появившейся в Советском Союзе в годы «гласности», так и ранее опубликованной на Западе. Его оппонент, Д. Бурбанк, соглашалась с тем, что при использовании мемуаров нужна осторожность, но отмечала, что для того, чтобы понять сталинское время, проанализировать жизнь людей этого периода, необходимо использовать появившиеся мемуары и свидетельства современников [43].

Большое количество людей, в той или иной степени пострадавших в 1930-е гг., Р. Терстон объяснял необходимостью борьбы с криминальными элементами. При этом он не вспоминал ни специфику советского законодательства этого времени, ни отсутствие самостоятельности судебной системы, ни квоты на репрессированных, которые определялись центром для местных органов. НКВД, с его точки зрения, не являлся репрессивным органом. «Полиция» была частью общества, между ней, Сталиным и обществом в целом существовали прочные связи [44]. Интересно отметить, что автор признавал, что иногда НКВД «фабриковал дела». Но тут же заявлял, что это была лишь собственная инициатива НКВД, а не указание Сталина [45].

Выводы, к которым пришел Р. Терстон, не могли не вызвать острую реакцию многих исследователей. Важнейшие авторские положения заключались в том, система сталинского террора в том виде, в котором она описывалась предшествующими поколениями исследователей, никогда не существовала. Сталин не планировал террор. Террор коснулся меньшинства

населения, насилие применялось только по отношению к элите. «Многие советские граждане в 1930-е гг. узнавали о терроре только из газет или выступлений руководителей» [46]. Большинству людей сталинская система обеспечила возможность продвижения вверх и участия в общественной жизни.

Похожую точку зрения излагала и С. Дэвис в работе «Общественное мнение в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941». Она считала, что террор, поглотивший СССР во второй половине 1930-х гг., представлял собой серии как планировавшихся, так и хаотичных событий. Уязвимость была выше среди высокопоставленных слоев, а обычные рабочие и крестьяне в относительной степени пострадали меньше. Террор был частью популистской стратегии, направленной на мобилизацию подчиненных против тех, кто занимал ответственные посты, тем самым отводя недовольство от верхушки режима. С. Дэвис пришла к выводу: стратегия принесла определенный успех [47]. Террор против тех, кто воспринимался многими как новая элита, получил позитивный отклик на фабриках и в колхозах, поскольку соответствовал чувствам масс о «нас» (народе) и «них» (тех, кто у власти).

Р. Конквест, не соглашаясь с подобными выводами, писал, что, конечно, западному жителю трудно представить себя на месте советского человека. Не случайно русские часто говорят о западных исследователях: «как много они знают, как мало они понимают». Хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание [48].

Ч. Фаирбанк справедливо отметил, что здравый смысл указывает на то, что множество людей было убито в годы сталинского террора, однако советология со своими средствами, специальными методами, углубленными исследованиями оказалась неспособна четко сформулировать эту правду [49]. Добавим лишь, что вплоть до сегодняшнего дня многие аспекты сталинского террора и истории ГУЛАГа остаются спорными как для англо-американской, так и для российской историографии [см., напр.: 50; 51]. Даже вопрос о том насколько мы приблизились к пониманию этих вопросов остается предметом спора как исторического сообщества, так и российского социума.

GULAG AS AN OBJECT OF RESEARCH OF THE CLASSICAL ENGLISH HISTORIOGRAPHY

One of the sharpest and debatable questions of history of the Stalin's period – the estimation of scales of terror of the 1930-s, remained a dispute subject in Anglo-American Sovietology during all post-war period. It has been connected, first of all, with absence of the authentic data. For many years researchers could only rely on the undocumented testimonies, which differed significantly from each other and the reliability of which could not be verified.

The question on terror had three major components – scale of repressions, quantity of victims and their characteristics; terror functions, rational and irrational motives of its use; degree of organicity and inevitability of terror in the Soviet system. The developed conceptual characteristics of the role of political terror in Communist systems defined it as the arbitrary use of brutal violence against individuals or groups or real threat of such use by the bodies of political power. Meanwhile not all violence was estimated as the terror, because «ordinary» violent means leave to victims the possibility to orient and foresee the consequences of certain actions. Terror does not give such possibilities, without providing inviolability even for conformists. As Z. Brzezinski wrote, in conditions of terror «failure could mean the loss of life, but even the success does not guarantee freedom and safety» [1].

Of all the tools available in the arsenal of the state, terror is the last resort which is used when all other are exhausted. In some sense terror in internal policy is equivalent to war in external one – any government will prefer to use more limited or conventional means to maintain or strengthen their positions. But the capacity of the regime to resort to terror will allow it to achieve goals without the use of terror. The threat of arbitrary violence can be as effective as its application [2].

Considering terror as an important component of Stalinist system, English-speaking authors analyzed its various sides, not always being able to give a general quantitative estimate of the influence of Stalinism on the demographic situation in the USSR. D. Dallin and B. Nikolaevsky's book «Forced labour camps in the Soviet Union», published in 1947 [3] became the first serious study on the use of forced labour in the Soviet Union. To assess the extent of use of forced labour, the authors used a number of sources: evaluations of the former Soviet officials and prisoners found in the West; evidences of foreigners visiting the Soviet Union, and the Polish prisoners of the Soviet camps; data on the quantity of the newspapers received in camps; published figures about certain correction-labour camps.

In 1948 N. Timasheff used another technique for calculation of number of prisoners in camps. He analyzed the number of people who did not participate in the elections to the Soviets. His estimate for the number of prisoners in camps amounted to about 2 million people in 1937, that significantly differed from D. Dallin and B. Nikolaevsky's assessment, giving the resulting figure of 5–6 million people [4].

In 1952 the official report of the US State Department on forced labour in the Soviet Union [5] was published. Data of N. Timasheff, D. Dallin and B. Nikolaevsky, N. Yasny and some other researchers were cited. It was underlined in the report that the exact figure of the Soviet prisoners in Gulag camps cannot be named due to the absence of the official data. Figures of the estimates given by various experts fluctuate from 2 to 20 million people [6]. Similar figures were repeated in the State Department report in 1960 where it was noted that estimates of the western researchers on the quantity of prisoners in the pre-war USSR fluctuate from 3,3 million to 13,5 million people and more. But experts of the State Department considered last figures obviously overestimated [7].

In 1959 A. Wool, using N. Timasheff's technique, analyzed participation of the Soviet citizens in elections of 1937–1939 and estimated number of prisoners approximately as 3 million people [8]. In 1965 S. Swianiewicz published his work «Forced labour and economic development: studying of experience of the Soviet industrialization» in which on the basis of the Soviet economic statistics and evidences of refugees from the USSR assessed the use of forced labour in the Soviet economy as 6–9 million people [9]. R. Conquest's book «Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties» published in 1968, gave the quantitative estimation of prisoners in camps, arrests, shootings. The author used various accessible statistical sources, evidences of emigrants and the former prisoners. He estimated number of arrested persons in the 1930-s as 8–9 million [10].

In the 1980-s discussion concerning scales of use of forced labour in Stalin's Soviet Union, on the quantity of victims became again the object of attention of the Anglo-American historiography, due to appearance of new estimation techniques, the publication of some new demographic data in the Soviet press, wider application in Sovietology of the models used by other social sciences. Some authors, among them S. Rosefelde, S. Wheatcroft, R. Conquest, conducted constant polemics on pages of scientific magazines. The discussion started by S. Rosefelde's article in January (1981) issue of the magazine «The Soviet researches» and S. Wheatcroft's answer in April (1981) issue of the same edition [11] continued during all the 1980-s, becoming more and more sharp, political and personal. Only after partial opening of the Soviet and Russian archives on the boundary of the 1980–1990-s there appeared essentially new, though, not definitive, possibilities for the estimation of critical moments of discussion.

In his article S. Rosefelde wrote that though the English literature on Stalin's terror is extensive enough, numerical estimations of use of forced labour are too fragmentary and inexact. Therefore he considered it necessary to open the discussion of this question again. S. Rosefelde used the accessible documentary material, the published sources, official publications, eyewitnesses and materials of economic and demographic statistics for a quantitative estimation. According to his estimates, number of prisoners of Gulag made 9–10 million people. S. Wheatcroft considered these figures overestimated. By his estimates, there could not be more than 4–5 million people in the Soviet concentration camps in the late 1930-s.

In the publication «Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949» S. Rosefelde assessments are associated with the overall losses of the population of the USSR in Stalin's years [12]. Having noticed that the data about excess losses of the Soviet population in 1926–1939 fluctuate in the western scientific literature from 5,5 million to 20,6 million people, he has come to even higher figures. By estimates of S. Rosefelde, in the USSR as a result of collectivization, industrialization, mass terror in 1929–1949 (without military losses) 21,4–24,4 million adults and 7,2–8 million children were lost. In the following publication in «Slavic Review» he specified the data of losses of the population in 1929–1937, giving 16,5 million people [13].

S. Wheatcroft called these estimations « Yet Another Kluikva from Steven Rosefelde», having noted their absolute unscientific nature. In his opinion, memory of millions victims in years of Stalinism «should not be subjected to inflation», after all there is no demographic evidence on losses of the Soviet population in 1926–1939 of more than 6 million people or more than 3–4 million people in collectivization period. The recognition of these «low» figures is no equivalent to treachery of victims or the justification of Stalinism. This is simply following the scientific accuracy, instead of emotions [14]. S. Wheatcroft's point of view was also supported by B. Andersen and B. Silver, having estimated the situation in the Soviet Union of the 1930-s from positions of the demographic analysis [15].

However B. Andersen, B. Silver and S. Wheatcroft's approach was sharply criticized by R. Conquest. He did not defend S. Rosefelde's estimation in which he found many errors, but he was against application of techniques in relation to Stalin's Soviet Union used at studying the demographic situation in other countries and under other conditions.

R. Conquest wrote that since the Webb's some western researchers accepted as the truth all (with no exception) facts, figures, statements published by the Communist authorities. They also believed that the Soviet election system,

trade unions, co-operative societies really existed in the form as it was declared. Inability to imagine that official documents can lie, has remained up to the present. So, «revisionists»-sovietologists denied possibility of mass falsification of documents in the Soviet Union, while evidences of emigrants and deserters named comical [16].

According to R. Conquest, the problem partially was that some revisionists (for them he uses terms «sect» and «clique») were social historians, but not historians in the true sense of the word. They were interested in structure, but not in essence, in form, but not in content. For example, noting growth of new cadres in Stalin years, they did not underline criteria of growth of new ruling class which in practice were just severe «negative selection».

R. Conquest insisted on the necessity of updating of the official Soviet data by means of evidences of eyewitnesses and emigrants as the Soviet demographic statistics was repeatedly garbled by the power in political aims. Besides, he did not think that for the evaluation of Stalinism it did not matter how many millions people were destroyed. The difference in a moral estimation of murder of millions or tens of millions is really not so great, but still this difference exists, and it has both historical and public importance [17]. In the updated edition of the well-known work «Great Terror» R. Conquest gave the following figures: by the end of 1938–7 million people were in camps, 1 million people were shot and 2 million died in camps [18]. He considered that «the big terror» of 1936–1938 was not accidental. As any historical phenomenon, terror had roots in the past. R. Conquest did not doubt that it was an inevitable consequence of the nature of the Soviet society and the Communist party [19].

The new situation connected with a quantitative estimation of victims of Stalin's repressions, has arisen in the western historiography on the boundary of the 1980–1990-s when Soviet «publicity» has given the chance to include for the first time in the scientific turnover the archival statistical data about the repressive policy of Stalin's regime. Anglo-American historians began to use widely the Soviet and Russian publications, to make reevaluation of some western stereotypes. For example, A. Nove and M. Ellman's articles were completely based on publications of the Soviet scientists [20]. But the new statistical data was inconsistent enough and left a place for various treatments. So, in the collection of 1993 «Stalinist Terror: New Perspectives» A. Nove wrote about 11 million «excessive deaths» in the USSR in 1927–1937, and S. Wheatcroft – about 4–5 million [21].

J. Getty and G. Rittersporn in the joint publication with V. Zemskov gave data about subjected to repression in pre-war years. The maximum total (including Gulag, and special settlements) was in 1937–2,75 million people [22]. The authors recognized that their figures cannot be considered as definitive and re-

quire clarification. At the same time new documents allowed to estimate scales of Stalin terror and to translate its analysis on documentary base. J. Getty and G. Rittersporn even considered that the historians studying this aspect of Stalinism, began to have more detailed documentary base, than researchers of the German Nazism [23].

V. Zemskov, Russian co-author of J. Getty and G. Rittersporn, in Russian-language publications gave extremely sharp estimations to opponents of the colleagues. He considered that the Soviet and foreign public on the whole still is under the influence of the statistical calculations not corresponding to the historical truth containing in works of foreign authors (R. Conquest, S. Cohen, etc.), and in publications of some Russian researchers. In works of these authors the discrepancy with the true statistics never goes towards underestimation, but exclusively towards repeated overestimation. He had the impression that «they were competing among themselves in amazing readers with figures ... The statistical data given by R. Conquest and S. Cohen is exaggerated almost five times» [24].

In polemics with S. Maksudov, the author of many publications on the demographic situation in the Soviet Union, published in days of emigration of the researcher in the West [25], V. Zemskov declared that «Mr. Maksudov should reconcile to a role of Zemskov as arbitrator in definition of authenticity or unauthenticity, accuracy or discrepancy of the information on the given problematics which has filtered at various times to the West». Moreover, he directly accused the western historians of a withdrawal from scientific objectivity, asserting that scientists (especially those who dealt with the problem of repressions in the USSR), being in certain public conditions, could not but carry out the social order which was required at the moment to the society (though the researchers themselves, probably, did not always realize it). In his opinion, it was no mere chance that during the period of «cold war» the literature containing the exaggerated data about scales of repressions in the USSR [26] was widely published in the West.

V. Zemskov was close to the position of the American revisionists of «the second wave» in depersonalization of terror of the 1930-s. He, as well as J. Getty, R. Thurston and some other English-speaking researchers, switched attention from persons to tendencies. In his article «Gulag (historical-sociological aspect)» V. Zemskov wrote that «in the course of withdrawal in the mid-1950-s from the repressive policy the personal factor played a subsidiary role as circumstances were stronger than will and desire of separate persons. We are convinced that be then Stalin alive, he would have headed the policy of liberalization» [27].

Inconsistent estimations in the academic environment were caused by the collection «Stalin terror: New prospects», published under the editorship

of J. Getty and R. Manning in 1993 [28]. The authors tried to use the appeared new possibilities of studying Stalinism and consequently wrote about «new prospects». However from the point of view of F. Benvenuti, the common feature of all articles presented in the collection, was replacement of the question on the reasons of terror by the problem on how the mechanism of terror [29] operated. Similar views were also supported by D. Filtzer noticing that in the book the major question on the place of terror in Stalin's system, its basic importance for preservation and strengthening of Stalin's power system was not analyzed. The problem could not be reduced to social mobility and redistribution of privileges. Terror affected all population, suppressing its will, possibility to think and operate freely and by that allowing the ruling elite to keep the power [30].

Not all English-speaking authors completely trusted the archival data, underlining that consequences of political manipulation with the Soviet statistics could not but affect the archival documents. They did not consider documents fetish and insisted on their critical analysis to what all historical evidences should be exposed. So, R. Conquest thought, that exactly the noncritical attitude to the Soviet sources has led «revisionists» to reevaluation of Stalin's terror both in quantitative, and qualitative sense. Demographers B. Andersen and B. Silver used in the calculations the results of the Soviet population census of 1939 even when the Soviet researchers recognized this census falsified. R. Conquest wrote that he remembers, how in the 1970-s S. Cohen told him when meeting at the Colombian university that someone from Sovietologists considers that Stalin had destroyed only ten thousand people. «I did not believe. Then Stephen has brought me to J. Hough and asked him: «Jerry, how many people were destroyed by Stalin?». Hough answered: «About ten thousand» [31].

Further R. Conquest noticed that J. Hough was one of the influential predecessors of Sovietologists-revisionists whose attitude to representatives of the senior generation of researchers was as to «soldiers of cold war». «While in the USSR they called us anti-Soviets. What was our anti-Sovietism? We were convinced that Stalinism had imposed the Russian and other peoples extreme system of terror. We believed that it was the erroneous way, but not normal historical process. We were convinced that Stalin and his successors conducted «cold war» not only against the West, but also against own people. We were convinced that the Soviet official documents had been falsified, and that the best sources of information were samizdat, messages of emigrants and deserters» [32].

S. Wheatcroft wrote that some researchers, for example W. Laqueur and R. Conquest, apparently, believe that officials of the People's Commissariat of Internal Affairs and Gulag did not require real information and specially falsified the data to mislead the western historians. He spoke of the availability of a considerable massif of classified documents of the Stalin's period

entered into the scientific turnover in the 1990-s, and denied technical possibility of their deliberate falsification [33].

In publications of second half of the 1990-s the authors repeated their earlier argumentation and only in small degree changed resulted quantitative estimations. In 1996–1997 S. Rosefielde again underlined that demographic methods give more exact data, than archival data, and gave 9,7 million of «excessive deaths» in 1930–1937 from which not less than 5,2 million were directly connected with the activity of the People's Commissariat of Internal Affairs [34]. S. Wheatcroft, having urged historians differentially to concern mass repressions and mass murders, wrote in 1996–1999 that Stalin can be made responsible for destruction of about 1 million people [35].

It is necessary to recognize that, despite availability of archival documentary witnesses, exact figures of victims of Stalin's repressions are not named till now. Though radical maximum and minimum estimations, for example «the few of hundred thousand», given by J. Hough [36], or more than 60 million victims for the years of the Soviet power given by R. Rummel [37], seem marginal, the officially recognized estimation has not appeared.

In such conditions there appeared works which authors called into question the influence of terror on everyday life of the Soviet society of the 1930-s. The sharpest reaction in the English-speaking academic world was caused by R. Thurston's book «Life and terror in Stalin's Russia, 1934–1941» [38], which J. Lauber named «the outstanding example of revisionist research» [39]. K. Boterbloem underlined that in certain degree works of revisionists became a useful addition to understanding the history of the Soviet Union. As to R. Thurston, he aspired to present Stalin's Soviet Union in more favorable light, than traditional western historiography. The result turned out to be opposite. In his interpretation the Soviet people appeared the dangerous majority, which had itself created catastrophe, while Stalin only from outside observed this process. K. Boterbloem agreed that many Soviet citizens are morally responsible for silence, and many others – for participation in violence. But R. Thurston forgot that in conditions of dictatorship the power does not need support of the majority of the population. The Soviet history has shown that the organized minority is capable to impose its will to the majority for a long time [40].

R. Thurston, as well as J. Getty, considered that number of those subjected to repression were exaggerated in the previous English-language historiography. However in his revision of the concept he went further, having declared that the general influence of terror on the Soviet society in Stalin's years was not considerable. R. Thurston's basic thesis consisted in that there was no mass fear for the repressions in the 1930-s in the Soviet Union. Terror concerned only separate representatives of elite and did not represent the system directed on all so-

ciety. From R. Thurston's point of view, we cannot speak of any «atomization» of society, suppression of society by the state, as the society more likely supported Stalin's regime, than was afraid of it. He wrote that in Stalin's years there were millions victims, though last evidences from the Soviet archives show that many orthodox estimations are too exaggerated. But it would be wrong to say that all people were victims of repressions. In the 1930-s many people supported the state violence and even participated in it at their own will. Stalin in the same degree reacted to the events, as well as formed them. Stalin did not need mass fear to operate the society [41].

R. Thurston's attitude to new archival evidences was extremely selective. So, despite many rehabilitation documents, he considered that the opposition represented huge danger to Stalin. «The Trotsky's opposition really existed in the USSR; Bukharin knew of the existence of the anti-Stalin center; at least, one of Buharin's followers spoke about Stalin's murder; Germans provided information on the guilt of Tukhachevsky and plot in army ... Stalin's terror was reaction to these evidences, but not the campaign against the nation» [42].

R. Thurston with great caution, if not with mistrust, treated literary memoirs both the one that appeared in the Soviet Union in days of «publicity», and the previously published in the West. His opponent, D. Burbank, agreed that at use of memoirs caution is needed, but noted that in order to understand Stalin's time, to analyze the life of people of this period, it is necessary to use the appeared memoirs and evidences of contemporaries [43].

R. Thurston explained great number of people, to some extent victims of the 1930-s, by the necessity of struggle against criminal elements. But he did not recall neither the specificity of the Soviet legislation of this time, nor the absence of independence of judicial system, nor quota on the subjected to repression which was defined by the centre for local bodies. The People's Commissariat of Internal Affairs, from his point of view, was not a repressive body. The «Police» were part of the community, between them, Stalin and society there was a strong link [44]. It is interesting to note that the author recognized that sometimes the People's Commissariat of Internal Affairs «fabricated affairs». But there and then he declared that it was only the initiative of the People's Commissariat of Internal Affairs, and not Stalin's instructions [45].

Conclusions to which R. Thurston has come, could not but cause a sharp reaction of many researchers. The major author's positions consisted in that, the system of Stalin's terror as it was described by previous generations of researchers, never existed. Stalin did not plan terror. Terror touched a minority of the population, violence was applied only to elite. «Many Soviet citizens in the 1930-s knew about terror only from newspapers or speeches

of the leaders» [46]. To the majority of people Stalin's system provided advancement possibility upwards and participation in public life.

The similar point of view expressed S. Davies in her work «Public opinion in Stalin's Russia: terror, propagation and heterodoxy, 1934–1941». She considered that the terror that engulfed the USSR in the second half of the 1930-s, was a series of both planned and chaotic events. Vulnerability was higher among the high-ranking layers, while ordinary workers and peasants had suffered less. Terror was a part of the populist strategy directed at mobilization of subordinates against those who occupied responsible posts, thereby averting discontent from the tops of the regime. S. Davies has come to a conclusion: the strategy has brought certain success [47]. Terror against those who was perceived by many as new elite, received positive response at factories and in collective farms as it corresponded to feelings of masses about «us» (people) and «them» (those who in power).

R. Conquest, disagreeing with such conclusions, wrote that, of course, it was difficult for a western inhabitant to imagine himself at a place of the Soviet man. It is no mere chance that the Russians often speak about the western researchers: «they know much, they understand little». Though concerning some revisionists there are doubts as to knowledge and understanding [48].

C. Fairbanks has fairly noted that the common sense shows that many people were killed in days of Stalin's terror, however Sovietology with its means, special methods, profound researches has appeared incapable to formulate accurately this truth [49]. We can only add that up to now many aspects of Stalin's terror and Gulag history remain disputable both for Anglo-American, and for the Russian historiography [see, e.g.: 50; 51]. Even the question on how much closer we have come to understanding these questions remains a subject of dispute both for a historical community, and the Russian society.

ЛАГЕРЯ И СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА 1930-х ГОДОВ

С начала 1930-х гг. лагеря становятся важным фактором развития советской экономики. А «рабочий фонд» ГУЛАГа постоянно увеличивался, что являлось постоянным соблазном для хозяйственных ведомств, для расширения участия подневольного труда в решении крупных и амбициозных производственных задач.

Несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х гг. были все-таки не заключенные, а спецпереселенцы, численность которых в то время в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным Отдела спецпереселений ОГПУ, только за 1930–1931 гг. в ссылку на спецпоселение были отправлены 1 803 392 чел., а число заключенных, находившихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г., по тем же данным, «лишь» 268 700 [52]. Подневольный труд спецпереселенцев (трудпоселенцев, спецпоселенцев, выселенцев) активно использовался в гуглаговской системе на протяжении всех лет ее существования. Максимальные его параметры приходятся на начало 1950-х гг., когда на учете спецпоселений значилось более 2 500 000 чел. Правда, большинство из них (около 60%) составляли нетрудоспособные (дети, старики, инвалиды), что существенно ограничивало «использование» этого «рабочего ресурса» [53].

Формально переселенцы и ссыльные различных категорий имели равные права с вольнонаемными работниками – во всяком случае, в том, что касалось оплаты и условий труда. Однако в реальной жизни «хозяйственное использование» спецпереселенцев, лишенных права свободного передвижения и выбора места жительства, приобретало характер откровенной эксплуатации. Действительное, а не декларированное положение этих людей было таково, что их в любой момент (по «режимным» либо «производственным соображениям») могли перебросить с одного места на другое (порой за тысячи километров), и при этом никого из принимавших подобные решения не интересовало, что «перемещаемым» приходилось бросать и отчие дома, и с трудом нажитое имущество, и семейные очаги и т.д.

Труд спецпереселенцев использовался в различных отраслях народного хозяйства, но чаще всего – на работах тяжелых, низкоквалифицированных и малооплачиваемых, к каковым во все времена в России относилось, прежде всего, земледелие. Широкое применение подневольного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на внедрении достижений технического прогресса, на применении новых технологий и т.п.

И все же в системе подневольного труда роль спецпереселенцев, при всей ее значительности, не являлась определяющей. Основу гулаговского хозяйства составляли лагеря и колонии – с их огромным резервуаром мобильной, а главное «бесплатной» (по мнению «вождей» страны) рабочей силы. За годы первых «сталинских» пятилеток в СССР были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни лагерей и колоний, которые органически вписывались в систему экстенсивного советского «народного хозяйства», основанного на тотально-директивном планировании, внеэкономических методах принуждения к труду и уравнительном распределении общественного продукта: нищенском – для трудящихся «низов», льготно-барском – для административно-номенклатурных «верхов».

Отсутствие развитых средств производства и экономических стимулов делало труд как на «воле», так и за колючей проволокой одинаково малоэффективным и низкопроизводительным. Но при этом рабочим, поступавшим на стройки и предприятия по вольному найму (в том числе так называемым «вербованным» или «бичам»), хоть и по минимуму, но все же выдавали зарплату, устанавливали (пусть и убогие) социальные гарантии, тогда как труд заключенных считался по сути «дармовым» – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта «бесплатность» подневольного труда, создававшая иллюзию его «дешевизны», и представляла особый соблазн для директивной советской хозяйственной системы, отличавшейся высокими мобилизационными возможностями, но отнюдь не склонной к материальному стимулированию работников [54].

Определяющее воздействие на развитие лагерной хозяйственной системы оказало решение о строительстве Беломорско-Балтийского канала (ББК). Возведение этой транспортной системы, начавшееся во второй половине 1930 г., велось силами заключенных двух лагерей и было завершено в рекордные сроки – за два года. В отдельные периоды на строительстве было сосредоточено более 100 тыс. заключенных. Лагерная система впервые на практике продемонстрировала свои «преимущества»: быстрое сосредоточение в нужном месте значительных контингентов рабочей силы, возможность эксплуатации заключенных в любых условиях, не считаясь с потерями [55]. Между тем, эта лагерная стройка (как, впрочем, и многие последующие), началась без технического проекта, до завершения топографических и геологических работ, развернулась в осенний период и в условиях полного отсутствия жилья, дорог, механизмов, автотранспорта и многого другого, жизненно необходимого, в том числе – и достаточного количества продовольствия. Условия труда были крайне тяжелыми, что приводило к массовой гибели людей – от болезней и истощения. Документы

свидетельствуют, что многие лагерники умерли, проработав на канале всего два-три месяца. Подобная «организация» производства стала в гулаговской системе традицией, не меняясь в течение десятилетий.

Суть ее с циничной откровенностью и предельной лаконичностью выразил один из создателей и руководителей этой системы – генерал инженерно-технической службы, начальник ГУЛЖДС НКВД-МВД СССР в 1940–1947 гг. Н. Френкель: «Нам нужно забрать от узников все в первые три месяца, а потом они уже не нужны» [56]. Другой знаменитый гулаговский «менеджер» – старший майор госбезопасности Я. Мороз, начальник Ухтинско-Печорского ИТЛ (Коми АССР, 1932–1938 гг.) заявлял, что ему не нужны ни машины, ни лошади. Один из немногих лагерников, переживших «стиль морозовского руководства», вспоминал: «Дайте побольше заключенных – и он построит железную дорогу не только до Воркуты, а и через Северный полюс. Деятель этот был готов мостить болота заключенными, бросал их запросто работать в стылую зимнюю тайгу без палаток – у костра погреться! – без котлов для варки пищи – обойдутся без горячего! Но так как никто с него не спрашивал за «потери в живой силе», то и пользовался он до поры до времени славой энергичного, инициативного деятеля» [57; 58].

По традиции, унаследованной (умышленно или подсознательно) от восточных деспотий, особую «привилегию» сталинско-советской лагерной системы составляло возведение различных гидротехнических сооружений, прежде всего – грандиозных каналов. После ББК (имени Сталина) появился канал «Москва-Волга» (имени Москвы), затем – «Волга-Дон» (имени Ленина), Главный Туркменский, «Волга-Урал» и др. И все это – по большей части вручную, часто без особой хозяйственной надобности, не заботясь о потерях и последствиях, просто – ради демонстрации «советского могущества», показухи вокруг очередного «триумфа социалистической системы», копеечной сиюминутной выгоды.

Гулаговское начальство, как вспоминает бывший политзаключенный Л. Разгон, любило бывать на лагерных «катищах» (лесобиржах). Там, «аккуратно укатанные по сортаментам, с побеленными торцами, высятся огромные этажи штабелей круглого леса. Ни в чем, как в этих красавцах штабелях, так не сказывается мысль Маркса об обезличенности окончательного продукта труда. Вот лежит лес, и ничто в нем не только не кричит – не говорит, не шепчет о том, как были сюда доставлены люди, которые этот лес пилили, как ходили они в заснеженную тайгу, как ворочали дрынами хлысты, когда кряжевали их на сортаменты, как грузили, разгружали, укатывали... И если начальство и нуждается в некотором чувстве оправдания (что маловероятно), то им способны давать это чувство беско-

нечные насыпи железных дорог, зеленеющие откосы каналов, многоэтажье Ангарска, Воркуты и Норильска, громадина Московского университета – да мало ли есть прекрасного, что раньше именовалось «объектами», «подразделениями», «хозяйствами», «почтовыми ящиками»...» [59].

Система подневольного труда расширялась из года в год. Рабами ГУЛАГа велось строительство не только каналов, но и целого ряда других крупных промышленных и транспортных объектов: гидроэлектростанций (Волжская, Жигулевская, Угличская, Рыбинская, Куйбышевская, Нижнетуломская, Усть-Каменогорская, Цимлянская и др.); металлургических предприятий (Норильский и Нижнетагильский металлургические комбинаты и др.); объектов советской ядерной программы; ряда железных дорог (Трансполярной магистрали, Кольской железной дороги, тоннеля на Сахалин, «Караганда – Моинты – Балхаш», Печорской магистрали, вторых путей Сибирской магистрали, «Гайшет – Лена» (начало БАМа) и др.); автострад («Москва – Минск», «Магадан – Сусуман – Усть-Нера»). Многие города основаны или строились учреждениями ГУЛАГа (Норильск, Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань, Магадан, Дудинка, Воркута, Ухта, Инта, Печора, Молотовск/Северодвинск, Дубна, Находка, Джезказган, Братск, Салехард, Саров, Ангарск, Снежинск, Озерск и десятки других). Значительная часть этих «гулаговских новостроев» так и не появилась на советских официальных картах, оставаясь засекреченными «городами-невидимками» [60; 61]. Труд заключенных использовался также в сельском хозяйстве, в добывающих отраслях и на лесозаготовках.

Не без участия подневольного труда возводились и «ударные объекты» – «первенцы социалистической индустриализации». Но здесь – своя, особая история. Как известно, еще в 1931 г. Сталин оценил отставание СССР от развитых стран Запада в 50–100 лет и заявил о необходимости «пробежать это расстояние в 10 лет», поскольку «слабых бьют» [62]. И преодолеть эту дистанцию (ловкий политический ход!) предполагалось не без помощи «мирового империализма».

Первым «помощником» и «спонсором» избрали недавнего «главного врага» – Германию, сыграв на «взаимных интересах»: СССР нуждался в новых технологиях, Германия – в сырье. Туда поставляли железную руду, нефть, хлопок, лес. Оттуда шли новейшие станки, в том числе для производства гильз, снарядов и орудийных стволов. Не меньше Германии поработали на «советскую индустриализацию» и США (здесь в Кремле сыграли, прежде всего, на последствиях экономического кризиса – «великой депрессии» конца 1920-х – начала 1930-х гг.). Горьковский (тогда еще Нижегородский) автозавод был построен для СССР американской компанией «Форд моторс» за 30 млн. долларов. В 1932 г. с его главного конвейера со-

шел первый советский грузовик «ГАЗ-АА» – точная копия американского «Форда-АА». Этой машине предстояло стать легендарной советской «полуторкой». В 1931 г. СССР занял первое место в мире по импорту станков и оборудования из США.

Угольная промышленность (в особенности Кузбасс и Донбасс), сталелитейные, прокатные заводы, даже «ленинский план ГОЭЛРО» – все это было создано, поднято, оборудовано западными фирмами. При помощи американцев, по их проектам, на их технологиях и оборудовании были возведены такие флагманы «индустриализации», как ДнепрогЭС, ЗИЛ и АЗЛК в Москве, Уралмаш (Свердловск), Запорожсталь, Магнитогорский металлургический комбинат, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы. На последних выпускали, в основном, танки [63; 64]. Всего же при непосредственном содействии западных капиталов и специалистов в СССР были сооружены сотни объектов в разных отраслях советской экономики: от металлургии и энергетики – до предприятий пищевой промышленности [65].

Но вот ведь парадоксальный факт: при возведении практически всех гигантов «социалистической индустрии» использовался, с одной стороны, самый передовой зарубежный технологический опыт (американский, германский и т.п.), и в то же самое время применялись доиндустриальные, по существу, формы организации строительства, включая рабский труд подневольных «спецконтингентов». Кирка, тачка, лопата и другие примитивные орудия труда представлялись высшему советскому руководству максимально эффективными в его стремлении «догнать и обогнать» передовые страны мира по уровню промышленного производства.

В годы первых «сталинских» пятилеток коммунистическая пропаганда всеми возможными средствами насаждала в лагерной среде «пафос созидания». Девизом лагерных газет-многотиражек стал лицемерный сталинский постулат: «Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и героизма». Пропагандистский прессинг при этом сочетался с «исправительно-трудовым»: для подневольных изобретались всевозможные «почины», «трудовые вахты», «салюты», насаждались «ударничество», «стахановское движение» и «трудовое соревнование», которое, если верить отчетам гулаговского начальства, «охватывало» чуть ли не 95% «производственников». Со временем менялся и «социальный статус» лагерников. Вплоть до осени 1937 г. в советской пропагандистской литературе и даже в служебных документах наблюдалось стремление избегать самого слова «заключенный». Узников ГУЛАГа, как правило, называли «лесорубами», «каналоармейцами», «производственниками», «исполнителями программы», «ударниками», «стахановцами» и т.п. Термин «стахановец» особенно

активно использовался в официальной лагерной лексике середины 1930-х гг. Для «хорошо работающих» заключенных в лагерях оборудовались «стахановские бараки», на кухнях выделялись «стахановские котлы» и т.д. Еще в 1936 г. на железнодорожных станциях можно было наблюдать такую картину: идет эшелон с заключенными (так называемая «краснуха»), на вагонах – знамена, лозунги о «стахановском движении», портреты вождей – Сталина, Л. Кагановича и других, плакаты с надписями вроде: «Мы, стахановцы, едем на ударную стройку!», и здесь же – конвоиры с винтовками, решетки на окнах, через которые эти самые «стахановцы» на «волю» поглядывают. Абсурдистская логика и явные образы Оруэлла.

С конца 1930-х гг. лагерно-хозяйственная деятельность НКВД заметно активизируется. Она обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. В этот период резко увеличивается население ГУЛАГа и заметно удлиняются сроки наказания подневольных. Если в 1936 г. имелось 13 крупных лагерных комплексов с объемом работ на сумму 1,3 млрд. руб., то весной 1938 г. их стало уже 33, а объем капитального строительства возрос до 2,6 млрд. руб. Только за зиму 1937–1938 гг. НКВД организовал 13 новых лагерей, преимущественно лесного профиля, в которых разместили более 60 тыс. вновь поступивших заключенных. В результате в 1938 г. предприятия лесной промышленности, входившие в систему ГУЛАГа, вывезли 22,9 млн. кубометров леса, что в три раза превышало уровень 1937 г. (7,4 млн. кубометров). В 1938–1939 гг. НКВД обеспечивал уже 13% всех лесозаготовок СССР [66]. Добыча золота предприятиями НКВД выросла (в химически чистом эквиваленте) с 33 360 кг в 1936 г. до 62 008 кг в 1938 г., то есть почти в два раза [67]. Словом, ГУЛАГ превращается, по выражению его сотрудников, в «огромный комбинат, который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т.д.».

Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общегосударственном объеме составлял: никеля – 46,5%, олова – 76%, кобальта – 40%, хромовой руды – 40,5%, золота – 60%, лесоматериалов – 25,3% [68; 69]. Объем лагерного производства цветных металлов составлял 40% от объема продукции, выпускаемой предприятиями Наркомцветмета СССР. По неполным данным, на ГУЛАГ в среднегодовом исчислении приходилось не менее 3% валового национального продукта страны. Перечислить все, что добывал и производил ГУЛАГ, практически невозможно. К 1940 г. лагерно-производственная система охватывала не менее 20 отраслей, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1% всей лагерной товарной продукции), лесозаготовка (16,3%) и топливная

промышленность (4,5%). Наряду с промышленным производством важнейшим элементом лагерной системы являлось капитальное строительство. В 1940 г. на долю НКВД приходилось 11% всех капитальных вложений СССР [70; 71].

В предвоенный период в СССР сформировался ряд лагерно-производственных комплексов, на откуп которым были целиком отданы огромные территории малоосвоенных регионов. На Колыме и Чукотке хозяйничал Дальневосточный комбинат НКВД, на Печоре и Ухте – Ухтинский комбинат НКВД, в Карелии – Беломорско-Балтийский комбинат НКВД и т.д. После начала в 1939 г. Второй мировой войны советское правительство в спешном порядке принимает многочисленные постановления о строительстве предприятий и объектов военного назначения. И существенная часть этих планов возлагается на НКВД. Наиболее значительным в этот период был размах железнодорожного строительства – на Дальнем Востоке и Европейском Севере. Второе место по объемам выполняемых НКВД работ занимало гидростроительство – сооружение Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей, соединявших Балтийское и Белое моря с Каспийским, а также гидроэлектростанций и портов.

Резкий скачок в предвоенные годы совершила цветная металлургия НКВД: наращивалось производство золота, никеля (Норильский комбинат и комбинат Североникель в Мурманской области), олова, меди (Джезганский комбинат). Трудом заключенных создавалась новая нефтяная база на Европейском Севере, строились гидролизные, сульфитно-спиртовые, авиационные заводы, автомобильные дороги и многое другое. В 1940 г. удельный вес капиталовложений, освоенных НКВД, в общих централизованных капитальных вложениях достиг 14% [72].

Особенности эксплуатации заключенных и основные отрасли советской промышленности. Хозяйственный рост НКВД в этот период (как, впрочем, и в другие времена) достигался, прежде всего, за счет «использования внутренних резервов», т. е. усиления эксплуатации заключенных, некоторого упорядочения управления лагерями и т.п. Именно с этой целью вновь назначенный нарком внутренних дел СССР Л. Берия весной-летом 1939 г. провел в ГУЛАГе своеобразные «административные реформы». Их ядро составляла отмена так называемых «зачетов рабочих дней». Эта система предполагала сокращение срока заключения – в определенной пропорции ко времени, отработанному лагерником на производстве. Отмена таких «зачетов» позволила «стабилизировать контингенты рабочей силы», но привела к уничтожению самых действенных стимулов повышения производительности лагерного труда. В качестве «заменителя» этих стимулов, как обычно в сталинско-советской системе, применялись

административно-репрессивные методы. Так называемым «дезорганизаторам» и «саботажникам» лагерного производства добавляли новые длительные сроки заключения, а наиболее строптивых подвергали «высшей мере социальной защиты», попросту говоря, расстреливали [73]. Хотя многие производственные задания ГУЛАГа уже в конце 1930-х – начале 1940-х гг. имели военно-мобилизационное значение, начавшаяся война внесла существенные коррективы в хозяйственную деятельность НКВД. На состояние лагерно-производственной системы в годы войны оказывали воздействие несколько важных факторов. Во-первых, качественно и количественно изменились «контингенты рабочей силы», находившиеся в распоряжении НКВД. В связи с необходимостью эвакуации части лагерей и колоний и ухудшением условий в ГУЛАГе, в 1941 г. произведено досрочное освобождение 420 000 заключенных. В 1942–1943 гг. 157 000 заключенных, репрессированных за «незначительные преступления», досрочно освобождены и направлены в армию [74]. Чрезвычайно высокой в годы войны была смертность в ГУЛАГе. В 1941–1945 гг. в лагерях и колониях, согласно ведомственной статистике, умерли более 1 млн. узников. В результате, несмотря на новые притоки «лагерного населения», общая численность его значительно сократилась. С 1 июля 1941 г. по 11 февраля 1945 г., например, численность «контингентов» в лагерях и колониях уменьшилась с 2 300 000 до 1 400 000. При этом значительную часть лагерников составляли истощенные и больные. Даже по официальным данным, удельный вес заключенных, работавших на производстве, снизился в 1942–1944 гг. до 65–70%, а количество больных составляло примерно 20% [75].

Недостаток заключенных в какой-то мере компенсировался использованием так называемых «мобилизованных контингентов» – 400 тыс. советских граждан национальностей тех стран, которые воевали с СССР (немцы, финны, румыны и др.). 220 тыс. из них были направлены на хозяйственные объекты НКВД, остальные переданы другим наркоматам и ведомствам [76]. Часть «трудмобилизованных» содержалась в лагерях – наравне с заключенными. В последний период войны и в послевоенные годы в качестве «рабочей силы» активно использовались военнопленные, контингенты проверочно-фильтрационных лагерей, репатрианты, интернированные и т.д.

Во-вторых, ограниченное количество «полноценной рабочей силы», наряду с такими факторами, как массовая эвакуация многих объектов и военно-мобилизационная перестройка экономики, оказали воздействие на размеры и структуру хозяйственной деятельности НКВД. По сравнению с предвоенным периодом в ней уменьшилась доля железнодорож-

ного, шоссейного и особенно гидротехнического строительства. За счет этого произошло увеличение участия НКВД в строительстве предприятий черной и цветной металлургии, топливной промышленности, а также в сооружении аэродромов. Военные потребности обусловили также пере-профилирование многих промышленных предприятий НКВД на выпуск боеприпасов, обмундирования, снаряжения и т.п.

После войны, в результате усиления репрессий в стране и увеличения численности заключенных, НКВД (с марта 1946 г. – МВД) не только выделяет значительное количество «рабочей силы» различным хозяйственным наркоматам, но и на протяжении почти десятилетия, вплоть до смерти Сталина, наращивает собственную хозяйственную деятельность. На 1 января 1949 г. в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных ИТЛ с почти 30 000 лаготделений и лагпунктов и 1 734 колонии. Общее количество заключенных достигло 2 356 685, из них трудоспособных – 1 963 679 (83,3%). Более половины (55,8%) составляли молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет, почти четверть (22,1%) – женщины [77]. Кроме того, на учете МВД находилось более 2 550 000 спецпоселенцев, а в системе ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных) – около 1 000 000 чел. [78; 79].

В самом общем виде производственную деятельность МВД в начале 1950-х гг. можно представить следующим образом. Хотя относительные показатели доли промышленной продукции МВД были в целом не так уж значительны (в 1952 г. – в оптовых ценах предприятий примерно лишь 2,3% к общему объему промышленного производства страны), но по целому ряду важнейших хозяйственных позиций МВД занимало лидирующее или даже монопольное положение. Осенью 1946 г. в ведение МВД было передано Главное управление золотоплатиновой промышленности (Главзолото) Министерства цветной металлургии СССР, что означало сосредоточение в руках МВД всей этой «валютной» отрасли (в 1949 г. добыча химически чистого золота составила 111 900 кг). Под управление МВД передаются также вся слюдяная и асбестовая промышленность, добыча алмазов, кобальта, апатитов и т.д. В 1952 г. МВД обеспечивало производство примерно 70% олова и трети никеля [80; 81]. Вывозка деловой древесины и дров предприятиями МВД по плану 1953 г. должна была составить 15,4% общесоюзной. Кроме того, МВД занимался добычей угля, нефти, нефтепереработкой, выпуском разного рода машин и оборудования, производством товаров широкого потребления.

МВД оставался и крупнейшим строительным ведомством. В послевоенный период вновь активизировалось его участие в железнодорожном и особенно – в гидротехническом строительстве. Начиная с 1950 г. сила-

ми заключенных возводились многочисленные гидротехнические сооружения, названные официальной пропагандой «сталинскими стройками коммунизма» – Волго-Донской, Волго-Балтийский, Туркменский каналы, Куйбышевская и Сталинградская ГЭС и др. Одними из крупнейших производственных подразделений были строительные объекты для Министерства нефтяной промышленности (нефтеперерабатывающие заводы и предприятия по производству искусственного жидкого топлива).

Особое место занимали военно-промышленные объекты, прежде всего – строительство предприятий атомной промышленности. Удельный вес этих так называемых «спецстроек» в общем объеме капитального строительства МВД СССР в решающий период реализации «атомного проекта» (1947–1948 гг.) вырос с 24,6 до 30,5%, а в 1949 г. составлял 21,3%. Из общего объема капитального строительства, выполненного МВД в 1947 г. на сумму 4,2 млрд. руб., на «спецстроительство» пришлось более 1 млрд., а на строительстве «спецобъектов» в этом же году работали 140 тыс. заключенных (не считая спецпоселенцев и военнопленных). В 1949–1952 гг. объемы капитального строительства, осуществляемого МВД, выросли примерно вдвое, достигнув в 1952 г. около 9% общих государственных капитальных вложений [82].

Значительную роль в хозяйственной деятельности ОГПУ-НКВД-МВД с самого ее начала играли разного рода «особые (специальные) конструкторские бюро» (ОКБ), или так называемые «шараги» («шарашки»). История этих «шарашек» берет свое начало с 15 мая 1930 г., когда циркуляром за подписями Председателя ВСНХ СССР В. Куйбышева и заместителя Председателя ОГПУ Г. Ягоды предлагалось «...использовать вредителей ... таким образом, чтобы их работа проходила, главным образом, в помещениях органов ОГПУ. Для этого отбирать заслуживающих доверия специалистов, оказывать им содействие в деле постановки опытных работ...» [83]. Идея родилась не на пустом месте: в стране только что прошли громкие судебные процессы над техническими специалистами – по «Шахтинскому делу», делу «Промпартии» и целому ряду других. Важный интеллектуальный ресурс – светлые головы приговоренных к различным срокам заключения ученых и инженеров – решено было «использовать на благо Родины» более «эффективно». В этих целях создается ряд секретных конструкторских бюро, научно-исследовательских и проектных организаций, в которых работали заключенные. Эти «учреждения» и стали называть «шарашками» (в литературный язык это слово, по-видимому, ввел А. Солженицын своим романом «В круге первом»). Итак, «шарага» – это «закрытое» (то есть секретное) конструкторское бюро, в котором весь технический персонал (или его преобладающая часть) – заключенные.

В начале 1930-х гг. ГУЛАГ располагал, несомненно, самыми сильными кадрами инженерно-технических работников, и в основном – из числа репрессированных. М. Шрейдер, работавший в тот период в Экономическом управлении ОГПУ, вспоминал по этому поводу: «В среде чекистов из уст в уста передавался такой эпизод. Как-то на заседании ЦК Сталин упрекнул Орджоникидзе (с 1932 г. – нарком тяжелой промышленности СССР. – *Авт.*) в том, что у него плохо идут дела на некоторых важных стройках, поставив в пример положение на стройках, осуществлявшихся силами заключенных. «Пусть Ягода отдаст мне тех замечательных инженеров, которые руководят строительством объектов, подведомственных ОГПУ, – сказал, якобы, Серго (Орджоникидзе. – *Авт.*), – тогда мои стройки будут не хуже, а лучше, чем у него»...» [84].

В середине 1930-х гг., когда наступил пик «большого террора», «шарашечная» проблема в значительной степени потеряла актуальность: разбираться было некогда, расстреливали всех подряд – научных работников и конструкторов, партийных функционеров и военнотружущих, дворников и гардеробщиков, служителей церкви и старушек-монашек. Директивы по уничтожению «врагов народа», спущенные «сверху» в каждый регион страны в форме расстрельных лимитов Политбюро ЦК ВКП(б), нужно было выполнять неукоснительно и незамедлительно. Идея об использовании рабского труда талантливых и трудолюбивых людей возродилась на новом уровне летом 1938 г., когда в НКВД СССР сменилось начальство: на место тупого исполнителя воли Сталина – «железного карлика» Н. Ежова – заступил не менее жестокий, но гораздо более прагматичный и инициативный Л. Берия.

Под его кураторством «важное государственное дело» было централизовано. В сентябре 1938 г. в НКВД СССР организован Отдел особых конструкторских бюро, переименованный в октябре того же года в 4-й спецотдел. В январе 1939 г. создано Особое техническое бюро при наркомате внутренних дел СССР, в июле 1941 г. переименованное в 4-й спецотдел НКВД СССР.

С деятельностью ОКБ НКВД-МВД связаны такие легендарные ныне для отечественной науки и техники имена, как А. Туполев, С. Королев, В. Петляков, В. Глушко, В. Мясищев, А. Минц, Б. Стечкин и многие другие. Все эти специалисты и ученые – некоторые из них с мировыми именами – работали за «пайку», пусть даже несравненно лучшую, («масло сливочное – профессорам по 40 граммов, инженерам – по 20, черный хлеб – на столах»), чем обычная гулаговская норма. Но и они в полной мере испытали на собственной судьбе всю тяжесть сталинского произвола. Так, например, ведущие специалисты авиационной промышленности

были арестованы еще в 1937–1938 гг. и направлены в ОКБ НКВД, даже не будучи формально осужденными. И лишь в мае 1940 г. 307 авиаконструкторов и инженеров «задним числом» через Особое совещание при НКВД СССР «оформлено» лишение свободы на сроки от пяти до десяти лет [85].

Помимо обеспечения «рабочей силой» собственных производственных объектов, НКВД (а затем и МВД) выделяли по заданиям правительства и на контрагентских началах значительные «трудовые ресурсы» для других хозяйственных ведомств. Причем пропорции здесь существенно менялись. В довоенный период использование заключенных вне НКВД было относительно незначительным: в апреле 1939 г. НКВД выделял различным ведомствам около 133 000 заключенных, что составляло примерно 6,5% от их общей численности, а через два месяца (июнь 1939 г.) было принято постановление СНК СССР о сокращении этих контингентов почти вдвое (на 60 000) и снятии с 1 января 1940 г. всей рабочей силы ГУЛАГа с объектов других ведомств. Хотя это решение, судя по известным фактам, выполнялось далеко не в полной мере. Кроме того, в качестве «контрагентской» рабочей силы активно использовались «трудпоселенцы» (высланные «кулаки») и спецпереселенцы некоторых «национальных» категорий (корейцы, поляки и др.).

Ситуация коренным образом изменилась в связи с войной и, главным образом, с поступлением большого количества военнопленных. На 1 декабря 1946 г. из 4 млн. чел. «спецконтингентов МВД», выделяемых для работы различным ведомствам (спецпереселенцы, трудпоселенцы, заключенные, военнопленные, репатриированные, интернированные) лишь чуть более 1 млн. (примерно 25%) попадали непосредственно на объекты МВД. А после завершения в основном в 1949 г. репатриации военнопленных система подневольного труда вновь начала действовать в «нормальном» режиме мирного времени. На 1 января 1950 г. МВД выделяло для работы другим ведомствам 663 500 заключенных лагерей и колоний – из общего их числа 2 600 000 [86].

На предприятиях и стройках, не входивших в структуру МВД, было занято также большое количество спецпоселенцев – около 1 400 000 чел. на 1 августа 1950 г., из них более 120 000 – в сельском хозяйстве. Причем последние, судя по многим данным, находились в неамного худшем положении, чем совершенно бесправные и беспощадно эксплуатируемые государством «свободные» колхозники.

В структуру НКВД-МВД входила также система исполнения приговоров к принудительным работам. Контроль над этой категорией репрессированных в 1930-е гг. осуществляли бюро исправительных работ (БИРы), относившиеся к системе ГУЛАГа НКВД СССР. К началу 1940 г. на учете

в этих бюро состояли 312 800 чел., более 97% которых были заняты по месту своей основной работы, а остальные – «в местах по назначению органов НКВД» [87].

Место подневольных в производственно-хозяйственной деятельности НКВД-МВД определялось терминами «рабочий фонд», «рабсила» или даже «рабгужсила» (объединяя их с тягловым рабочим скотом – лошадьми, волами, буйволами, верблюдами и т.п.). Разумеется, жизнедеятельность почти всех вольнонаемных специалистов была в той или иной мере самым непосредственным образом связана с трудом узников ГУЛАГа. Более того, их материальное благополучие во многом зависело от результатов подневольного труда. Однако об этом не принято было вспоминать и говорить. Безнравственность и абсурдность гулаговской системы хозяйствования с особой рельефностью отражалась в принимаемых регулярно всеми лагерными структурами «социалистических обязательствах», где много говорилось об «использовании внутренних ресурсов», «сверхплановых объемах продукции и финансовых накоплениях», «досрочном выполнении производственных заданий» и т.д., но ни словом не упоминалось о тех, кому своим ежедневным изнурительным трудом предстояло воплотить в жизнь все эти обещания и призывы, – об «исполнителях программы», как иногда называли подневольных лагерников.

Вот фрагменты выступлений медицинских работников на 4-й партийной конференции Управления лагерей и колоний Москвы и Московской области: «...Никто не сказал, как заботятся об оздоровлении нашего контингента, который обеспечивает выполнение производственных планов, за которые мы получаем премии и Красные знамена. Зачастую в наших подразделениях контингент доводится до полного ослабления... Пересыльная тюрьма дает здоровый контингент в наши подразделения. Но через 3-4 месяца он выходит из строя...» [88].

Очевидно, именно этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что, несмотря на более чем миллионное ежегодное пополнение, численность гулаговского подневольного населения оставалась в послевоенные годы примерно на одном и том же уровне. Например, в 1947 г. ГУЛАГ принял 1 490 959 вновь репрессированных, а выбыло из него за тот же период 1 012 967 чел. В течение 1948 г. в лагерь и колонии вновь поступили 1 078 324 заключенных, а выбыло за это же время 842 036. При этом «среднегодовое наполнение» лагерей и колоний колебалось в пределах 2,5 млн. чел. [89].

Тяжелое положение с питанием и обмундированием наблюдалось практически во всем ГУЛАГе. Но воровство было лишь одной из причин. Главная же беда заключалась в самой системе лагерного снабжения, дей-

ствовавшей по злополучному «остаточному принципу». «На протяжении последних 8 лет потребность в вещевом имуществе для снабжения заключенных Госпланом удовлетворялась в крайне ограниченном размере, – констатируется в Объяснительной записке к заявке МВД СССР на 1949 г. на вещевое имущество для обеспечения заключенных, содержащихся в ГУЛАГе. – Выделяемые фонды на 1948 г. обеспечивали потребность: по тканям на изготовление одежды, белья, постельных принадлежностей – 32,5%, по обуви разной – 44%, по обуви вяленой – 51,2%. В результате этого создалось крайне тяжелое положение с обеспечением контингента вещевым имуществом... Подавляющее большинство наличного вещимущества неоднократно ремонтировалось, реставрировалось» [90].

И все-таки, несмотря на голод, холод и болезни, нередко ценою своей жизни, под конвоем и прицелом узники ГУЛАГа строили, добывали, производили, возделывали. В 1948 г. в системе МВД было добыто 96 200 кг химически чистого золота, 870 кг платины, 38 800 кг серебра. В следующем году МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 млрд. руб. На его долю приходилось все 100% добычи платины, слюды, алмазов, более 90% золота, свыше 70% олова, 40% меди, свыше 35% сажи, 33% никеля, 13% древесины. Валовая продукция промышленности МВД СССР в 1949 г. составляла более 10% ее общесоюзного объема [91]. Добавим: на объектах, отстроенных в свое время при участии узников ГУЛАГа, ныне добывается более 80% отечественного золота, 95% алмазов, более 80% нефти, до 90% газа, 100% олова, почти 100% угля, более 90% никеля... [92].

Проблемы стимулирования труда заключенных. Одной из самых острых на всех этапах существования отечественной системы подневольного труда была (и остается) проблема стимулирования этого труда. Поиски путей решения этой проблемы велись с первых же лет существования лагерной системы, но, при всей их кажущейся многовариантности, сводились к старой как мир политике «кнута и пряника». При этом, разумеется, предпочтение всегда отдавалось «кнуту», то есть принуждению к труду. Заключенные, отказывающиеся от работы, подлежали переводу на штрафной режим, а «злостные отказчики, своими действиями разлагающие трудовую дисциплину в лагере», привлекались к уголовной ответственности. За нарушения трудовой дисциплины на заключенных налагались жесткие взыскания.

В зависимости от характера таких нарушений, они влекли за собой одно из следующих наказаний: лишение свиданий, переписки, передач на срок до шести месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до трех месяцев и возмещение причиненного ущерба; перевод на общие работы; перевод в штрафной лагпункт сроком до шести ме-

сяцев; перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; перевод в худшие материально-бытовые условия («штрафной паек», менее благоустроенный барак и т.п.) [93].

Гораздо скупер раздавались лагерные «пряники». В отношении невольников, «соблюдавших режим, хорошо проявивших себя на производстве, перевыполнявших установленную норму», могли применяться следующие меры поощрения со стороны лагерного руководства: объявление благодарности перед строем или в приказе с занесением в личное дело; выдача премии (денежной или натуральной); предоставление внеочередного свидания; предоставление права получения посылок и передач без ограничения; предоставление право перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 100 руб. в месяц; перевод на более квалифицированную работу. Кроме того, десятник (мастер) в отношении хорошо работавшего лагерника мог ходатайствовать перед прорабом или начальником соответствующего лагподразделения о предоставлении этому «производственнику» льгот, предусмотренных для «стахановцев». Ну, а тем, кто работал «стахановскими методами труда», предоставлялся целый ряд специальных, дополнительных льгот, в частности: проживание в более благоустроенных бараках, «оборудованных топчанами или кроватями и обеспеченных постельными принадлежностями, культуголком и радио»; «специальный улучшенный паек»; отдельная столовая или отдельные столы в общей столовой с первоочередным обслуживанием; вещевое довольствие в первую очередь; преимущественное право пользования лагерным ларьком; первоочередное получение книг, газет и журналов из библиотеки лагеря; постоянный клубный билет на занятие лучшего места для просмотра кинокартин, художественных постановок и литературных вечеров; командирование на курсы внутри лагеря для получения или повышения соответствующей квалификации (шофера, тракториста, машиниста и т. д.). Сходные меры поощрения были приняты и для лагерников, имевших звание «ударников».

Известно, например, что в 1943 г. 17,5% из 9 863 заключенных и 31,5% из 1 067 вольнонаемных рабочих по капитальному строительству в Норильлаге считались «стахановцами», так что уровень вовлеченности узников в это движение «стахановцев» и «ударников» был достаточно значительным, по крайней мере – по гулаговским отчетам.

Еще одна система стимулирования труда в ГУЛАГе заключалась в дифференцированной выплате узникам денег за выполненную ими работу. Как мы знаем, эти деньги в официальных административных документах, относящихся к ГУЛАГу, изначально и вплоть до конца 1940-х гг. обозначались терминами «денежное поощрение», «денежное премиальное вознаграждение», просто «премвознаграждение» и т.п. Понятие «зар-

плата» тоже иногда употреблялось, но официально такое название было введено только в 1950 г. «Денежные премиальные вознаграждения» выплачивались подневольным «за все работы, выполняемые в исправительно-трудовых лагерях», но при этом они могли получать свои кровно заработанные деньги на руки в сумме не свыше 150 руб. одновременно. Деньги сверх этой суммы зачислялись на личные счета и выдавались по мере израсходования ранее выданных сумм. Неработающие и не выполняющие нормы наличных денег не получали вообще. Временно освобожденным от работы по болезни и по другим причинам за время освобождения от работы зарплата не начислялась, но и стоимость гарантированного питания и вещевого довольствия с них тоже не удерживалась. «Активированным инвалидам», используемым на сдельных работах, оплата труда производилась «по установленным для заключенных сдельным расценкам за фактически выполненный ими объем работ».

Наряду с этими системами стимулирования существовали и другие, которые состояли только из компонентов, поощрявших высокую производительность труда и не имевших «наказательного» компонента. Одна из них (и как свидетельствовал реальный опыт – наиболее действенная) была связана с так называемыми «зачетами рабочих дней», то есть – с практикой засчитывать заключенному один отработанный с перевыполнением установленной нормы рабочий день за полтора, два (или даже больше) дня его номинального лагерного срока. Результатом такой практики являлось досрочное освобождение заключенных, положительно проявивших себя на работе. Но в 1939 г. эта практика была отменена, а сама система «досрочного освобождения» сведена к замене заключения в лагере на принудительное поселение [94]. В годы войны стали практиковаться «освобождения на основе постановлений ГКО с передачей освобожденных в РККА», а потом – «на основе Указов Президиума Верховного Совета СССР» (так называемые «амнистии») [95].

После войны руководство МВД, считая, что система «зачетов» является «самым эффективным способом поощрения труда заключенных», добивалось восстановления этой системы на отдельных объектах ГУЛАГа. В результате к сентябрю 1950 г. «зачеты рабочих дней» применялись уже в лагерях, где находилось более 27% всех заключенных, и этот процесс имел тенденцию устойчивого роста – хотя дальнейшее распространение «зачетов» увеличивало дефицит лагерной «рабочей силы». Однако тогдашние руководители МВД считали этот путь более предпочтительным и тем самым фактически сами признавали неэффективность административно-карательных мер. В позднесталинский период все более регулярный характер приобретает практика проведения кампаний по досрочному освобождению

дению заключенных – с последующим прикреплением их к определенным предприятиям, но уже в качестве вольнонаемных работников [96].

Таким образом, несмотря на кажущиеся преимущества бесконтрольного распоряжения заключенными, гулаговская администрация все чаще предпочитала иметь дело с относительно свободными работниками, дающими более высокую производительность труда и не требующими изощренной системы охраны и надзора. В результате этих мер, а также передачи в ведение МВД новых отраслей из других ведомств, удельный вес вольнонаемных работников на объектах ГУЛАГа увеличивался. Например, в январе-июне 1950 г. среднемесячная численность вольнонаемного персонала, занятого в основном производстве и капитальном строительстве МВД (без вольнонаемного состава управлений лагерей), составила 662 000 чел., или 38,9% общей численности всех работающих, в том числе вольнонаемных рабочих – 372 000 [97].

Одной из немаловажных причин переориентации лагерно-производственной деятельности на вольнонаемную квалифицированную рабочую силу явилось существенное изменение технологического содержания труда на объектах ГУЛАГа. Например, механизированная вывозка леса по НКВД-МВД СССР составляла в 1939 г. лишь 23,9%, но в 1947 г. этот показатель достиг уже 41,1%, а в 1950 г. – 53,6%. С 19,6 до 41,7% увеличился удельный вес механизированной заготовки леса (после внедрения электропил). Экскаваторов на стройках НКВД-МВД насчитывалось в начале 1940 г. только 158, а в конце 1952 г. – 955. Показатель механизации земляных работ с 1946 по 1952 г. вырос с 52,0 до 87,8%. При этом механизмы становились все более совершенными и мощными. Именно с целью повышения производительности подневольно-принудительного труда руководство МВД с конца 1940-х гг. и добивалось перевода отдельных лагерей на систему заработной платы, сознательно (или неосознанно) нарушая тем самым один из фундаментальных постулатов такого рода «трудовой деятельности» – ее «полную самокупаемость», то есть «бесплатность».

13 марта 1950 г., уступив, наконец, настойчивым требованиям высших чинов МВД, союзное правительство приняло постановление о введении «оплаты труда заключенных во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях, за исключением особых лагерей». Вскоре, однако, зарплату ввели и в этих лагерях.

Жесткие реалии хозяйственной деятельности в условиях советской системы директивно-централизованного планирования, строгой отчетности за выполнение производственных заданий вынуждали постоянно нарушать нормативные требования к режиму содержания «спецконтингентов» ГУЛАГа. Достаточно широкое распространение, например, получило

так называемое «расконвоирование» («бесконвойка») – освобождение заключенных от охраны и разрешение им свободно перемещаться вне лагерных зон. Не имея возможности обеспечить надежную охрану в процессе производства, администрация лагерей либо добивалась официального разрешения на «дополнительное расконвоирование», либо (при молчаливом согласии «центра») вводила его явочным порядком.

Применялись – в целях «стимулирования» подневольного труда – и весьма оригинальные средства и методы. В 1940–1950-е гг. – в период активного насаждения «соцсоревнования» в лагерях – одной из форм «поощрения» производственников, «по-стахановски» перекрывавших трудовые нормы, являлось право участия в общелагерных «слетах передовиков соревнования», которые с провинциальной помпезностью и обычной советской показухой проводились, как правило, в центральных поселках ИТЛ. О том, во что это сугубо официальное «политическое мероприятие» порой превращалось в реальности, свидетельствует Петр Федотович Лещенко, узник Вятского ИТЛ (Кировская область) в 1950-х гг.: «... По центральному поселку (ныне поселок Лесной Верхнекамского района. – *Авт.*) идет под звуки бравурного марша духового оркестра колонна людей (заключенных) в «вольной» одежде (тогда еще ее, как и длинные волосы, не запрещали), окруженная плотным кольцом конвоя с собаками на поводках. Гремит оркестр, рычат собаки, матерится охрана, а комендант поселка Голобородько с пистолетом ТТ в руке мечется вокруг этой колонны. Толпы ребятишек бегут рядом, взрослые столпились на придорожных тротуарах: в «столице» Вятлага, – праздник... Дом культуры окружен солдатами, «передовики» запускаются в него, как в лагерную зону, – по счету... Слет начался» [98].

Постоянная «сшибка», противоречие между императивами производственной деятельности и объективными режимными требованиями, другие аномальные явления в сфере взаимоотношений «лагерь-производство» усиливали наметившуюся в послевоенный период тенденцию превращения значительного числа заключенных по сути в «частично вольнонаемных» работников, своеобразного перевода «лагерных рабов» в категорию «лагерных крепостных». Дальнейшее развитие этого процесса должно было неизбежно привести к коренной реорганизации ГУЛАГа. Тем более что накануне смерти Сталина, несмотря на некоторые попытки «ограниченных» реформ, производственная деятельность лагерей сталкивалась с нарастающими проблемами. Сокращалась относительная численность заключенных, «используемых на основном производстве». Снижалась производительность лагерного труда: нормы выработки в 1951–1952 гг. не выполняли от 26 до 28% заключенных-сдельщиков. Все эти кризисные явления предопределили и существенно облегчили принятие кардиналь-

ных политических решений по ГУЛАГу весной 1953 г. и в период последовавшей затем «оттепели».

К вопросу о «целесообразности и эффективности» подневольного труда. Проблемы «целесообразности» и «эффективности» советской системы подневольного труда, ее роли в осуществлении «социалистической индустриализации» являются ныне предметом острых и порою даже ожесточенных дискуссий. Несомненно, что с точки зрения морально-правовых критериев, принятых в цивилизованных обществах, сталинский террор и его производное – система подневольного труда – не могут быть оценены иначе, как преступные.

В русле общих тенденций мирового развития, которые наглядно демонстрируют неоспоримые преимущества свободного труда, любая система труда принудительного, а тем более подневольного, не может быть признана эффективной. Мало того, что лагерный труд антигуманен. Он сплошь и рядом лишен реального экономического смысла. Об этом буквально вопиют документы сталинской эпохи и прежде всего – живые свидетельства современников. Приведем одно из них, принадлежащее бывшей политзаключенной О. Адамовой-Слиозберг: «...Мы долбили в морозной почве канавы для спуска талых вод. Работали на 50-градусном морозе тяжелыми кайлами. Старались выработать норму... Это был очень тяжелый труд. Земля – как цемент. Дыхание застывает в воздухе. Плечи и поясница болят от напряжения. Но мы работали честно. А весной, когда земля оттаяла, пустили трактор с канавокопателем, и он в час провел канаву такую же, как звено в шесть человек копало два месяца». Это было наказание бессмысленным трудом – особенно тяжкое и позорное для тех людей, которые привыкли всю жизнь честно делать свое дело [99].

В силу того, что ГУЛАГ получал «рабочую силу», так сказать, автоматически, в результате политически мотивированных репрессий, его руководству никогда не приходилось специально доказывать, что подневольный труд более эффективен, а поэтому необходимо определенное количество вольнонаемных работников превратить в лагерных рабов. Лишь периодически руководители НКВД-МВД и ГУЛАГа (так же, впрочем, как это делали начальники других советских ведомств) в различных представлениях «наверх» упоминали об «экономических успехах», объясняя их, между тем, не преимуществами лагерно-рабского труда, а исключительно собственными организаторскими усилиями. Например, в записке, направленной на имя Сталина в ноябре 1935 г., Г. Ягода обещал, что НКВД «будет строить дороги в среднем на 50 000 рублей за километр дешевле», чем до этого строили гражданские ведомства. Г. Ягода объяснял это «более низкой стоимостью содержания административного аппарата», а также

«более высокими нормами выработки, установленными в НКВД». Считалось также, что на объектах НКВД более низка себестоимость добычи золота и олова.

Еще в мае 1933 г., обращаясь в Совнарком СССР, помощник начальника Дальстроя З. Алмазов (через несколько лет он по совместительству получит также высокую должность помощника начальника ГУЛАГа) докладывал: «Для содержания одного человека на приисках (Колымы) в течение года примерно нужно брутто всех грузов (в том числе и строительных) – 1 тонну; один человек дает в год один килограмм металла (золота)» [100]. На 1939 г. Совнарком СССР установил для Дальстроя расчетную цену одного грамма золота в 6,9 руб. (по сравнению с 5,2 руб. в предыдущие годы) при цене на предприятиях Наркомата цветной металлургии от 15,3 до 16,7 руб. Аналогичные цены за тонну олова, добываемого Дальстроем и Наркомцветметом, составляла соответственно 40,8 и 60,2 руб. [101]. Реальность такого рода расчетов, мягко говоря, сомнительна. Через 15 лет, 9 октября 1950 г., в записке, представленной министром внутренних дел СССР С. Кругловым на имя Л. Берии, говорилось уже, что «расходы на содержание лагерей значительно удорожают рабочую силу из заключенных» и что «стоимость содержания заключенного выше среднего заработка вольнонаемного рабочего». Например, на строительстве Волго-Донского канала в 1949 г. содержание одного заключенного обходилось в 470 руб. в месяц, а его зарплата (которую начисляли по тем же расценкам, что и «свободным рабочим») составляла 388 руб. В этих условиях, докладывал С. Круглов, лагеря оставались «самокупаемыми» лишь «за счет удлинения рабочего дня и увеличения норм выработки для заключенных» [102].

Очевидно, что именно возможность сверхэксплуатации узников была главным «преимуществом» лагерного производства. Однако это была лишь сиюминутная «выгода». Преждевременная гибель в ГУЛАГе сотен тысяч людей, бессмысленное расточение в каторжном труде сил и талантов, которые способны были принести несравненно большую пользу на свободе, существенно ослабляли трудовой потенциал страны. Кроме того, из общественного производства выпадали многие десятки тысяч работоспособных людей, занятых в лагерной охране, надзорслужбе и т.п.

По поводу критериев «эффективности» лагерного производства приведем лишь одну цифру – из сферы электроэнергетики. Подсчитано, что каждый мегаватт мощности Волжских гидроэлектростанций, воздвигнутых преимущественно «рабочей силой МВД», обошелся в 40 человеческих жизней [103]. Вот такой «расчет»: не в денежном выражении каждого мегаватта, а в человеческих жизнях. И он заставляет, по меньшей мере, задуматься.

Подневольный подконвойный труд по своей природе не может быть созидательным. В полной мере это относится и к упоминавшимся уже так называемым «ОКБ НКВД-МВД» («шарашкам»). Действительные и немалые научно-технические достижения заключенных в них специалистов иногда приводятся в качестве одного из доказательств «эффективности» этой системы и даже стимулирования ею «активного созидательного процесса». Но на самом-то деле любое гулаговское «достижение» – в любой сфере, включая научно-техническое творчество – это в существенно большей степени потеря, чем приобретение. Любой без вины репрессированный человек, находясь в противоестественных условиях несвободы, униженный и унижаемый, переживший личную и семейную катастрофу, просто физически не может работать, а тем более творить, в полную меру своих возможностей. Отдельные исключения только подтверждают общие правила. И там, где группа подневольных специалистов за определенный срок создавала, скажем, один самолет, за такой же срок творческий коллектив свободных единомышленников мог бы создать несколько самолетов. Об этом не раз впоследствии с сожалением размышляли бывшие узники гулаговских «шарашек», в частности, выдающийся авиаконструктор А. Туполев.

Особые условия функционирования лагерного производства (повышенная секретность и бесконтрольность) способствовали распространению приписок и ложных отчетов, причем, судя по всему, даже в большей степени, чем это было присуще всей советской хозяйственной системе. Многие стройки НКВД-МВД финансировались без проектов и смет – по «фактическим расходам». Воспоминания бывших узников ГУЛАГа переполнены свидетельствами о том, с каким упорством и изобретательностью в лагерях стремились «зарядить туфту». Этот термин (иногда его произносили как «тухта») получил всеобщее распространение в ГУЛАГе. Он обозначал «липу», обман, очковтирательство, работу, сделанную лишь для видимости, заведомо ложные показатели в официальном отчете. По легенде, он произошел от аббревиатуры «ТФТ» («тяжелый физический труд»), которая впервые появилась на Соловках в конце 1920-х гг. и произносилась как «тэфэтэ». Соловецкие узники, зачисленные в категорию «ТФТ», якобы рассуждали так: «Спрашиваете с нас ТФТ? Так мы вам покажем тэфэту!» Позже этот жаргонизм стали расшифровывать так: «Техника Учета Фиктивного Труда». В ходу были поговорки: «Без туфты и аммонала не построили бы Беломорканала»; «СССР стоит на мате, туфте и блате» и т.п. «Зарядить» или «заправить туфту» означало сделать работу лишь для видимости, некачественно, представить ложный отчет о якобы произведенных работах или фиктивном выполнении плана.

Система приписок, которая пронизывала всю жизнедеятельность ГУЛАГа, снизу доверху была не только на руку подневольным (которым эта самая «туфта» нередко спасала жизнь), в ней была кровно заинтересована и лагерная администрация. Очень часто, желая избежать неприятностей в связи с невыполнением планов, желая скрыть растраты и незаконные выплаты, руководители лагерных строек и предприятий шли на массовые приписки. В денежном выражении этот массовый обман государства исчислялся многими миллионами рублей. Суммы только выявленных непроизводительных расходов, потерь от недостач и хищений и только по Вятскому ИТЛ (Кировская область) составляли: за январь-июнь 1940 г. – более 335 500 руб., за 1942 г. – более 8 000 000 руб., за 11 месяцев 1943 г. – около 2 300 000 руб., за 1944 г. – 1 223 000 руб., за 11 месяцев 1946 г. – более 600 000 руб., за один месяц (октябрь) 1947 г. – 60 000 руб., за два месяца (январь-февраль) 1948 г. – 137 000 руб., за 1953 г. – 1 581 000 руб. (в том числе недостачи и хищения – 244 000 руб.). В 1952 г. в ходе инвентаризаций выявлены недостачи лесопродукции общим объемом 4 485 кубометров – на сумму 102 000 руб.

Бывший сотрудник (офицер, начальник лагпункта) Вятского ИТЛ (Вятлага) вспоминает о начале 1950-х гг.: «...Были в основном приписки объемов невыполненных работ, торговля лесом (его продажа одной бригадой – другой, чтобы иметь 121 процент выработки и получить зачеты 1:3), недогруз железнодорожных вагонов, за что поступало довольно много рекламаций от получателей... Имели место умышленные поджоги – как на производстве, так и в жилых зонах. Одни поджигали, проиграв в карты, другие – в знак протеста против общей системы и с целью попасть на тюремный режим. Много было загораний из-за небрежного обращения с огнем, особенно в летнее время и при сжигании порубочных остатков. Были умышленные поджоги и для сокрытия приписок...» [104].

А вот конкретный пример из реальной жизни другого крупного северного лагеря, приведенный бывшим его узником: «...В 1938 году строилось новое большое лаготделение. Это было солидное предприятие. Строилась узкоколейка, а километр ее стоит миллион рублей. Возводились депо, мастерские, склады, биржи, вольнонаемный поселок, зоны для заключенных... И это было время, когда какие-то умники из энкавэдэшников или идиоты из экономистов решили, что на лагерь можно распространить общие правила: нормы, расчеты, всяческие запутанные и идиотские «показатели». А какие там «показатели»!... Здесь (в лагере) строить можно было, только нагло и открыто нарушая инструкции, правила, законы, «показатели»... Все вольнонаемные начальники – от прорабов до лейтенантов – входили в сговор с блатняками-бригадирами, приписывали им выработку, перепла-

чивали огромные деньги, начисляя зачеты, разрешали паханам пить водку, отнимать заработок у зеков, не стеснялись брать в лапу эти отобранные деньги... Например, строится железная дорога. Как и положено в порядочном строительстве, банк начисляет деньги по выполнению отдельных этапов работы. Но какой-то хитрец придумал для стимулирования работы такой порядок, при котором основное количество денег перечислялось за последнюю стадию: укладку верхнего строения полотна – шпал и рельсов. Великая мысль заключалась в том, что вот, дескать, поспешишь, чтобы получить все деньги, и быстрее выполнишь план строительства. То, что самое трудоемкое – не рельсы укладывать, а разрубать и корчевать трассу и делать насыпь, – это их не касалось. Ловкие прорабы быстро нашли выход. На только что разрубленную и еще не раскорчеванную трассу они разбрасывали шпалы и свинчивали поверх шпал рельсы, после чего составлялся акт и строительство считалось на две трети законченным. А уж потом под эти шпалы начинали корчевать пни и отсыпать полотно... Можно себе представить, сколько это стоило, сколько нужно было придумывать несуществующих работ, чтобы привести в порядок все многочисленные «показатели!»...» [105].

Фактически «туфтой» являлись и многие другие «высокие экономические показатели» системы подневольного труда, поскольку достигались они не за счет оптимальной организации производства, а путем хищнической эксплуатации ресурсов. Получая в монопольное распоряжение огромные территории для бесконтрольного «хозяйственного освоения» и безотказную «рабочую силу», руководители предприятий НКВД-МВД вместо создания постоянных долгосрочных объектов, требующих значительных вложений, предпочитали разрабатывать в течение короткого времени наиболее богатые ресурсами участки. Именно на этом и было основано, в частности, «экономическое чудо» Дальстроя во второй половине 1930-х гг. и формальная «дешевизна» колымского золота. Однако такое «благополучие» имело лишь показной и кратковременный характер. Если с 1935 по 1938 г. среднее содержание золота на колымских приисках (благодаря разработке наиболее богатых месторождений) составляло от 27,0 до 19,3 г на кубометр промытых песков, то в 1946–1947 гг. – уже только около 7 г, что вело к снижению объемов и удорожанию себестоимости добычи золота. Лагерное «Колымское эльдорадо» клонилось к закату. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других отраслях гулаговского хозяйства [106].

Производственная сфера НКВД-МВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, отторгала технический прогресс. Такие хронические проблемы советской экономики в целом, как низкая заинтересованность в технических нововведениях, недостаток квалифицированных

кадров, плохое качество обслуживания и ремонта механизмов и т.п., на лагерных объектах предпочитали решать за счет наращивания масштабов применения физической силы подневольных. В 1948 г. на 5-й партийной конференции МВД представитель одного из лесных лагерей, докладывая о работе своего ИТЛ, говорил, что называется, «открытым текстом»: «Все процессы не механизированы, никаких механизмов до сего времени не получали и не получаем, а полученные 100 электропил в течение более года не можем ввести в эксплуатацию из-за отсутствия передвижных электростанций». Далее следовала традиционная просьба о помощи, «потому что растущую программу мускульной силой и лошадью мы не возьмем» [107].

И вот как в реальности протекал этот «лесозаготовительный процесс» – на примере Колымского женского лагеря с игривым названием «Вакханка» (по свидетельству бывшей каторжанки Е. Владимировой): «...На «Вакханке» участки лесоповала отстояли от лагерного пункта на расстоянии от 5 до 10 километров. 10–20 километров пути зимой было очень тяжелым добавлением к работе. Работа включала трелевку на себе, то есть по 2 женщины впрягались в сани, перекладина через грудь, и везли баланы (неокоренные бревна) на расстояние до нескольких километров за один рейс. Так, например, слабосильная бригада пятчасовиков, организованная ввиду большой людской истощенности, возила лес по одному рейсу в день на расстояние 5 километров, всего делая, считая конец с пустыми санями, 10 километров. У рабочих бригад норма, конечно, была выше. Не выполняющие норму бригады время от времени в зимние лунные ночи оставались в лесу до 12 часов ночи...». Случалось, что лагерные «вакханки» умирали от разрыва диафрагмы. Такие смерти фиксировались как «производственный травматизм вследствие нарушения техники безопасности». Это не портило лагерных показателей, поскольку проходило уже по другой учетной графе. Изошренная гулаговская статистика фиксировала смертные случаи настолько «своеобразно» (отдельно – «смертность в лагере», отдельно – «в больницах», «в колониях», «на производстве», «в тюрьме» и т.д., не выводя совокупный показатель по всем узникам [108]), что до сих пор не представляется возможным установить: каково же точное количество погибших в ГУЛАГе, в том числе – в ходе «производственных процессов»?

Энерговооруженность подневольного труда оставалась крайне низкой на всех этапах его существования. Так, если в 1951 г. объем лесозаготовок в лесных лагерях составлял 18% к объему лесозаготовок всей системы Министерства лесной промышленности СССР, то парк узкоколейных локомотивов – только 10,5%, трелевочных тракторов – 6,3%, автомобильный парк – 3,7%, парк передвижных электростанций – 4,6% к наличию этого оборудования у Минлеспрома [109].

Документально доказано, что на лагерных предприятиях намного хуже, чем в смежных «гражданских» отраслях, использовались даже имевшиеся основные фонды, то есть оборудование, машины, механизмы и т.п. Например, в заключении Госбанка по отчету ГУЛАГа за 1939 г. отмечалось, что «использование основных фондов (выполнение строительно-монтажных работ на один рубль стоимости основных фондов)» на лагерных стройках было почти в четыре раза хуже, чем на объектах Наркомстроя СССР. При этом строительные механизмы использовались в три раза хуже [110]. Показательно, что после войны, когда на стройки и предприятия МВД завозилось значительное количество современного оборудования, включая трофейное, оно по большей части оказалось невостребованным, а гулаговские «производственники», как и 10–20 лет назад, «горбатились» с лопатой, киркой, ломом, тачкой, ручной пилой и т.д.

Ясно, что при таких условиях и себестоимость гулаговской продукции, несмотря на «бесплатность» подневольного труда, значительно превышала себестоимость аналогов, изготавливаемых «гражданской» промышленностью. Например, в таком крупном лагерно-производственном управлении, как «Енисейстрой» (Красноярский край), плановая стоимость 1000 штук кирпича определялась в 250 руб., фактическая же стоимость составляла 631 руб., а в местной промышленности себестоимость такого же количества кирпича равнялась 210 руб. Другой пример: в Ужгинском леспромхозе (Койгородский район Коми АССР) комплексная выработка достигала в 1950-е гг. 700 кубометров лесопродукции на одного рабочего при себестоимости кубометра в 54 руб. и уровне выхода деловой древесины – 84%. А в соседнем Вятлаге МВД СССР за 1959-й г. выработка на одного рабочего лесозаготовок составила лишь 240,5 кубометра (при плане – 238,9 кубометра), то есть в 2,5 раза меньше, чем в обычном «гражданском» леспромхозе, при значительно большей стоимости одного кубометра – 67 руб. 54 коп. Да и выход деловой древесины в лагерном производстве был намного ниже – всего 70% [111].

В 1949 г. Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛПИ) МВД СССР отчиталось о «поставках государству» за послевоенную пятилетку 75 млн. кубометров леса (при плане 71 млн.), что позднее вошло составной частью в достижения советской экономики. На самом деле за этими показателями скрывается, прежде всего, жесточайшая эксплуатация человеческих ресурсов: ведь уровень механизации лагерных лесозаготовительных работ в эти годы составлял в среднем лишь 18,8% [112].

Подневольный труд как наркотик для советской промышленности. Являясь носителем, мягко говоря, не лучших методов организации производства, ГУЛАГ с его «дешевой рабочей силой» оказывал разлагающее

воздействие и на те секторы советской хозяйственной системы, которые основывались на вольнонаемном труде. Эти министерства и ведомства, которые также, в силу объективных причин, были не слишком заинтересованы в организационном и техническом прогрессе, предпочитали решать многие свои проблемы за счет «нарядов» на подневольную «рабсилу», а это, в свою очередь, еще больше тормозило развитие рынка труда и социальной инфраструктуры.

Таким образом, подневольный труд превращался в своеобразный наркотик для всей советской системы хозяйствования. Хотя, на первый взгляд, удельный вес гулаговских «контингентов» в общем трудовом балансе страны был не столь уж и велик: около 11% от численности всех занятых в промышленности и строительстве [113].

«Ненормальности» в трудоустройстве подневольной «рабсилы» не проходило мимо внимания высшего руководства страны. Во всяком случае, на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1940 г. Сталин даже «попенял» присутствующим: «...Очень часто наркоматы просят у НКВД дать людей из ГУЛАГа, из уголовных. Если взять все наши стройки, я вам должен сказать, что треть рабочей силы на стройках на Севере в отдаленных углах, на строительстве железных дорог, в лесу, там треть рабочей силы – это уголовные элементы... Нужно иметь запас вместо того, чтобы у ГУЛАГа брать людей. Это позор, это нежелательное явление. Где-либо в отдаленных углах можно пользоваться и ГУЛАГом, но в машиностроительной промышленности, в городах, где сбоку один уголовник, другой не уголовник работает, это я не знаю, я бы сказал, очень нерационально и не совсем прилично...» [114].

Однако каких-либо серьезных последствий эти морализаторские высказывания Сталина не имели. Более того, наличие массовой и «непредусмотренной» подневольной рабочей силы оказывало влияние и на механизмы принятия целого ряда государственных решений, поощряло волонтаризм при возведении множества дорогостоящих, но экономически нецелесообразных проектов.

Первым среди них является, несомненно, широко известный Беломорско-Балтийский канал (ББК), рекламировавшийся как «объект военно-стратегической и хозяйственной важности», имеющий «огромные перспективы хозяйственной деятельности». Вспомним, что на сооружении этого «объекта» было занято свыше 140000 подневольных работников («заключенных-каналоармейцев», или «з/к», откуда и пошло в народ – «зека», «зек», иногда – «зэка», «зэк»). На практике же возможности ББК оказались весьма далекими от задуманного «планов громадья». Пуск в строй этого канала, а затем и водной магистрали «Москва-Волга» имели

лишь ограниченное значение, поскольку нереконструированными остались старые соединения – Мариинская и Москворецкая системы. В 1940 г. пропускная способность ББК использовалась только на 44%, а в 1950 г. – на 20%. Большинство грузов, перевозимых по этому каналу, принадлежало предприятиям, расположенным в его зоне, то есть он представлял собой преимущественно «магистраль местного значения». Ныне представляется несомненным, что ББК оказался дорогостоящим памятником бесхозяйственности советской системы, значение которого для экономического развития края невелико, а в стратегическом отношении – вообще ничтожно [115; 116].

Схожая судьба сложилась и у еще одного крупнейшего строительства ОГПУ-НКВД – Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Это был, как известно, один из самых значительных объектов ГУЛАГа – уже к началу 1938 г. в Бамлаге насчитывалось более 200 000 подневольных, а через несколько месяцев на его базе были созданы несколько лагерей, общее «спецнаселение» которых достигало 300 000. Однако, несмотря на большие материальные и людские ресурсы, привлеченные к этому проекту, на огромные объемы выполненных работ, на многочисленные жертвы среди узников, реальные результаты строительства БАМа оказались «экономически неадекватными». Формально сданные в эксплуатацию отдельные участки трассы не имели сколько-нибудь существенного практического значения. Строительство многих линий пришлось законсервировать. В целом же предвоенный этап строительства БАМа окончился очередной грандиозной советской «незавершенкой» [117; 118].

Советское железнодорожное строительство вообще является ярким подтверждением разорительности сталинской системы хозяйствования в целом и использования подневольного труда, в частности. Беспорядочное сооружение многих железных дорог без необходимого технико-экономического их обоснования приводило к омертвлению огромных ресурсов. К 1938 г. длина начатых строительством, но законсервированных железных дорог приближалась к 5000 км (не считая тех, которые были построены, но не использовались или использовались лишь частично). При этом общее увеличение железнодорожной сети СССР с 1933 по 1939 г. составило всего 4500 км. И значительная часть этих «мертвых дорог» строилась узниками ГУЛАГа. Наиболее показательный пример применительно к послевоенному периоду – заброшенная «за ненадобностью» дорога «Чум-Салехард-Игарка», возведение которой в условиях Заполярья осуществлялась ценой жизни многих тысяч невольников, не говоря уже о бесполезно потраченных огромных материальных ресурсах общей стоимостью 3,3 млрд. руб. [119; 120]. Аналогичная судьба постигла и многие

другие объекты ГУЛАГа. В сентябре 1940 г., например, было принято правительственное решение о консервации строительства Куйбышевского гидроузла, начатого в 1937 г. В Кремле объясняли это решение «отсутствием свободной рабочей силы» для проведения работ на «новых грандиозных объектах» – строительстве Волго-Балтийской и Северо-Двинской водных систем. Но ко времени «консервации» на возведение Куйбышевского гидроузла уже была потрачена огромная сумма – 126,7 млн. руб., а в Самарском лагере, который «обслуживал» этот объект, сосредоточили от 30 000 до 40 000 заключенных [121].

Негативные последствия подневольного труда и кризис лагерной системы в СССР. После смерти Сталина, как уже говорилось, его преемники вынуждены были прекратить строительство различных предприятий и гидротехнических сооружений, на которых к тому времени уже было выполнено работ на сумму 6,3 млрд. руб. Это превышало объем капитальных работ МВД за весь 1948 г. [122].

Лагерное производство нанесло, помимо всего прочего, серьезный ущерб и в сфере экологии. Все гулаговские промышленные предприятия строились без очистных сооружений, хищнически расходовались природные ресурсы. Сорский молибденовый комбинат, например, в нарушение всех правил и технологий, сбрасывал отходы своего производства в пойму реки Соры (Хакасия). Хотя проект предусматривал сооружение специальных хранилищ для отходов, но строить их было «недосуг». Все понимали, что это грубейшее нарушение, но никто и не пытался его устранить. Возводимые ГУЛАГом каналы, гидротехнические сооружения, местные «моря» создавались, как правило, без учета влияния искусственного изменения природных условий на окружающую среду. В результате бассейны рек оказались на значительном протяжении отравлены ядовитыми отходами производства. Вымирала речная фауна. Рыбное хозяйство по Волге и ее притокам, которым Россия издавна славилась, захирело. Во многих местах оказались под водой лесные угодья, пашни, произошло заболачивание почвы вокруг. Так случилось, например, в районе «Рыбинского моря», во многих других местах [123; 124].

Администрация лесных ИТЛ на всех этапах существования этих лагерей по-своему и весьма «своеобразно» трактовала свои «народно-хозяйственные задачи», понимая «рациональное освоение лесов» не как обеспечивающее воспроизводство их, а лишь как средство «наилучшего выполнения государственного плана». При этом требования лесоохраны носили декларативный характер и фактически постоянно нарушались. Были вырублены огромные лесные массивы – в общей сложности сотни миллионов кубометров. Произошла значительная утрата лесов с ценными

породами древостоев. Из-за отсутствия необходимых мощностей и низкого технологического уровня перерабатывающих предприятий значительные объемы древесины не использовались, около половины ее уходило на отопление (дрова). Вырубались даже водоохранные полосы, а работы по лесовозобновлению проводились в минимальных, крайне ограниченных объемах. Освоение территорий проводилось стихийно, без учета возможных отрицательных экологических и социальных последствий.

Многие работники были просто некомпетентны в той области деятельности, которой занимались. Это относится и к руководящим кадрам, и к рядовым лагерникам. Постоянное требование выполнения плана, зачастую вопреки реальным обстоятельствам, приводило к халатности и безответственности.

Все более актуальный характер приобретают ныне и такие проблемы, как влияние лагерно-производственной системы на экономическое развитие прилегающих регионов, социально-демографические последствия многолетнего функционирования карательно-исполнительных учреждений, его криминогенного воздействия на окружающее местное население. Тоталитарный режим, явивший своим детищем карательно-лагерную систему, обусловил и потребительское отношение ее к природе, подчиняя хозяйственную деятельность лагерей решению сиюминутных задач. Экологические и социально-демографические последствия этой деятельности на региональном уровне болезненно ощущаются уже сегодня и, видимо, приобретут еще большую остроту в будущем. От системы, где не представляет никакой ценности человеческая жизнь, по меньшей мере, наивно было ожидать щадящего, рачительного, бережного отношения к природе, органичной частью которой, собственно, и является человек [125; 126; 127; 128; 129].

С начала 1950-х гг. явственно обозначился кризис подневольно-производственной системы. ГУЛАГ катастрофически не справлялся с нарастающим объемом работ. «Великие стройки коммунизма», на которых главной «движущей» силой по-прежнему являлись узники ГУЛАГа, требовали уже качественно другого труда – квалифицированного, морально и материально мотивированного – чего не могли дать «подконвойные кадры». Между тем «величайшие стройки народного процветания», как их величали в советских газетах, сдавались в эксплуатацию с огромными недоделками и значительно позже намеченных сроков. Содержание лагерей, колоний, спецпоселений не окупалось доходами от трудового использования подневольных, и ежегодно, на протяжении всех послевоенных лет, ГУЛАГ получал масштабные дотации из государственного бюджета. Например, только в 1952 г. на содержание карательно-исполнительной системы было выделено 2397 млн. руб. [130].

Сразу же после смерти Сталина судьба многих гулаговских строек была решена однозначно: свыше 20 из них прекращены, поскольку «не вызывались нуждами народного хозяйства». Хорошо знавший истинную цену подневольного труда Л. Берия незадолго до своего ареста внес на рассмотрение верховных партийно-государственных органов предложение вообще «ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности» [131]. Реорганизационные процессы в производственно-лагерной системе продолжались на протяжении многих лет. В марте 1955 г. МВД утратило кураторство над «ракетно-ядерным проектом» – Главпромстроем, который перешел в полное распоряжение Министерства среднего машиностроения СССР. Вопрос об окончательной передаче других строительных организаций МВД в профильные ведомства был решен в феврале 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. 4 июня 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Конвенцию Международной организации труда относительно упразднения принудительного и обязательного труда во всех его формах. Кроме того, 7 сентября 1956 г. СССР подписал Конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Все это вселяло определенные надежды, что с системой лагерно-подневольного труда покончено.

CAMPS AND THE SOVIET ECONOMY OF THE 1930-s

From the beginning of the 1930-s camps become the important factor of development of the Soviet economy. «The working fund» of Gulag kept growing that was a constant temptation for economic departments, for expansion of use of forced labour in the solution of large and ambitious production tasks.

Despite intensive growth of number of camps, the main object of exploitation from the part of the state in the early 1930-s were not prisoners, but special settlers which number at that time several times exceeded that of campmates. According to official figures of the Department of Special Relocations of the United Chief Political Administration, only during 1930–1931 in exile for special settling were sent 1 803 392 people, while number of the prisoners in camps of the United Chief Political Administration made for January 1, 1932, according to the same data, «only» 268700 [52]. Forced labour of special migrants (labour settlers, special settlers, those evicted) was actively used in Gulag system throughout all years of its existence. It reached its maximum in the beginning of the 1950-s, when more than 2500000 people were recorded in special settlements. However, the majority of them (about 60%) made disabled (children, old men, invalids) that essentially limited the «use» of such a «working resource» [53].

Formally migrants and exiled of various categories had the equal rights with civilian workers – at least what concerned payment and working conditions. However in real life «economic use» of special migrants, deprived of the right of free movement and choice of residence, got the character of explicit exploitation. Real, but not declared situation with these people was that at any moment (by «regime» or «industrial reasons») they could be sent from one place to another (at times for thousand kilometres), and none of those making decisions were interested in that the «moved» had to leave both native homes, and hardly acquired property, and the family etc.

The work of special migrants was used in various branches of national economy, but more often – on heavy, low-qualified and low-paid works, what at all times in Russia was, first of all, agriculture. Wide application of forced labour hampered the development of productive forces, negatively affected the introduction of achievements of technical progress, the application of new technologies, etc.

And still in the system of forced labour the role of special migrants was not defining. The basis of Gulag economy was made of camps and colonies – with their huge reserve of mobile and «free» (according to «leaders» of the country) work force. For years of the first «Stalin» five-year periods in the USSR there were constructed not only thousands of industrial enterprises, but also hundreds

of camps and colonies which were integrally entered in the system of the extensive Soviet «national economy» based on total-directive planning, non-economic methods of compulsion to work and levelling distribution of a public product: beggarly – for workers of the «bottoms», preferential-lordly – for the administrative-nomenclature «tops».

Absence of the developed means of production and economic stimuli made the work both at «liberty», and behind the barbed wire equally ineffective and low-productive. But at that, the workers arriving to the construction sites and the enterprises for free hiring (including the so-called «hired» or «tramps») by a minimum but nevertheless were paid out the wages, were given (though small) social guarantees, whereas the work of prisoners was considered as a matter of fact «gratuitous» – with all following consequences. This «free» forced labour, creating illusion of its «cheapness», represented special temptation for the directive Soviet economic system, having high mobilization possibilities, but completely not inclined to material stimulation of workers [54].

The decision on the construction of the Belomor-Baltic channel has made determining influence on the development of camp economic system. The construction of this transport system begun in second half of the 1930-s, was conducted by prisoners of two camps and finished rapidly – for two years. At separate periods at the construction there were concentrated more than 100 thousand prisoners. The camp system for the first time has demonstrated its «advantages»: fast concentration in the proper place of considerable contingents of labour force, possibility of exploitation of prisoners in any conditions, without reckoning with losses [55]. Meanwhile, this construction (as well as many subsequent ones) began without preliminary design, before finishing the topographical and geological works; the construction began in autumn period in conditions of total absence of habitation, roads, mechanisms, motor transport and many other vital things, including sufficient foodstuffs. Working conditions were extremely difficult leading to mass deaths from illnesses and exhaustion. Documents testify that many campers died, having worked on the channel for only two-three months. Similar «organization» of production became a tradition in the Gulag system, without changing throughout decades.

One of the founders and heads of this system – general of technical service, chief of one of departments of People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1940–1947, N. Frenkel expressed the essence of this system with cynical frankness and limiting laconicism: «We need to take away from prisoners all in first three months, and then they are not so necessary» [56]. Another well-known Gulag «manager» – Ya. Moroz, senior major of the state security bodies, chief of the Ukhta-Pechora corrective labour camp (Komi ASSR, 1932–1938) declared that neither cars, nor horses were

necessary for him. One of the few camp prisoners, who had endured the «style of Morozov's management», recollected: «Give him more prisoners – and he will construct the railway not only to Vorkuta, but also through the North Pole». This figure was ready to pave bogs with prisoners, made them work in winter taiga at bitter frost without tents – for a fire will get them warm! – without coppers for food cooking – they will do without the hot! Since no one asked him for the «loss in manpower», so for the time being he was considered the vigorous, initiative figure» [57; 58].

By the tradition inherited (deliberately or subconsciously) from east despotisms, special «privilege» of the Stalin-Soviet camp system was the erection of various hydraulic engineering constructions, first of all – grandiose channels. After Belomor-Baltic Channel (named after Stalin) there appeared the channel «Moscow-Volga» (named after Moscow), then – «Volga-Don» (named after Lenin), Main Turkmen, «Volga-Ural» and others. And all these – mainly manually, often without special economic need, without caring of losses and consequences, simply – for the sake of demonstration of «the Soviet power», a facade round next «triumph of socialist system», cheap momentary benefit.

As the former political prisoner L. Razgon recollects, the Gulag heads liked to visit camp yards. There, «accurately rolled on assortment, with the white-washed end faces, huge layers of stacks of round wood rise. In these beautifully made stacks Marx's thought about depersonized finitive product of work is clearly expressed. Here lies wood, and nothing here shouts or whispers how people who sawed this wood, went to a snow-covered taiga, moved tree-length material with large knotty sticks when sorting them, loaded, unloaded, rolled ... have been delivered here. And if the heads require some justification (though improbable) – these are endless embankments of the railways, green slopes of channels, multi-storey Angarsk, Vorkuta and Norilsk, a huge object of the Moscow University – what used to be called «objects», «divisions», «economy», «mail boxes» ... [59] earlier.

The forced labour system extended from year to year. Gulag slaves constructed not only channels, but also a number of other large industrial and transport objects: hydroelectric power stations (Volzhskaya, Zhigulevskaya, Uglichskaya, Rybinskaya, Kuibyshevskaya, Nizhnetulomskaya, Ust-Kamenogorskaya, Tsimlyanskaya, etc.); the metallurgical enterprises (Norilsk and Nizhnetagilsk metallurgical industrial complexes, etc.); objects of the Soviet nuclear program; some railways (the Transpolar main line, the Kola railway, a tunnel to Sakhalin, «Karaganda – Mointy – Balkhash», the Pechora main line, the second ways of the Siberian main line, «Taishet – Lena» (beginning of the Baikal-Amur main line), etc.; motorways («Moscow – Minsk», «Magadan – Susuman – Ust-Nera»). Many towns were founded or constructed by Gulag

establishments (Norilsk, Komsomolsk-on-Amur, Sovetskaya Gavan', Magadan, Dudinka, Vorkuta, Ukhta, Inta, Pechora, Molotovsk/Severodvinsk, Dubna, Nakhodka, Dzhezkazgan, Bratsk, Salekhard, Sarov, Angarsk, Snezhinsk, Ozersk and tens of others). Considerable part of these «Gulag new systems» did not appear on the Soviet official maps, remaining secret «cities-invisible» [60; 61]. Work of prisoners was also used in agriculture, in extracting branches and on timber cuttings.

«High-powered objects» – «firstlings of socialist industrialization» were also constructed with use of forced labour. But this is another story. As is known, yet in 1931 Stalin estimated backlog of the USSR from the developed countries of the West as 50–100 years and declared of the necessity «to run this distance in 10 years» as «the weak are beaten» [62]. It was supposed to overcome this distance (a dexterous political course!) with the aid of «world imperialism».

Germany, recent «the main enemy», was chosen as first «assistant» and «sponsor», having played on «mutual interests»: the USSR required new technologies, Germany – raw materials. Iron ore, oil, cotton, timber were delivered to Germany, there from – the newest machine tools, including for manufacture of cartridge cases, shells and cannon trunks. The USA have worked for «the Soviet industrialization» not less than Germany (here in the Kremlin they have played, first of all, on economic crisis consequences – «great depression» of the end of the 1920-s – beginning of the 1930-s). Gorky (at that time – Nizhny Novgorod) car factory was constructed for the USSR by the American company «Ford motors» for 30 million dollars. In 1932 the first Soviet truck «Gas-AA» – American «Ford-AA» exact copy – went down from the main Assembly line. This car has become the legendary Soviet «thirty-hundred-weight truck». In 1931 the USSR has taken the first place in the world on import of machine tools and equipment from the USA.

The coal industry (in particular Kuzbass and Donbass), steel mills, rolling factories, even the «Lenin's GOELRO (State plan of electrification of Russia) plan» – all these have been created, equipped by the western firms. With the aid of Americans, under their projects, on their technologies and equipment such leaders of «industrialization», as Dneproges, ZIL and AZLK in Moscow, Uralmash (Sverdlovsk), Zaporozhstal', Magnitogorsk metallurgical industrial complex, Stalingrad, Kharkov and Chelyabinsk tractor factories were built. The last three basically produced tanks [63; 64]. In total with direct assistance of the western capitals and experts hundreds of objects in different branches of the Soviet economy were built in the USSR: from metallurgy and power engineering to the enterprises of food-processing industry [65].

But here is the paradoxical fact: at construction of almost all giants of «the socialist industry» they applied, on the one hand, the most advanced foreign

technological experience (American, German, etc.), and at the same time, pre-industrial forms of the organization of building, including slave forced labour of «special contingent». The top Soviet management considered the pickaxe, wheelbarrow, shovel and other primitive tools most effective in the quest «to catch up and overtake» the advanced countries of the world on industrial production.

In days of the first «Stalin» five-year periods the Communist propagation spread «pathos of creation» in the camps by all possible means. The hypocritical Stalin's postulate «Labour in the USSR is a matter of honour, valour and heroism» became the motto of camp newspapers. At that propaganda pressure was combined with «corrective-labour»: for the dependent every possible «initiatives», «labour watches», «salutes» were invented, «Stakhanov movement» and «labour competition» which, if to trust reports of Gulag heads, «covered» almost 95% of «production workers», were spread. In due course «the social status» of prisoners changed. Up to autumn of 1937 in the Soviet propaganda literature and even in office documents they tried to avoid the word «prisoner». Prisoners of Gulag, as a rule, were called «woodcutters», «chanel-servicemen», «production workers», «executors of the program», «record-setters», «stakhanovets», etc. The term «stakhanovets» was especially actively used in official camp vocabulary of the mid 1930-s. For «well working» prisoners in camps «Stakhanov barracks» were equipped, in kitchens «Stakhanov coppers» were used etc. Yet in 1936 at railway stations it was possible to observe such a picture: there is an echelon with prisoners, on carriages – banners, slogans about «Stakhanov movement», portraits of leaders – Stalin, L. Kaganovich and others, posters «We, Stakhanov-followers, go to top-priority construction!», and at the same time – escorts with rifles, bars on windows, through which these «stakhanovets» were looking out. The absurd logic and obvious images of Oruell.

Since the end of the 1930-s the camp-economic activity of the People's Commissariat of Internal Affairs becomes more active. It got the systematic, large-scale and accurately expressed military-industrial character. At this period the population of Gulag sharply increased and terms of punishment of the dependent considerably extended. If in 1936 there were 13 large camp complexes with amount of works for the sum of 1,3 billion rbl., then in spring of 1938 they were 33, and the capital construction volume increased to 2,6 billion rbl. Only for winter of 1937–1938 the People's Commissariat of Internal Affairs organized 13 new camps, mainly of timber profile, with more than 60 thousand newly arrived prisoners. As a result in 1938 the timber industry enterprises, being in Gulag system, transported 22,9 million m³ of timber that three times exceeded the level of 1937 (7,4 million m³). In 1938–1939 the People's Commissariat of Internal Affairs provided already 13% of all timber cuttings of the USSR [66]. The gold mining by the enterprises of the People's Commissariat of Internal

Affairs has grown (in chemically pure equivalent) from 33 360 kg in 1936 to 62 008 kg in 1938, that is almost twice [67]. In a word, Gulag turned into a «huge industrial complex which built, extracted, made, grew up, constructed etc.»

On the eve of war specific weight of some kinds of products produced by the industrial enterprises of the People's Commissariat of Internal Affairs, in nation-wide volume made: nickel – 46,5%, tin – 76%, cobalt – 40%, chromite ores – 40,5%, gold – 60%, timber – 25,3% [68; 69], nonferrous metals – 40% from production of the enterprises of Narkomsvetmet (People's Commissariat of nonferrous metals) of the USSR. Under the incomplete data, on average annual calculation not less than 3% of the gross national product of the country fell on Gulag. It is practically impossible to list everything that was extracted and made in Gulag. By 1940 the camp-industrial system covered not less than 20 branches among which leaders were nonferrous metallurgy (its share made 32,1% of all camp commodity output), forest exploitation (16,3%) and fuel industry (4,5%). Along with industrial production the major element of camp system was capital construction. In 1940 the share of the People's Commissariat of Internal Affairs made 11% of all capital investments of the USSR [70; 71].

During the prewar period in the USSR a number of camp-industrial complexes were formed with huge territories of poorly developed regions. On Kolyma and Chukotka – the Far East industrial complex of the People's Commissariat of Internal Affairs, on Pechora and Ukhta – Ukhtinsky industrial complex of the People's Commissariat of Internal Affairs, in Karelia – the Belomor-Baltic industrial complex of the People's Commissariat of Internal Affairs etc. managed. After the beginning of the Second World War in 1939 the Soviet government quickly accepts numerous decisions on the construction of the enterprises and military-oriented objects. The essential part of these plans was laid on the People's Commissariat of Internal Affairs. The most significant in this period was the scale of railway construction – in the Far East and the European North. The second place on volumes of carried out by the People's Commissariat of Internal Affairs works took hydro-construction – the construction of the Volga-Baltic and Severo-Dvinsky waterways connecting the Baltic and White seas with the Caspian sea, as well as hydroelectric power stations and ports.

In pre-war years the development of the nonferrous metallurgy of the People's Commissariat of Internal Affairs: production of gold, nickel (Norilsk industrial complex and Severonickel industrial complex in Murmansk region), tin, copper (Dzhezhgazgansky industrial complex) increased. Work of prisoners created a new oil base in the European North, hydrolytic, sulfite-spirit, aviation factories, highways and many other things were under construction. In 1940 the proportion of capital earned by the People's Commissariat of Internal Affairs, to total centralized capital reached 14% [72].

Peculiarities of exploitation of prisoners and the basic branches of the Soviet industry. Economic growth of the People's Commissariat of Internal Affairs at this period (as well as during other periods) was reached, first of all, at the expense of «use of internal reserves», i.e. strengthening of exploitation of the prisoners, some streamlining of management by camps, etc. With that end in view L. Beriya, newly appointed people's commissar of internal affairs of the USSR, in spring-summer 1939 carried out original «administrative reforms» in Gulag. The main was the cancellation of the so-called «offsets of the working days». This system assumed imprisonment term reduction – in a certain proportion to the time worked by the prisoner at manufacture. Cancellation of such «offsets» allowed «to stabilize labour contingents», but had led to destruction of the most effective stimulus of increase of productivity of camp work. As «substitute» of these stimuli, as is usual in the Stalin-Soviet system, the administrative-repressive methods were applied. New long imprisonment terms were added to the so-called «disorganizers» and «saboteurs» of camp production, and the most obstinate were subjected to «the higher measure of social protection» – shooting [73]. Though many production targets of Gulag already in the late 1930-s – beginning of the 1940-s had the military-mobilization importance, the begun war has introduced essential corrective amendments in economic activities of the People's Commissariat of Internal Affairs. The condition of the camp-industrial system in days of war was affected by some important factors. First, qualitatively and quantitatively the «labour contingents» being at the disposal of the People's Commissariat of Internal Affairs have changed. In connection with necessity of evacuation of a part of camps and colonies and deterioration of conditions in Gulag, in 1941 early release of 420 000 prisoners was made. In 1942–1943 157 000 prisoners subjected to repression for «insignificant crimes» were released early and sent to the army [74]. In days of war death rate in Gulag was extremely high. In 1941–1945 in camps and colonies, according to the departmental statistics, more than 1 million prisoners died. As a result, despite new inflows of «the camp population», its total number was considerably reduced. From July 1, 1941 till February 11, 1945, for example, number of «contingents» in camps and colonies decreased from 2 300 000 to 1 400 000. With that a considerable part of prisoners were exhausted and sick. Even according to official figures, the proportion of prisoners working at the production decreased in 1942–1944 to 65–70%, and the quantity of patients made approximately 20% [75].

The lack of prisoners was to some degree compensated by use of the so-called «mobilized contingents» – 400 thousand Soviet citizens of nationalities of those countries which were at war with the USSR (Germans, Finns, Romanians, etc.). 220 thousand from them were sent to economic objects of the

People's Commissariat of Internal Affairs, the rest were transferred to other commissariats and departments [76]. A part of «labour-mobilized» were kept in camps – along with prisoners. During last period of war and in post-war years prisoners of war, contingents of checking-filtrational camps, repatriates, internees etc. were actively used as «labour force».

Secondly, the limited quantity of «adequate labour force», along with such factors as mass evacuation of many objects and military-mobilization reorganization of economy, affected the sizes and structure of economic activities of the People's Commissariat of Internal Affairs. As compared with the pre-war period the share of railway, highway and especially hydraulic engineering construction decreased. All above caused increase of participation of the People's Commissariat of Internal Affairs in building of the enterprises of black and nonferrous metallurgy, fuel industry, and the construction of airdromes. Military requirements also caused the restructuring of many industrial enterprises of the People's Commissariat of Internal Affairs for the production of ammunition, regimentals, equipments, etc.

After war, as a result of strengthening of repressions in the country and increase in number of prisoners, the People's Commissariat of Internal Affairs (since March, 1946 – the Ministry of Internal Affairs) not only provides significant amount of «workforce» to various economic people's commissariats, but for nearly a decade, until Stalin's death, increases its own economic activities. As of January 1, 1949, the system of the Ministry of Internal Affairs included 67 independent corrective-labour camps with almost 30 000 camp-departments and 1 734 colonies. The total number of prisoners reached 2 356 685, out of them able-bodied – 1 963 679 (83,3%). More than half (55,8%) were young men at the age of 17–30, almost a quarter (22,1%) were women [77]. Besides, more than 2 550 000 special settlers were registered in the Ministry of Internal Affairs, and in the system of GUPVI (Central administrative board on affairs of prisoners of war and interned) – about 1 000 000 people [78; 79].

On the whole the industrial activity of the Ministry of Internal Affairs in the early 1950-s can be presented as follows. Though relative indicators of the share of industrial output of the Ministry of Internal Affairs as a whole were not too considerable (in 1952 – in wholesale prices of the enterprises approximately only 2,3% to total amount of industrial production of the country), but on a number of the major economic positions the Ministry of Internal Affairs occupied leading or even monopoly position. In autumn 1946 the Central Administrative Board of gold-platinum industry of the Ministry of nonferrous metallurgy of the USSR was transferred to the Ministry of Internal Affairs that meant concentration in hands of the Ministry of Internal Affairs of all «currency» branches (in 1949 extraction of chemically pure gold made 111 900 kg). Under management of the

Ministry of Internal Affairs all mica and asbestine industry, extraction of diamonds, cobalt, apatites etc. were also transferred. In 1952 the Ministry of Internal Affairs provided production of approximately 70% of tin and third of nickel [80; 81]. Transportation of industrial timber and fire wood by the enterprises of the Ministry of Internal Affairs, according to 1953 plan, had to make 15,4% of the all-union. Besides, the Ministry of Internal Affairs was engaged in coal mining, oil extraction, oil refining, production of cars and equipment, manufacture of the consumer goods.

The Ministry of Internal Affairs was also the largest building department. During the post-war period its participation in railway and especially – in hydraulic engineering building again became more active. Since 1950, with use of prisoners' labour the numerous hydraulic engineering constructions, which the official propagation named «Stalin's constructions of Communism» – the Volga-Don, Volga-Baltic, Turkmen channels, Kuibyshev and Stalingrad Hydroelectric Power Stations, etc. – were built. The construction projects for the Ministry of Petroleum Industry (oil refining factories and the enterprises on production of artificial liquid fuel) were the largest industrial divisions.

The military-industrial objects, first of all – building of the enterprises of the nuclear industry – took special place. The proportion of these so-called «special constructions» in total amount of capital construction of the Ministry of Internal Affairs of the USSR during the period of realization of «the nuclear project» (1947–1948) increased from 24,6 to 30,5%, and in 1949 it made 21,3%. From total amount of the capital construction executed by the Ministry of Internal Affairs in 1947 for the sum of 4,2 billion rbl., more than 1 billion rbl. was spent for «special construction», and at building of «special objects» same year there worked 140 thousand prisoners (without considering special settlers and prisoners of war). In 1949–1952 volumes of the capital construction carried out by the Ministry of Internal Affairs, increased approximately twice, having reached in 1952 about 9% of the total state capital investments [82].

Considerable role in economic activities of OGPU-NKVD-MVD (United Chief Political Administration – People's Commissariat of Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs) from the very beginning was played by «special design offices» (the so-called «sharashka»). The history of these «sharashka» starts since May 15, 1930 when the circular signed by V. Kuibyshev, Chairman of the Supreme Soviet of national economy of the USSR, and G. Yagoda, vice-president of United Chief Political Administration (OGPU) proposed «... to use wreckers ... so that they worked mainly in premises of OGPU bodies. For this purpose to select reliable experts, to render them assistance in test works ...» [83]. The idea was born not for no reason: there have just passed loud litigations over technical experts in the country – on «Shakhtinsky case», «Promparty»

case and others. The important intellectual resource – lucid minds of the scientists and engineers sentenced to various imprisonment terms – it was decided «to use for the good of the country» more «effectively». With this purpose a number of secret design offices, research and design organizations in which prisoners worked, were created. These «establishments» began to be named «sharashka» (apparently, it was A. Solzhenitsyn, who had entered this word in literary language in his novel «In the first circle»). So, «sharashka» is a «closed» (that is secret) design office, in which all technicians (or its prevailing part) are prisoners.

In the early 1930-s Gulag had, undoubtedly, the strongest cadres of engineers and technicians, basically – from among subjected to repression. M. Shreider working in the Economic Department of OGPU at that time, recalled: «Security officers remembered such an episode. Once at the session of the Central Committee Stalin reproached Ordzhonikidze (since 1932 – the People’s commissar of heavy industry of the USSR) that the affairs on some important buildings were not too good, as compared to buildings carried out by forces of prisoners. «Let G. Yagoda give me those remarkable engineers supervising over building of the objects subordinated to OGPU, – said Sergo (Ordzhonikidze), – and then my buildings will be not worse, but even better, than his»...» [84].

In the mid-1930-s at the peak of «the big terror», «sharashka» problem has substantially lost urgency: there was no time to understand, they shot all in a row – scientific workers and designers, party functionaries and military men, yard keepers and cloakroom attendants, priests and old women-conventuals. Directives on destruction of «enemies of the people», sent «from above» to every region as shooting limits of the Political bureau of Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), had to be carried out strictly and without delay. The idea about use of slave labour of talented and hardworking people revived at a new level in summer 1938 when in the People’s Commissariat of Internal Affairs of the USSR the heads were replaced: instead of the stupid executor of Stalin’s will – «the iron dwarf» N. Ezhov – there came not less severe, but much more pragmatic and initiative L. Beriia.

Under his supervision «the important state affair» was centralized. In September 1938 in the People’s Commissariat of Internal Affairs of the USSR there was organized the Department of special design offices renamed in October of the same year in the 4th special department. In January 1939 the Special technical bureau under the People’s commissar of internal affairs of the USSR was created, in July 1941 renamed into the 4th special department of People’s Commissariat of Internal Affairs of the USSR.

Names of such legendary nowadays for national science and technology people as A. Tupolev, S. Korolev, V. Petlyakov, V. Glushko, V. Myasishchev, A. Mints, B. Stechkin and many others are connected with the activity of spe-

cial design offices of People's Commissariat of Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs. All these specialists and scientists – some of them world-known – worked for «ration», may be the best, («butter – 40 grams to professors, 20 grams to engineers, black bread – on tables»), than usual Gulag norm. But they fully experienced the brunt of Stalin's tyranny. Thus, for instance, the leading specialists in the aviation industry were arrested in 1937–1938 and sent to Special design offices of the People's Commissariat of Internal Affairs, without being formally convicted. And only in May, 1 940 307 aircraft designers and engineers, «backdating» through Special meeting at the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR were sentenced to imprisonment for a term of 5–10 years [85].

Besides provision with «labour force» of their own industrial objects, the People's Commissariat of Internal Affairs (and then the Ministry of Internal Affairs), under the tasks of the government and the counteragencies, provided considerable «labour resources» for other economic departments. And proportions here essentially varied. In pre-war period use of prisoners out of the People's Commissariat of Internal Affairs was rather insignificant: in April, 1939 about 133 000 prisoners were provided by the People's Commissariat of Internal Affairs to various departments that made approximately 6,5% of their total number, and in two months (June, 1939) the Decision of the Soviet of People's Commissars of the USSR was accepted on the reduction of these contingents almost twice (for 60 000) and removal from January 1, 1940 of all labour force of Gulag from objects of other departments. Though this decision was carried out far not to the full. Besides, «labour settlers» (former «kulaks») and special migrants of some «national» categories (Koreans, Poles, etc.) were actively used as «counteragency» work force.

The situation has radically changed in connection with war and, mainly, with arrival of a considerable quantity of prisoners of war. As of December 1, 1946, from 4 million people of «special contingents of the Ministry of Internal Affairs» provided for work to various departments (special migrants, labour settlers, prisoners, repatriates, internees) hardly more than 1 million (approximately 25%) got directly to objects of the Ministry of Internal Affairs. After the end, basically in 1949, of repatriation of prisoners of war the forced labour system started to operate again in «a normal» regime of a peace time. As of January 1, 1950, the Ministry of Internal Affairs provided 663 500 prisoners of camps and colonies – from their total number 2 600 000 [86] for work to other departments..

As of August 1, 1950, considerable quantity of special settlers – about 1 400 000 people were occupied at the enterprises and the construction sites not being in the structure of the Ministry of Internal Affairs, out of them more

than 120 000 – were occupied in agriculture. And the last, judging by many data, were not in much worse position, than «free» collective farmers absolutely deprived of civil rights and ruthlessly exploited by the state.

The structure of the People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs included also the system of execution of sentences to forced labour. The control over this category of subjected to repression in the 1930-s was carried out by bureau of corrective works, referring to the system of Gulag of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR. By the beginning of 1940 312 800 people were registered in these bureaus, more than 97% of which were occupied at the place of employment, others – «in places appointed by the bodies of the People's Commissariat of Internal Affairs» [87].

The place of dependent in the industrial-economic activity of the People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs was defined by terms «working fund», «workforce» (uniting them with draft working cattle – horses, oxen, buffalos, camels, etc.). Certainly, life activity of almost all civilian specialists was to some extent connected with work of Gulag prisoners. Moreover, their material welfare in many respects depended on the results of forced labour. However it was not accepted to remember and speak about it. Immorality and absurdity of Gulag system of management was reflected in the accepted regularly by all camp structures «socialist obligations» where much was said about «use of internal resources», «superplanned volumes of production and financial accumulations», «pre-schedule fulfillment of production tasks» etc., but not a word was said of those who with their daily wearisome work realized all these promises and appeals, – about «executors of the program» – forced campers.

Here are fragments of speeches of medical workers at the 4th Party conference of the Administration of camps and colonies of Moscow and Moscow Region: «... None said of how much you care about the health of our contingent which insures the fulfillment of production plans for which we receive premiums and Red banners. Frequently in our divisions the contingent is brought to full attenuation ... Transit prison gives a healthy contingent to our divisions. But in 3–4 months it fails ...» [88].

Obviously, all above can explain the fact that, despite more than million annual replenishment, number of Gulag dependent population remained in post-war years approximately at the same level. For example, in 1947 1 490 959 subjected to repression arrived, and 1 078 324 people left it for the same period. During 1948 1 978 324 prisoners arrived to camps and colonies, and 842 036 people left for the same time. At that «mid-annual filling» of camps and colonies fluctuated within 2,5 million people [89].

Difficult situation with food and regimentals was observed practically in all Gulag. But larceny was only one of the reasons. The main trouble was in the very system of camp supply operating on «residual principle». Throughout last 8 years the requirement for clothing and footwear for supply of prisoners was satisfied extremely limitedly by the State Planning Committee, – is ascertained in the Explanatory note to the demand of the Ministry of Internal Affairs of the USSR for 1949 for clothing and footwear for the prisoners kept in Gulag. – Allocated funds for 1948 provided requirement: on fabrics for manufacture of clothes, linen, bedding – 32,5%, on different footwear – 44%, on dried footwear – 51,2%. As a result the difficult situation with provision of contingent with clothing and footwear is observed ... The overwhelming majority of available clothing was repeatedly repaired, restored [90].

And nevertheless, despite hunger, cold and illnesses, frequently at the cost of their life, under the convoy and the sight, the prisoners of Gulag built, extracted, made, cultivated. In 1948 in the system of the Ministry of Internal Affairs 96200 kg of chemically pure gold, 870 kg of platinum, 38800 kg of silver were extracted. Next year the industrial output of the Ministry of Internal Affairs reached almost 20 billion rbl. Its share accounted for 100% of extraction of platinum, micas, diamonds, more than 90% of gold, over 70% of tin, 40% of copper, over 35% of soot, 33% of nickel, 13% of wood. The gross output of the industry of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1949 made more than 10% of the all-union volume [91]. We'd like to add: on the objects built up in due time with participation of prisoners of Gulag more than 80% of domestic gold, 95% of diamonds, more than 80% of oil, to 90% of gas, 100% of tin, almost 100% of coal, more than 90% of nickel ... [92] are nowadays extracted.

Problems of stimulation of work of prisoners. One of the sharpest at all stages of existence of the national system of forced labour was (and still is) the problem of stimulation of this work. Searching for ways of solution of this problem was carried out from the first years of existence of the camp system, but, in spite of multi-variant approach, it was reduced to old policy of «carrot and stick». At that the preference was always given to «stick», that is compulsion to work. The prisoners refusing to work, were subject to transfer into a penal regime, and those who „persistently refused, with their actions decomposing labour discipline in camp«, were involved in the criminal liability. For labour discipline violations tough penalties were imposed on prisoners.

Depending on character of such violations, the following punishments were applied: deprivation of visits, correspondence, parcels for up to six months, restriction in the right of use of personal money for up to three months and compensation of the caused damage; transfer to the general works; transfer to a penal camp point for six months; transfer to a penal centre for 20 days;

the worst material living conditions («a penal ration», less well-arranged barrack, etc.) [93].

The camp «carrots» were distributed stingily. Regarding prisoners «observing the regime, well proved at the manufacture, exceeding the established norm», the following incentives could be applied: the gratitude announcement before the line or in the order to be entered in the personal file; award delivery (monetary or natural); granting of extraordinary visits; granting the right of reception of parcels without restriction; granting the right of remittance to relatives in the sum not exceeding 100 rbl. per month; transfer to more qualified work. Besides, the foreman (master), concerning well working camper, could apply to the foreman or the chief of the corresponding camp division for granting to this «production worker» the privileges provided for «stakhanovets».

And those who worked according to «Stakhanov methods of work», were granted a number of special, additional benefits, in particular: residing in more well-arranged barracks, «equipped with trestle beds or beds and provided with bedding, a cultural corner and radio»; «special improved ration»; a separate dining room or separate tables in the general dining room with prime service; clothing allowance first of all; the priority right of using a camp stall; prime reception of books, newspapers and magazines from camp library; the constant club ticket for best place for watching films, performances and literary evenings; sending to courses in camp for reception or increase of corresponding qualification (driver, tractor operator, machinist etc.). Similar measures of encouragement were accepted for campers-«record setters in work productivity».

It is known that in 1943 17,5% out of 9863 prisoners and 31,5% out of 1067 civilian workers at capital construction in Noril'lag were considered «stakhanovets», so the level of involvement of prisoners in this «stakhanovets» and «record-setters» movement was considerable enough, at least – according to Gulag reports.

One more system of stimulation of work in Gulag consisted in the differentiated payment to prisoners for the work fulfilled. As we know, this money in the official administrative documents of Gulag, initially and to the end of the 1940-s, were designated as «monetary encouragement», «monetary premium». The term «salary» was sometimes used, but officially such term was entered only in the 1950-s. «Monetary premiums» were paid to dependent «for all works carried out in labour camps», but the sum of money could not exceed 150 rbl. at a time. Money exceeding the sum was enlisted into personal accounts and was given out as the previous sums were used up. Non-working and underworking campers did not receive money at all. To temporarily released from work through illness and for other reasons the salary was not charged, but the cost of the guaranteed food and clothing allowance was not withhold. To «disabled

invalids» used at pieceworks, the payment was made «under the price-work quotations established for prisoners for amount of works actually executed by them».

Along with these systems of stimulation there were other ones consisting only of the components encouraging high efficiency of work and not having «punishing» component. One of them (the most effective) was connected with the so-called «offsets of the working days», that is – in practice they set off to the prisoner one fulfilled, with overfulfillment of the established norm, working day for one and a half, two (or even more) days of its nominal camp term. The result of such practice was early release of the prisoners positively proved at work. But in 1939 this practice was cancelled, and the system of «early release» was brought to replacement of imprisonment in camp for compulsory settlement [94]. In days of war release on the basis of decisions of the State Defense Committee with transfer of the released to the Red Army, and then – «on the basis of Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR» (the so-called «amnesties») [95] began to be practiced.

After war the Ministry of Internal Affairs Authorities, considering that the system of «offsets» is «the most effective way of encouragement of work of prisoners», achieved restoration of this system at separate objects of Gulag. As a result by September, 1950 «offsets of the working days» were applied already in camps with more than 27% of all prisoners, and this process tended to steady growth – though further distribution of «offsets» increased deficiency of camp «labour force». However heads of the Ministry of Internal Affairs of that time considered this way more preferable and thus recognized the inefficiency of the administrative-retaliatory measures. In the late-Stalin period the practice of carrying out of campaigns for early release of prisoners – with their subsequent attachment to the certain enterprises, but already as civilian workers [96] got more and more regular character.

Thus, despite seeming advantages of the uncontrolled command of prisoners, the Gulag administration even more often preferred to deal with rather free workers who were giving more high efficiency of work and not demanding refined system of protection and supervision. As a result and also with transfer to the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of new branches from other departments, relative density of civilian workers on objects of Gulag increased. For example, in January-June, 1950 monthly average number of the civilian personnel occupied in the basic manufacture and capital construction of the Ministry of Internal Affairs (without civilian workers of camps management) made 662 000 people, or 38,9% of total number of all working, including civilian workers – 372 000 [97].

One of the important reasons of reorientation of camp-industrial activity on the civilian qualified labour was essential change of the technological main-

tenance of work at objects of Gulag. For example, mechanized timber transportation according to the People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the USSR made in 1939 only 23,9%, but in 1947 this indicator reached already 41,1%, and in 1950–53,6%. Relative density of the mechanized logging (after introduction of power saws) increased from 19,6 to 41,7%. Number of excavators on construction-sites of People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs was in the beginning of 1940 only 158, and at the end of 1952–955. The indicator of mechanization of excavations since 1946 to 1952 has grown from 52,0 to 87,8%. At that mechanisms became more and more perfect and powerful. For the purpose of productivity increase of the dependent-forced labour the management of the Ministry of Internal Affairs from the end of the 1940-s tried to achieve transfer of separate camps into wages system, consciously (or unconsciously) breaking thereby one of fundamental postulates of such «labour activity» – its «complete self-support», that is «without payment».

On March 13, 1950, having conceded, at last, to persevering requirements of the higher ranks of the Ministry of Internal Affairs, the Union government accepted the decision on introduction of «payments to prisoners in all labour camps and colonies, except for special camps». Soon, however, the salary was entered in these camps too.

Rigid realities of economic activities in conditions of the Soviet system of directive-centralized planning, strict reporting for performance of production targets compelled to break constantly standard requirements to maintenance of Gulag «special contingents». The so-called «release from escort» – release of prisoners from guarding and permission to freely move out of camp zones was widely applied. Without the possibility to provide reliable guarding in the course of manufacture, the camps administration tried to achieve the official permission for «additional release from guarding», or (at the «center's») tacit consent) entered it without preliminary permission.

With a view of «stimulation» of forced labour rather original means and methods were applied. In the 1940–1950-s – in period of active „socialist competitions« in camps – one of forms of «encouragement» of production workers– „stakhanovets« was the participation right in general camp „meetings of leaders of competition» held with provincial grandiosity and usual Soviet facade in the central settlements of labour camps. Peter Fedotovitch Leshchenko, prisoner of Vyatka corrective-labour camp (Kirov region) in the 1950-s, recalls what this special official «political action» at times turned to in reality: «... Along the central settlement (nowadays settlement Lesnoi, Verkhnekamsky region) under sounds of a bravura march of a brass band a column of people (prisoners) in «free» clothes (then they did not forbid long hair), surrounded with a dense

ring of escort with dogs, went. The orchestra rattles, dogs growl, guards swear dirtily, while the commandant of settlement Goloborodko with a TT pistol in hand rushes about round this column. Crowds of children run nearby, adults crowded on roadside sidewalks: in the «capital» of Vyatlag, – a holiday... The House of culture is surrounded by soldiers, «leaders» are let in as in a camp zone, – being counted... The Meeting has begun» [98].

Constant «mistake», the contradiction between imperatives of industrial activity and objective regime requirements, other abnormal phenomena in sphere of mutual relations of «camp-manufacture» strengthened the tendency of the post-war period of transformation of considerable number of prisoners in «partially civilian» workers, original transfer of «camp slaves» in a category of «camp serfs». Further development of this process should inevitably lead to radical reorganization of Gulag. All the more on the eve of Stalin's death, despite some attempts of the «limited» reforms, industrial activity of camps faced accruing problems. Relative number of prisoners «used on the basic production» was reduced. Productivity of camp work decreased: from 26 to 28% of prisoners-pieceworkers did not carry out production rate in 1951–1952. All these crisis phenomena predetermined and essentially facilitated acceptance of cardinal political decisions on Gulag in spring 1953 and in the followed «thaw» period.

To the problem on «expediency and efficiency» of forced labour. Problems of «expediency» and «efficiency» of the Soviet system of forced labour, its role in realization of «socialist industrialization» are nowadays a subject of sharp and at times even fierce discussions. Undoubtedly, from the point of view of the moral-legal criteria accepted in civilized societies, Stalin's terror and its derivative – forced labour system – cannot be assessed otherwise, but criminal.

In the general tendencies of world development which visually show indisputable advantages of free labour, any system of compulsory work and all the more dependent, cannot be recognized effective. Not only because camp work is inhuman, often deprived of real economic sense. The documents of Stalin's epoch and first of all – live evidences of contemporaries – vividly demonstrate all above. Here is the evidence of the former political prisoner O. Adamova-Sliozberg: «...We hollowed in frosty soil a ditch for draining off melt water. We worked at 50-degree frost with heavy hacks, tried to develop norm ... It was very arduous toil. The land was as cement. We gasped for air from frost. Shoulders and waist ached from pressure. But we worked fairly. And in spring when the earth thawed, a tractor with trench digger started up, and in an hour it made a ditch same as the link of six persons dug during two months». It was punishment by senseless work – especially heavy and shameful for those people who got used to work fairly all life [99].

Owing to the fact that Gulag received «labour force», so to say, automatically, as a result of politically motivated repressions, its management never had to prove specially that forced labour is more effective, and therefore it is necessary to transform certain quantity of civilian workers into camp slaves. Only periodically heads of the People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs and Gulag (as well as chiefs of other Soviet departments) in various reports «upward» mentioned of «economic successes», explaining them not by advantages of camp-slave labour, but exclusively by their own organizing efforts. For example, in a note addressed to Stalin in November, 1935, G. Yagoda promised that the People's Commissariat of Internal Affairs «will construct roads in average by 50000 rubles for 1 kilometre cheaper», than the civil departments have built before. G. Yagoda explained it by «lower cost of the maintenance of administrative apparatus», and also by «higher output rates established in People's Commissariat of Internal Affairs». It was also considered that at objects of the People's Commissariat of Internal Affairs the gold and tin production cost is lower.

In May, 1933, addressing to the Soviet of People's Commissars of the USSR, the assistant chief of Dal'stoi Z. Almazov (in some years he will receive a high post of the assistant chief of Gulag) reported: «For keeping 1 person in the mines (Kolyma) for a year approximately gross of all cargoes (including building) – 1 ton – is needed; one person gives 1 kg of metal (gold) per year» [100]. For 1939 the Soviet of People's Commissars of the USSR has set for Dal'stoi the calculated price of 1 gram of gold at 6,9 roubles (in comparison with 5,2 roubles in previous years) with the price at the enterprises of the People's Commissariat of nonferrous metallurgy from 15,3 to 16,7 roubles. The similar prices for a ton of tin extracted by Dal'stoi and the People's Commissariat of nonferrous metallurgy made accordingly 40,8 and 60,2 roubles [101]. The reality of such calculations is doubtful. In 15 years, on October 9, 1950, in a note presented by the Minister of Internal Affairs of the USSR S. Kruglov addressed to L. Beriya it was said already that «expenses on the maintenance of camps considerably raise the price of a labour force from prisoners» and that «cost of the maintenance of a prisoner is higher than average earnings of a civilian worker». For example, at the construction of the Volga-Don channel in 1949 the maintenance of one prisoner made 470 roubles a month, and his salary (charged by the same job prices as «free workers») made 388 roubles. In these conditions, S. Kruglov reported, camps remained «self-supporting» only «at the expense of lengthening of the working day and increase in production rates for prisoners» [102].

Obviously, exactly the possibility of super-exploitation of prisoners was the main «advantage» of camp production. However it was only momentary «benefit». Premature death in Gulag of hundreds of thousands of people, sense-

less ruining in hard labour of forces and talents which could bring incomparably larger advantage in freedom, essentially weakened labour potential of the country. Besides, tens of thousands of the efficient people occupied as camp guards, supervisory service, etc. dropped out of social production

Concerning criteria of «efficiency» of camp production we will cite only one figure – from the sphere of electric power industry. It is counted up that each megawatt of capacity of the Volga hydroelectric power stations, erected mainly by «labour of the Ministry of Internal Affairs», was obtained at the cost of 40 human lives [103]. This «calculation» of each megawatt is not in money but in human lives.

Dependent, under escort, work cannot be creative by nature. To the full it concerns the mentioned already so-called «Experimental Design Office of People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs» («sharashka»). The real and considerable scientific and technical achievements of prisoners-specialists are sometimes given as one of proofs of «efficiency» of this system and even stimulation of «active creative process». But in fact any Gulag «achievement» – in any sphere, including scientific and technical creativity – is in greater degree loss, than acquisition. Any, without any guilt, repressed person, being in unnatural conditions of non-freedom, abased and humiliated, having endured personal and family catastrophe, simply physically cannot work and create to the best of his capabilities. Separate exceptions only confirm the general rules. Where a group of dependent professionals for a certain period created one plane, for the same term the creative collective of free like-minded people could create several planes. The former prisoners of Gulag «sharashka» regretfully reflected it time and again, in particular, A. Tupolev, outstanding aircraft designer.

Special operating conditions of camp production (increased secrecy and absence of control) promoted distribution of distortions and false reports, and, apparently, even in a greater degree, than it was inherent to all Soviet economic system. Many construction projects of People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs were financed without designs and estimates – under «actual expenditures». Memoirs of the former prisoners of Gulag contain evidences on the persistence and ingenuity in camps concerning «tufta». This term was widely distributed in Gulag, it designated «fake», deceit, eyewash, work made only just for show, obviously false indicators in the official report. By legend, it occurred from abbreviation «TFT» («heavy physical work») which appeared for the first time in Solovky in the late 1920-s and was pronounced as «tefete». The Solovetsky prisoners enlisted in a category of «TFT», argued like this: «You ask us about TFT? So we will show you tefete!» Later this jargon began to be deciphered as: «Technics of the Account of Fictitious Work». They

used to say: «Without «tufta» and ammonal we would not construct Belomor-kanal»; «the USSR is based on dirty language, tufta and protection», to «charge tufta» meant to make work only just for show, badly, to deliver the false report on ostensibly made works or fictitious performance of the plan.

The system of distortions which penetrated all life activity of Gulag, from top to bottom, only suited the dependent (this «tufta» quite often saved their lives), the camp administration was also interested in it. Very often, wishing to avoid troubles in connection with default of plans, to hide wastes and illegal payments, heads of camp construction-sites and enterprises used mass distortions. This mass deceit of the state was estimated in many millions rubles. The sums only of the revealed non-productive costs, losses from shortages and stealage only in Vyatsky corrective-labour camp (Kirov region) made: for January-June, 1940 – more than 335 500 rbl., for 1942 – more than 8 000 000 rbl., for 11 months 1943 – about 2 300 000 rbl., for 1944 – 1 223 000 rbl., for 11 months 1946 – more than 600 000 rbl., for one month (October, 1947) – 60 000 rbl., for two months (January-February, 1948) – 137 000 rbl., for 1953 – 1 581 000 rbl. (including shortages and stealage – 244 000 roubles). In 1952 during inventories shortage of timber products with total amount of 4 485 m³ – for the sum 102 000 rbl. was revealed.

The former employee (officer, chief of a camp point) of Vyatsky corrective-labour camp (Vyatlag) recalls (beginning of the 1950-s): «...There were basically distortions of volumes of non-fulfilled works, trade in wood (its sale by one brigade to another one so as to have 121% of output and to receive offsets 1:3), unloading of railway cars, that caused very many claims from addressees ... Besides there were deliberate arsons – both in manufacture and in residential zones. One set fire having lost in cards, others – in protest against general system and with purpose to get on a prison regime. There were arsons because of careless handling of fire, especially in summertime and at burning of wood residuals. There were deliberate arsons for concealment of distortions ...» [104].

Here is one more example from real life of another large northern camp, from memoirs of its former prisoner: «...In 1938 a new large camp Daviesion was under construction. It was a solid enterprise. The narrow-gauge railway was under construction, its 1 kilometre cost one million roubles. Depots, workshops, warehouses, job centers, civilian settlement, zones for prisoners ... were built. It was time when some «clever» men from the People's Commissariat of Internal Affairs or idiots from economists decided that it is possible to extend the general rules to camp: norms, calculations, all confused and idiotic «indicators». And what «indicators»! ... Here (in camp) it was possible to build, only impudently and openly breaking instructions, rules, laws, «indicators» ... All civilian chiefs – from construction superintendents to lieutenants – acted in collusion

with foremen-thieves, added output, overpaid huge money, charging offsets, allowed to drink vodka, took away earnings from convicts, did not hesitate to take in their paw this taken money ... For example, the railway is under construction. As is done at building, the bank calculates money on the execution of separate stages of work. But some sly fellow thought up of such an order at which the basic quantity of money was remitted for the last stage for stimulation of work: packing of the top structure of the railway bed – cross ties and rails. The idea was the sooner you hasten to receive all money, the faster you will execute the construction plan. But the most labour-consuming was not laying rails, but cutting and rooting out of a line and doing embankment, they did not think about it. Dexterous construction superintendents quickly found a way out. On just cut and yet not rooted out line they scattered cross ties and screwed together rails, then the protocol was drawn up and the construction was considered by two thirds finished. And later they started to root out stubs for these cross ties and make embankment ... Can you imagine how much it cost to think out nonexistent works to put in order all numerous «indicators»!. » [105].

Actually «tufta» were also many other «high economic indicators» of forced labour system as they were reached not at the expense of the optimum organization of production, but by injurious exploitation of resources. Receiving huge territories for uncontrolled «economic development» and trouble-free «labour force», heads of the enterprises of People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs instead of creation of the constant long-term objects demanding considerable investments, preferred to develop the sites richest with resources during short time. The «economic miracle» of Dal'stroi in the second half of the 1930-s and formal «cheapness» of the Kolyma gold was based on it. However such «well-being» had only ostentatious and short-term character. If from 1935 to 1938 the average amount of gold on the Kolyma mines (thanks to development of the richest deposits) made from 27,0 to 19,3 g per m³ of the washed out sand, then in 1946–1947 – already only about 7 g that had lead to decrease in volumes and rise in price of the cost price of gold mining. The camp «Kolyma Eldorado» drooped. The similar situation was observed in other branches of Gulag economy [106].

The industrial sphere of People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs based mainly on heavy physical work, rejected technical progress. Such chronic problems of the Soviet economy as a whole, as low interest in technical innovations, the lack of qualified personnel, bad quality of service and repair of mechanisms etc., they preferred to solve at camp objects at the expense of escalating of scales of application of physical force of the dependent. In 1948 at the Vth Party conference of the Ministry of Internal Affairs the representative of one of forest camps, reporting on work of his corrective-

labour camps, said: «All processes are not mechanized, we did not receive and do not receive any mechanisms till now, and the received 100 power saws we can not put in operation due to absence of mobile power stations». Then the traditional request for help followed, «because we will never fulfill the growing program with muscular force and a horse» [107].

This is how this «lumbering process» proceeded in reality – on example of the Kolyma female camp «Vakhanka» (from the evidence of the former state convict E. Vladimirova): «...In «Vakhanka» tree felling sites were located at a distance of 5–10 km from the camp point. 10–20 km of a way in winter was very heavy addition to work. The work included ground skidding, that is 2 women were carrying sledges with unbarked logs to a distance of several km. Thus, for example, the feeble brigade working 5 hours, organized because of great human exinanition, carried wood one passage a day to a distance of 5 km, all in all doing, including with empty sledge at the end, 10 km. At working brigades the norm, of course, was higher. Brigades not fulfilling norm from time to time in winter moonlight nights remained in forest till 12 o'clock at night...». It happened that camp «vakhanki» died of diaphragm rupture. Such deaths were fixed as «industrial traumatism owing to safety precautions infringement». It did not spoil camp indicators as went through other registration column. Refined Gulag statistics fixed deaths so «originally» (separately – «death rate in camp», «in hospitals», «in colonies», «at manufacture», «in prison» etc., without deducing a cumulative indicator on all prisoners [108]), so till now it is not possible to establish exact quantity of victims in Gulag, including – during «production processes»?

Power availability per worker of forced labour remained extremely low at all stages of its existence. Thus, if in 1951 the volume of timber cuttings in wood camps made 18% to volume of timber cuttings of all system of the Ministry of forest industry of the USSR, then the park of narrow-gauge locomotives – only 10,5%, of dragging tractors – 6,3%, the automobile park – 3,7%, park of mobile power stations – 4,6% to availability of this equipment at the Ministry of forest industry [109].

It is documentary proved that at the camp enterprises the available fixed capital stock, that is the equipment, cars, mechanisms, etc. was used much worse, than in adjacent «civil» branches. For example, in the State Bank conclusion on the Gulag report for 1939 it was noted that «use of fixed capital stock (carrying out of building and construction works per 1 ruble of cost of fixed capital)» on camp construction sites was almost four times worse, than at objects of Narkomstroi of the USSR. At that, building mechanisms were used three times worse [110]. It is indicative that after war when significant amount of the modern equipment, including trophy was delivered to the construction sites and

the enterprises of the Ministry of Internal Affairs, it turned out to be unclaimed, while Gulag «production workers», as well as 10–20 years ago, worked with a shovel, pick, breakage, wheelbarrow, manual saw etc.

It is clear that under such circumstances the cost price of Gulag production, despite «free» forced labour, considerably exceeded the cost price of the analogues made by the «civil» industry. For example, in such a large camp-industrial administration as «Eniseistroi» (Krasnoyarsk region), planned cost of 1000 pieces of brick was 250 rbl., actual cost made 631 rbl., and in the local industry the cost price of the same quantity of brick was equal to 210 rbl. Another example: in Uzhginsky logging enterprise (Koigorodsky area of the Komi ASSR) complex output reached 700 m³ of timber products per 1 worker at the cubic metre cost price – 54 rbl. and the level of output of timber – 84% in the 1950-s. In the neighboring Vyatlag of the Ministry of Internal Affairs of the USSR for 1959 the output per 1 worker in timber cuttings made only 240,5 m³ (with the plan – 238,9 m³), that is 2,5 times less, than in usual «civil» logging enterprise, at much larger cost of 1 m³–67 rbl. 54 copeck. The output of timber in camp production was much more low – only 70% [111].

In 1949 the Central administrative board of camps of the forest industry of the Ministry of Internal Affairs of the USSR reported about «deliveries to the state» for a post-war five-year period of 75 million m³ of timber (with the plan of 71 million) that later was entered as a component part into achievements of the Soviet economy. Actually behind these indicators stands the most severe exploitation of human resources: the level of mechanization of camp lumbering works these years averaged only 18,8% [112].

Forced labour as a drug for the Soviet industry. Being the carrier of not the best methods of the organization of production, Gulag with its «cheap labour» had decomposing influence on those sectors of the Soviet economic system which were based on civilian labour. These ministries and departments which, owing to objective reasons, were not too interested in organizational and technical progress, preferred to solve many problems at the expense of «orders» on dependent «workforce», and this, in turn, hampered development of labour market and social infrastructure even more.

Thus, forced labour turned to an original drug for all Soviet system of management. Though, at first sight, relative density of Gulag «contingents» in total labour balance of the country was not so great: about 11% of all occupied in the industry and building [113].

The top management of the country paid attention to «abnormality» in use of labour of dependent «workforce». At the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in July, 1940 Stalin even «blamed» those present: «...Very often People's Commissariats ask from

People's Commissariat of Internal Affairs to give people from Gulag, from the criminal. If to consider all our construction sites, one third of labour force at constructions in the in the remote corners of the North, at construction of railways, in forests are criminal elements ... It is necessary to have reserve instead of taking people from Gulag. This is undesirable phenomenon. Somewhere in the remote corners it is possible to use workforce from Gulag, but in the machine engineering industry, in cities where a criminal works together with a non-criminal, I would say, it is very irrational and not absolutely decent ...» [114].

However Stalin's moralizing statements did not have any serious consequences. Moreover, availability of mass and «unforeseen» dependent workforce influenced the mechanisms of acceptance of a number of the state decisions, encouraged voluntarism at construction of many expensive, but economically inexpedient projects.

The first among them is, undoubtedly, widely known Belomor-Baltic channel (BBC), advertised as the «object of military-strategic and economic importance», having «huge prospects of economic activities». Thus at construction of this «object» over 140000 dependent workers («prisoners-channel-workers») were occupied. In practice the possibilities of Belomor-Baltic channel appeared to be rather far from intended to be «lots of plans». Putting into operation of this channel, and then the water highway «Moscow-Volga» had only limited value as old connections – Mariinsky and Moskvoretsky systems remained unreconstructed. In 1940 traffic capacity of BBC was used only by 44%, and in 1950 – by 20%. The majority of the cargoes transported by this channel, belonged to enterprises located in its zone, that is it represented mainly «a highway of local value». Nowadays it is doubtless that BBC appeared to be an expensive monument of mismanagement of the Soviet system which value for economic development of the territory is insignificant, and strategically – nominal [115; 116].

Similar destiny had one more largest construction of the United Chief Political Administration-People's Commissariat of Internal Affairs – Baikal-Amur main line (BAM). It was, as is known, one of the most considerable objects of Gulag – already by the beginning of 1938 in Bamlag there were more than 200000 dependent, and in some months on its base several camps were built, their total «special population» reached 300000. However, despite great material and manpower resources involved in this project, huge amounts of executed works, numerous victims among prisoners, real results of BAM construction appeared «economically inadequate». Separate sites of a line formally put in operation did not have any essential practical value. Construction of many lines was suspended. As a whole the prewar stage of BAM construction was finished with the next grandiose Soviet «suspended» construction [117; 118].

The Soviet railway construction in general is a vivid confirmation of ruinousness of Stalin's system of managing as a whole and use of forced labour, in particular. The chaotic construction of many railways without necessary technical and economic substantiation led to freezing of huge resources. By 1938 the length of the begun with construction, but suspended railways reached 5000 km (not including those that had been constructed, but were not used or used only partially). With that the general increase in railway system of the USSR from 1933 to 1939 made only 4500 km. Considerable part of these «dead roads» was constructed by prisoners of Gulag. The most indicative example with reference to the post-war period is the road «Chum-Salekhard-Igarka» abandoned «as useless», which construction in conditions of the Polar region was carried out at the cost of lives of many thousand slaves, not mentioning the huge material resources in the total cost of 3,3 billion rbl. [119; 120]. Similar destiny had many other objects of Gulag. In September, 1940 the governmental decision on conservation of construction of the Kuibyshev hydroelectric complex begun in 1937, was accepted. In the Kremlin they explained this decision by «absence of free workforce» for work on «new grandiose objects» – construction of the Volga-Baltic and Severo-Dvinsky water systems. But by the time of «conservation» the huge sum has already been spent for construction of the Kuibyshev hydroelectric complex – 126,7 million rbl., while in the Samara camp which «served» this object, from 30 000 to 40 000 prisoners [121] were concentrated.

Negative consequences of forced labour and crisis of camp system in the USSR. After Stalin's death his successors were compelled to stop construction of various enterprises and hydraulic engineering constructions at which, by that time, works had been executed for the sum of 6,3 billion rbl. This exceeded volume of capital works of the Ministry of Internal Affairs for all 1948 [122].

Camp production caused serious damage in ecology sphere. All Gulag industrial enterprises were constructed without treatment facilities, natural resources were injuriously exploited. Sorsky molybdenum industrial complex, for example, in infringement of all rules and technologies, dumped wastes of the manufacture to the river Sora (Khakassia). Though the project provided construction of special storehouses for wastes, but they had no time to build them. Everybody understood that this was the roughest infringement, but nobody tried to eliminate it. Channels built by Gulag, hydraulic engineering constructions, local «seas» were created, as a rule, without taking into account the influence of artificial change of natural conditions on environment. As a result the basins of rivers appeared to be considerably polluted by poisonous production wastes. The river fauna died out. The fish industry across Volga and its inflows for which Russia long since was famous, fell into decay. In many places forest lands, arable lands appeared to be under water, there was soil bogging

around. Similar things happened in the area of «Rybinsk sea», in many other places [123; 124].

The administration of forest corrective-labour camps at all stages of existence of these camps in its own way and rather «originally» treated the «economic problems», understanding «rational development of woods» not as providing their reproduction, but only as means of «the best fulfillment of the state plan». With that requirements of the forest protection organizations had declarative character and were constantly infringed. Huge forests – in total hundred millions of m³ were cut down. There was considerable loss of forests with valuable species of forest stands. In the absence of necessary capacities and low technological level of the processing enterprises considerable volumes of timber were not used, about half was used for heating (fire wood). Water security strips were cut down, works on reforestation were made in minimal, extremely limited volumes. Development of territories was done spontaneously, not taking into account the possible negative ecological and social consequences.

Many workers were simply incompetent in that sphere of activity in which they were engaged. This concerns both the managerial personnel, and the ordinary campers. The constant requirement of fulfillment of the plan, frequently contrary to real circumstances, resulted in negligence and irresponsibility.

More and more actual character get nowadays such problems, as influence of camp-industrial system on economic development of adjoining regions, social-demographic consequences of long-term functioning of penal-correctional institutions, their criminal impact on surrounding local population. The totalitarian regime, that gave birth to penal-camp system, caused exploitative treatment of nature, subordinating economic activities of camps to the solution of momentary problems. Ecological and social-demographic consequences of this activity at regional level are painfully felt already today and, probably, will get still greater sharpness in the future. From the system where the human life has no value, it was naive to expect sparing, caring, solicitous attitude to the nature which organic part is man [125; 126; 127; 128; 129].

From the beginning of the 1950-s the crisis of the dependent-industrial system was clearly seen. Gulag catastrophically did not cope with the accruing amount of works. The «Great constructions of Communism», where the main «driving» force still were prisoners of Gulag, demanded qualitatively another work – qualified, morally and financially motivated – that «cadres under escort» could not give. Meanwhile «the greatest constructions of national prosperity» as they were called in the Soviet newspapers, were put in operation with huge unfinished work and much later than the scheduled time. The maintenance of camps, colonies, special settlements was not paid off by revenues from the use of forced labour, and annually, throughout all post-war years, Gulag re-

ceived massive subsidies from the state budget. For example, only in 1952 for the maintenance of panel-executive system 2397 million rbl. [130] were allocated.

Immediately after Stalin's death the destiny of many Gulag constructions was solved unequivocally: more than 20 of them were stopped, as «were not caused by needs of national economy». Well knowing the true price of forced labour L. Beriya shortly before his arrest submitted for consideration of the Supreme party-state structures the proposal «to liquidate the system of forced labour in view of economic inefficiency and hopelessness» [131]. Reorganizational processes in industrial-camp system proceeded throughout many years. In March, 1955 the Ministry of Internal Affairs lost its supervision over «the rocket-nuclear project» – Glavpromstroy which had become the property of the Ministry of Average Mechanical Engineering of the USSR. The question on the final transfer of other building organizations of the Ministry of Internal Affairs to profile departments was solved in February, 1956 at the session of the Presidium of the Central Committee of the CPSU. On June 4, 1956 the presidium of the Supreme Soviet of the USSR ratified the Convention of the International Labour Organization concerning abolition of forced and obligatory labour in all its forms. Besides, on September 7, 1956 the USSR signed the Convention on abolition of slavery, slave-trade and institutes and customs similar to slavery. All above gave hope that it all is finished with the camp-forced labour system.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: «...ПЛЮС ГУЛАГИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ»

За годы Советской власти жертвами произвола тоталитарного режима стали миллионы граждан. К ним относятся 40 миллионов подвергшихся уголовным репрессиям за политические убеждения, из которых около 10 миллионов лишены жизни. Свыше 320 000 семей по самым скромным подсчетам (около двух миллионов человек) подверглись массовому и трагическому по своим последствиям «раскулачиванию». Еще четыре миллиона – это представители репрессированных народов. Сюда же следует отнести большое, пока точно не установленное, но измеряемое не одной сотней тысяч число иностранных граждан, репатриированных, интернированных и т.д.

Следует подчеркнуть, что эпоха сталинизма явила собой некий социально-исторический парадокс: вопреки существующим теоретическим постулатам этот тоталитарный режим принес не сокращение, а невиданный в истории скачкообразный рост преступности, более того – он привел к тому, что без большой натяжки можно назвать «криминализацией всей страны».

В самом деле, если в царской России за последние годы ее существования (1900–1913) было привлечено к судебной ответственности менее двух миллионов человек (примерно 1,3% среднегодовой численности населения), то за время сталинского режима (1930–1955 гг.) – около 40 млн. (т.е. почти 20%!), в том числе к лишению свободы – не менее 17 млн. чел. (более 8%, или почти каждый десятый житель страны!). Заметим – для советского режима приведены данные без учета так называемых «внесудебных» и административных репрессий, а ведь в этом случае речь идет еще о многих миллионах человек... [132; 133; 134; 135]

Продолжим сопоставления. Число репрессированных за «политические» преступления («против особы государя», «бунт», «измену», «восстания», «стачки» и т.п.) при царском режиме достигло максимального уровня в 1912 г., когда оно составило 22 764 чел. (менее 0,05% взрослого населения империи). В советскую эпоху пик численности репрессированных за «контрреволюционные преступления» приходится на 1937 г. – 936 750 чел., а всего за 1921–1955 гг. по этим основаниям подвергнуто репрессиям не менее 7 млн. чел. (или около 6–8% всего дееспособного населения страны) [136].

Количество смертных приговоров в царской России за период с 1901 по 1912 г. составило, по разным данным, от 4191 до 8000 (т.е. от 0,2 до 0,4% к общему числу судебных вердиктов). Сталинская «юриспруденция»

и здесь «вне конкуренции»: более 1 миллиона «расстрельных» приговоров за 1921–1955 гг. (2,5% к общему числу, а к репрессированным за «контрреволюционные преступления» – не менее 15%) [137].

Но, пожалуй, наиболее впечатляет статистика о водворенных в места лишения свободы. В 1912 г. в царских тюрьмах и на каторге находилось менее 185 000 чел. (или около 120 на 100 тыс. населения). В советские времена мы видим следующую картину: 1924 г. – примерно 200 тыс. заключенных (примерно 130 на 100 тыс. населения); 1934 г. – 750 тыс. (более 440); 1941 г. – 2300 тыс. (около 1200); 1951 г. – более 2500 тыс. заключенных (более 1250 на 100 тыс. населения). То есть мы наблюдаем рост численности заключенных за 40 лет (с 1912 по 1951 г.) в абсолютном выражении – более чем в 13 раз, а по относительному показателю – почти в 10 раз! Если же мы добавим к советским показателям число содержащихся в спецпоселениях и находившихся в других «местах обязательного проживания», то есть в условиях несвободы, тогда все вышеприведенные соотношения придется как минимум удвоить [138; 139].

Проводя в стране политику «искусственной криминализации», сталинское руководство породило еще один социальный феномен – симбиоз профессиональной преступности и органов правопорядка.

Говоря о наследии ГУЛАГа, нельзя пройти и мимо такой темы, как влияние его на отечественную демографическую ситуацию. Некоторые исследователи этого вопроса утверждают, в частности, что «вопреки расхожему представлению», доля умерших в сталинско-советских местах лишения свободы «редко превышала 2–3% от общей смертности в стране и существенного влияния на демографическую картину в целом не оказывала» [140].

Но, во-первых, достоверность и объективность официальной советской статистики (тем более – статистики ГУЛАГа, а еще более – учета смертности) вызывают, мягко говоря, серьезные сомнения. Кроме того, если говорить о демографической ситуации, следует учитывать и количество умерших после освобождения из неволи – в результате потери там здоровья, и число инвалидов и хронически больных, списанных («активированных») ГУЛАГом за «ненужностью», и численность не рожденных детей (которые могли бы родиться, если бы не срок осуждения, смерть, болезнь их потенциальных отцов и матерей), и количество детей, выросших без репрессированных родителей, и число не состоявшихся или разрушенных браков, и многие другие, не менее важные последствия существования ГУЛАГа [141].

Наконец (но отнюдь не в последнюю очередь) необходимо говорить о влиянии факта существования ГУЛАГа на культуру, язык и обобщенно –

на мораль советского, а ныне – и российского общества. Несомненно, что сегодня мы сталкиваемся именно с проблемами нравственного преодоления наследия ГУЛАГа, того, что вполне допустимо обозначить как «моральная дегулагизация» всего отечественного социума. Именно в ГУЛАГе сложился своеобразный комплекс норм поведения, присущий не только подневольным, но, в определенной мере, и вольнонаемным работникам – ведь обе эти части лагерного населения жили в своеобразном симбиозе. И «лагерной этикой», вольно или невольно, пропитывался каждый, кто имел отношение к зоне (заключенный-«бытовик» или «политический», охранник или надзиратель, воспитатель или инженер).

В основе этого поведенческого комплекса лежит философия уголовного мира, наиболее удачно приспособившегося к жизни в неволе. Краткая характеристика этого лагерного феномена в самом обобщенном виде может быть сведена к следующим доминантам: отвращение к труду; безхозяйственность; безразличие, равнодушие; повседневное жульничество (приписки, халтура, «туфта», взаимный и всесторонний обман); цинизм; подозрительность и враждебность к любой инициативе; нетерпимость к любым проявлениям человеческого достоинства; зоологический эгоизм; культ грубой силы.

Все эти элементы «гулаговского поведенческого комплекса» со временем просочились в советскую действительность, растворились в ней, стали (наряду с официозным и фарисейским «моральным кодексом строителей коммунизма») неотъемлемыми ее компонентами в самых разных проявлениях – в повседневной жизни, в быту и в трудовой деятельности миллионов людей.

Ведь внутри- и внелагерный советский социум – это единое целое, сотворенное одними и теми же «ваятелями», по единому замыслу, из одного и того же человеческого материала.

CONCLUSION: «... PLUS GULAGIZATION OF ALL COUNTRY»

For years of the Soviet power millions of citizens became victims of the arbitrariness of the totalitarian regime, including 40 million subjected to criminal repressions for political convictions, from which about 10 million were deprived of life. Over 320 000 families by the most conservative estimates (about two million people) underwent mass and tragic on the consequences «dispossession of the kulaks». 4 millions are representatives of the subjected to repression people. Hundreds thousands of the foreign citizens repatriated, interned etc. can also be referred to this group.

It is necessary to underline that the epoch of Stalinism has shown to be a social-historical paradox: contrary to existing theoretical postulates this totalitarian regime has brought not reduction, but unprecedented in the history spasmodic growth of criminality, moreover – it has led to «criminalization of all country».

Really, if in tsarist Russia during last years of its existence (1900–1913) less than two million people (approximately 1,3% of mid-annual population) were brought to justice, then during Stalin's regime (1930–1955) – about 40 million (that is almost 20%!), including to imprisonment – not less than 17 million people (more than 8%, or almost every tenth inhabitant of the country!). We'd like to note – for the Soviet regime the data are given without the so-called «extrajudicial» and administrative repressions, and in this case we would speak of many millions persons [132; 133; 134; 135]

Let's continue comparisons. The number subjected to repression for «political» crimes («against the sovereign», «revolt», «treason», «rising», «strike» etc.) at the tsar's regime reached maximal level in 1912 when it made 22 764 people (less than 0,05% of adult population of the empire). During the Soviet epoch the peak of number subjected to repression for «counterrevolutionary crimes» falls to 1937 – 936 750 people, and all in all for 1921–1955 not less than 7 million people (or about 6–8% of all capable population of the country) [136] were subjected to repressions.

The quantity of death sentences in tsarist Russia from 1901 to 1912 made from 4191 to 8 000 (that is from 0,2 to 0,4% to total number of judicial verdicts). Stalin's «jurisprudence» here again is «out of competition»: more than 1 million «shooting» sentences for 1921–1955 (2,5% to total number, and to subjected to repression for «counterrevolutionary crimes» – not less than 15%) [137].

But, perhaps, the statistics on those in imprisonment is the most impressive. In 1912 in tsarist prisons and on penal servitude there were less than 185 000 people (or about 120 per 100 thousand population). In Soviet period we

see the following picture: 1924 – about 200 thousand prisoners (approximately 130 per 100 thousand population); 1934 – 750 thousand (more than 440); 1941–2300 thousand (about 1200); 1951 – more than 2500 thousand prisoners (more than 1250 per 100 thousand population). That is we observe growth of number of prisoners for 40 years (from 1912 to 1951) more than 13 times, and on a relative indicator – almost 10 times! If we add to the Soviet indicators number of people kept in special settlements and being in other «places of obligatory residing», that is in conditions of non-freedom, then all above figures should be doubled [138; 139].

Carrying out the policy of «artificial criminalization» in the country, Stalin's management gave birth to one more social phenomenon – symbiosis of professional criminality and law and order bodies.

Speaking about Gulag heritage, there should be mentioned its influence on national demographic situation. Some researchers confirm that «contrary to popular view», the share of the deceased in the Stalin-Soviet places of imprisonment «seldom exceeded 2–3% from total death rate in the country and did not make essential influence on demographic picture as a whole» [140].

But, first, reliability and objectivity of official Soviet statistics (especially – statistics of Gulag, and even more – the death rate statistics) cause serious doubts. Besides, if to speak about demographic situation, it is necessary to consider the number of deaths after releasing from camps and colonies – as a result of loss of health there, number of invalids and chronically sick, written off by Gulag because of «uselessness», and number of non-born children (which could be born if not condemnation term, death, illness of their potential fathers and mothers), and quantity of children who have grown without subjected to repression parents, and number of not taken place or destroyed marriages, and many other not less important consequences of existence of Gulag [141].

At last it is necessary to mention the influence of existence of Gulag on culture, language and generally – on morals of the Soviet, and nowadays – Russian society. Undoubtedly, today we face with problems of moral overcoming of Gulag heritage, that is quite possible to designate as «moral degulagization» of all domestic society. In Gulag there was formed the original complex of norms of behavior inherent not only to dependent, but, to a certain degree, to civilian workers – after all both these parts of the camp population lived in original symbiosis. Voluntarily or involuntarily, everyone who had some relation to zone (prisoner or «political», security guard or supervisor, instructor or engineer) became impregnated with «camp ethics».

At the heart of this behavioural complex lies the philosophy of the criminal world which has most successfully adapted to life in bondage. Short characteristics of this camp phenomenon is as follows: disgust for work; mismanagement;

indifference, daily fraud (distortions, hack-work, «tufta», mutual and all-round deceit); cynicism; suspiciousness and animosity to any initiative; intolerance to any displays of human dignity; zoological egoism; brute force cult.

All these elements of «Gulag behavioral complex» have filtered in due course into the Soviet reality, became (along with semi-official and pharisaic «moral code of builders of Communism») its integral components – in everyday life and in labour activity of millions of people.

After all the intra- and extracamp Soviet society is the single whole created by the same «sculptors», on a uniform plan, from the same human material.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Brzezinski Z.* The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1956. P. 1.
2. *Dallin A., Breslauer G.* Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 4.
3. *Dallin D., Nikolaevsky B.* Forced Labour in Soviet Russia. New Haven, 1947.
4. *Timasheff N.* The Postwar Population of the Soviet Union // The American Journal of Sociology. 1948. V. 54. No. 2. P. 150.
5. US State Department. A Red Paper on Forced Labour. Washington, 1952. Книга была также опубликована под названием Forced Labour in the Soviet Union. Washington, 1952.
6. US State Department. A Red Paper on Forced Labour. Washington, 1952. P. 4.
7. NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report № 8353. Current Penal Policy in the USSR. 1960. October 3. P. 2.
8. *Wool A.* Working Memorandum on Statistics of Population, Labour Force and Employment in the Soviet Union. New York, 1959. P. 11, 102.
9. *Swianiewicz S.* Forced Labour and Economic Development: an Enquiry into Experience of Soviet Industrialization. London, New York, 1965. P. 292.
10. *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. New York, 1968. P. 702.
11. *Rosefelde S.* An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labour 1929–56 // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. № 1. P. 51–87; *Wheatcroft S.* On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929–56 // Ibid. № 2. P. 265–295.
12. *Rosefelde S.* Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. № 3. P. 385–409.
13. *Rosefelde S.* Excess Collectivization Deaths 1929–1933: New Demographic Evidence // Slavic Review. 1984. Vol. 43. Is. 1. P. 88.
14. *Wheatcroft S.* New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths: Yet Another Kluiikva from Steven Rosefelde // Slavic Review. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 508.
15. *Andersen B., Silver B.* Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR // Slavic Review. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 517–536; *Andersen B., Silver B.* Tautologies in the Study of Excess Mortality in the USSR in the 1930s // Ibid. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 307–313.
16. *Conquest R.* Academe and the Soviet myth // The National Interest. 1993. Vol. 3. Is. 22.
17. *Conquest R.* To the Editor // Slavic Review. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 295–298.
18. *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. New York, 1990. P. 486.
19. Ibid. P. 3.
20. *Nove A.* How Many Victims in the 1930s? // Soviet Studies. 1990. Vol. 42. № 2. P. 369–373; *Nove A.* How Many Victims in the 1930s?-II // Ibid. 1990. Vol. 42. № 4. P. 811–815; *Ellman M.* A Note on the Number of 1933 Famine Victims // Ibid. 1991. Vol. 43. № 2. P. 375–382.
21. Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York, 1993. P. 261, 275.

22. *Getty A., Rittersporn G., Zemskov V.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. Is. 4. P. 1021.
23. *Getty A., Rittersporn G.* The Authors Reply // *American Historical Review*. 1994. Vol. 99. Is. 3. P. 1041.
24. *Земсков В.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. 1991. № 6. С. 10.
25. *Максудов С.* Потери населения СССР. Нью-Йорк, 1989; *Максудов С.* Потери населения СССР в годы коллективизации // *Звенья: Исторический альманах*. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 65–112.
26. *Земсков В.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // *Социологические исследования*. 1995. № 3. С. 114–127.
27. *Земсков В.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. 1991. № 7. С. 15.
28. *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge; New York, 1993.
29. *Benvenuti F.* Reviews the book «Stalinist Terror. New Perspectives» // *Europe – Asia Studies* 1994. Vol. 46. Is. 3. P. 548–551.
30. *Filtzer D.* Review «Stalinist Terror» // *Social History*. 1994. Vol. 19. № 3. P. 421–424.
31. *Conquest R.* Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
32. *Conquest R.* Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
33. *Wheatcroft S.* Review // *Europe – Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 7. P. 1257.
34. *Rosefelde S.* Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killing, Forced Labour and Economic Growth in the 1930s // *Europe – Asia Studies*. 1996. Vol. 46. Is. 6. P. 959–1258; *Rosefelde S.* Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into Scale of Killing in the USSR During 1930s // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. Vol. 30. № 3. P. 321–331.
35. *Wheatcroft S.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 // *Europe – Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 8. P. 1319–1354; *Wheatcroft S.* Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data – Not the Last Word // *Europe – Asia Studies*. 1999. Vol. 51. Is. 2. P. 315–345.
36. *Hough J., Fainsod M.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge, 1979. P. 176–177.
37. *Rummel R.* Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917. New Brunswick, 1990. P. 6.
38. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996.
39. *Lauber J. C.* I.S. History: Review of New Books. 1996. Vol. 25. Is. 1. P. 35.
40. *Boterbloem K.* Reviews the book «Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941» by Robert Thurston // *Canadian Journal of History* 1997. Vol. 32. Is. 2. P. 274–275.
41. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996, P. XVII – XXI.
42. *Ibid.* P. 57–58.

43. *Burbank J.* Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society // *Politics & Society*. 1991. Vol. 19. Is. 3. P. 337.
44. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996, P. 90–91, 98, 136.
45. *Ibid.* P. 232–233.
46. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996, P. 105.
47. *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge; New York, 1997. P. 113.
48. *Conquest R.* Review the book «Life and Terror in Stalin's Russia» by R. Thurston // *National Review*. 1996. Vol. 48. Is. 13. P. 45–49.
49. *Fairbanks C.* Reviews two books about Josef Stalin: «Stalin: Breaker of Nations» by Robert Conquest and «The Great Terror: A Reassessment» by Robert Conquest // *National Review*. 1992. Vol. 44. Is. 3. P. 45–49.
50. *Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А.* Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 222 с.
51. *Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И.* Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015.
52. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 28.
53. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 123–125, 200–202.
54. *Иорданишвили Е.К.* Вольнонаемные рабочие в эпоху исследования и освоения Севера и Северо-Востока СССР в 20–70-е гг. XX в. // *Клио*. Санкт-Петербург. 2006. № 4. С. 172–175.
55. *Хлевнюк О.В.* Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // *ГУЛАГ: Экономика принудительного труда*. М., 2008. С. 69.
56. Покаяние. Мартиролог / Науч. ред. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Сыктывкар, 1999. Т. 2. С. 156–157.
57. *Волков О.В.* Погружение во тьму. М., 1989. С. 257.
58. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 659.
59. *Разгон Л.* Непридуманное // *Юность*. 1989. № 2. С. 40.
60. ГУЛАГ // *Википедия – свободная энциклопедия*. – Интернет-ресурс.
61. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 30.
62. *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года // *Сталин И.В. Вопросы ленинизма*. М., 1947. С. 329.
63. *Шпотов Б.М.* Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929–1931 гг. // *Экономическая история*. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 191–232.

64. Хантер Х. Если бы не коллективизация... Советское сельское хозяйство в годы 1928–40 // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1985. № 136. С. 248–253.
65. Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development. – Hoover Institution Press, Stanford University, Stanford, Calif. 1968–1971. Vol. 1–2.
66. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 31; Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 71.
67. Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 103, 130.
68. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 31.
69. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 45.
70. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 31.
71. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 45.
72. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. С. 72.
73. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. С. 71.
74. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 гг. М., 2000. С. 275.
75. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 56–61.
76. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 281.
77. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 32.
78. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 167.
79. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 2001. С. 303–306.
80. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.428. Л. 10.
81. РГАЭ. Ф.1562. Оп.41. Д.52. Л. 24.
82. История сталинского Гулага. Т. 3: Экономика Гулага. М., 2004. С. 34.
83. История сталинского Гулага. Т. 3: Экономика Гулага. М., 2004. С. 441–443.
84. Шрейдер М.П. НКВД изнутри: записки чекиста. М., 1995.
85. История сталинского Гулага. Т. 3: Экономика Гулага. С. 584; Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000. С. 130–131.
86. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 25, 31.
87. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 727.
88. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 33.
89. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 133.
90. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 49–51.
91. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 35, 54.
92. Иорданишвили Е.К. Указ. соч. С. 175.
93. История сталинского Гулага. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. М., 2004. С. 166.
94. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 116.

95. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6–7.
96. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 76–77.
97. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 76–77.
98. *Бердинских В.А.* История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001. С. 183–184.
99. *Адамова-Слиозберг О.* Путь. М., 1993.
100. История сталинского Гулага. М., 2004. Т. 3: Экономика Гулага. С. 50, 396–397.
101. История сталинского Гулага. М., 2004. Т. 3: Экономика Гулага. С. 50.
102. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 84.
103. *Нержин Г.* ГУЛАГ: Экономика принудительного труда // Эхо Москвы. 2008. 21 октября // <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/546702-echo.phtml>.
104. *Бердинских В.А.* История одного лагеря (Вятлаг). С. 134.
105. *Разгон Л.* Непридуманное. С. 34.
106. *Широков А.И.* Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 103, 130.
107. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 54.
108. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 54.
109. История сталинского Гулага. Т. 3: Экономика Гулага. С. 482–484, 590.
110. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 85.
111. *Бердинских В.А.* История одного лагеря (Вятлаг). С. 131.
112. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М. – СПб., 1998. С. 38.
113. Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 171.
114. История сталинского Гулага. Т. 3: Экономика Гулага. С. 52.
115. *Орлов Б.П.* Развитие транспорта СССР. 1917–1962. М., 1963. С. 198–200.
116. *Килин Ю.* Карелия в политике Советского государства. 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 122–127.
117. *Еланцева О.П.* БАМ: Первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89–103.
118. Регион БАМ: Концепция развития на новом этапе. Новосибирск, 1996. С. 9.
119. *Еланцева О.П.* БАМ: Первое десятилетие. С. 102.
120. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 182–184.
121. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 370–371.
122. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 789.
123. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 г. до наших дней. В 3-х кн. М., 1995. Кн.2. С. 23(515).
124. *Носик Б.* По Руси Ярославской. М., 1968. С. 164–178.
125. *Королев М.Г., Краснова С.А.* Экологические проблемы развития и функционирования лесопромышленного комплекса Кировской области // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1999. С. 262–264.

126. *Чуприяновская Т.А.* История ГУЛАГа: проблемы природопользования (на примере Коми АССР в 1930–1950-е гг.) // Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 2001. С. 138–140.
127. *Максимова Л.А.* ГУЛАГ и отношение к природе (на примере Республики Коми) // Финно-угорский мир: состояние природы и региональная стратегия защиты окружающей среды. Сыктывкар, 1998. С. 116.
128. *Рылов А.* Закрытая зона (Записки редактора) // Трудовой вымпел (г. Киров). 1991. № 13–17.
129. *Богомолова О.* Край суровый... тлением объят // Вятский край. 1997. 4 декабря.
130. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 55.
131. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 55–56.
132. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 1–5, 8–9; Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–203.
133. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 431–434.
134. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. М., 2000. Т. 1. С. 76–77.
135. История сталинского Гулага. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. С. 606, 609–610.
136. История сталинского Гулага. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. С. 606, 608–612.
137. История сталинского Гулага. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. С. 607, 608–612.
138. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 60. Л. 2, 13–14; Ф. Р-5446. Оп. 11. Д. 1310. Л. 15, 32; Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 55; Д. 1259. Л. 38; Д. 1307. Л. 1; Д. 1356. Л. 1–5; Д. 206. Л. 54–61; Д. 258. Л. 6–9.
139. История сталинского Гулага. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. С. 33–41.
140. История сталинского Гулага. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. С. 56.
141. История сталинского Гулага. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. С. 56.

REFERENCES

1. *Brzezinski Z.* The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1956. P. 1.
2. *Dallin A., Breslauer G.* Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 4.
3. *Dallin D., Nikolaevsky B.* Forced Labour in Soviet Russia. New Haven, 1947.
4. *Timasheff N.* The Postwar Population of the Soviet Union // The American Journal of Sociology. 1948. V. 54. No. 2. P. 150.
5. US State Department. A Red Paper on Forced Labour. Washington, 1952. The book also has been published under name Forced Labour in the Soviet Union. Washington, 1952.
6. US State Department. A Red Paper on Forced Labour. Washington, 1952. P. 4.
7. NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report № 8353. Current Penal Policy in the USSR. 1960. October 3. P. 2.
8. *Wool A.* Working Memorandum on Statistics of Population, Labour Force and Employment in the Soviet Union. New York, 1959. P. 11, 102.
9. *Swianiewicz S.* Forced Labour and Economic Development: an Enquiry into Experience of Soviet Industrialization. London, New York, 1965. P. 292.
10. *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. New York, 1968. P. 702.
11. *Rosefelde S.* An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labour 1929–56 // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. № 1. P. 51–87; *Wheatcroft S.* On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929–56 // Ibid. № 2. P. 265–295.
12. *Rosefelde S.* Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. № 3. P. 385–409.
13. *Rosefelde S.* Excess Collectivization Deaths 1929–1933: New Demographic Evidence // Slavic Review. 1984. Vol. 43. Is. 1. P. 88.
14. *Wheatcroft S.* New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths: Yet Another Kluiukva from Steven Rosefelde // Slavic Review. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 508.
15. *Andersen B., Silver B.* Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR // Slavic Review. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 517–536; *Andersen B., Silver B.* Tautologies in the Study of Excess Mortality in the USSR in the 1930s // Ibid. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 307–313.
16. *Conquest R.* Academe and the Soviet myth // The National Interest. 1993. Vol. 3. Is. 22.
17. *Conquest R.* To the Editor // Slavic Review. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 295–298.
18. *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. New York, 1990. P. 486.
19. Ibid. P. 3.
20. *Nove A.* How Many Victims in the 1930s? // Soviet Studies. 1990. Vol. 42. № 2. P. 369–373; *Nove A.* How Many Victims in the 1930s?-II // Ibid. 1990. Vol. 42. № 4. P. 811–815; *Ellman M.* A Note on the Number of 1933 Famine Victims // Ibid. 1991. Vol. 43. № 2. P. 375–382.
21. Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York, 1993. P. 261, 275.

22. *Getty A., Rittersporn G.*, V. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. Is. 4. P. 1021.
23. *Getty A., Rittersporn G.* The Authors Reply // *American Historical Review*. 1994. Vol. 99. Is. 3. P. 1041.
24. *Zemskov V.* Gulag (historical-sociological aspect) // *Sociological researches*. 1991. № 6. P. 10. (in Russian)
25. *Maksudov S.* Losses of the population of the USSR. New York, 1989; *Maksudov S.* Losses of the population of the USSR in days of collectivization // *Links: Historical almanac*. Issue 1. Moscow: Progress, 1991. P. 65–112. (in Russian)
26. *Zemskov V.K.* To the problem of scales of repressions in the USSR // *Sociological researches*. 1995. № 3. P. 114–127. (in Russian)
27. *Zemskov V.* Gulag (historical-sociological aspect) // *Sociological researches*. 1991. № 7. P. 15. (in Russian)
28. *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge; New York, 1993.
29. *Benvenuti F.* Reviews the book «Stalinist Terror. New Perspectives» // *Europe-Asia Studies* 1994. Vol. 46. Is. 3. P. 548–551.
30. *Filtzer D.* Review «Stalinist Terror» // *Social History*. 1994. Vol. 19. № 3. P. 421–424.
31. *Conquest R.* Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
32. *Conquest R.* Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
33. *Wheatcroft S.* Review // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 7. P. 1257.
34. *Rosefelde S.* Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killing, Forced Labour and Economic Growth in the 1930s // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 46. Is. 6. P. 959–1258; *Rosefelde S.* Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into Scale of Killing in the USSR During 1930s // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. Vol. 30. № 3. P. 321–331.
35. *Wheatcroft S.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 8. P. 1319–1354; *Wheatcroft S.* Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data – Not the Last Word // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. Is. 2. P. 315–345.
36. *Hough J., Fainsod M.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge, 1979. P. 176–177.
37. *Rummel R.* Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917. New Brunswick, 1990. P. 6.
38. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996.
39. *Lauber J.* C I.S. History: Review of New Books. 1996. Vol. 25. Is. 1. P. 35.
40. *Boterbloem K.* Reviews the book «Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941» by Robert Thurston // *Canadian Journal of History* 1997. Vol. 32. Is. 2. P. 274–275.
41. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996, P. XVII–XXI.
42. *Ibid.* P. 57–58.

43. *Burbank J.* Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society // Politics AND Society. 1991. Vol. 19. Is. 3. P. 337.
44. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996, P. 90–91, 98, 136.
45. *Ibid.* P. 232–233.
46. *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996, P. 105.
47. *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge; New York, 1997. P. 113.
48. *Conquest R.* Review the book «Life and Terror in Stalin's Russia» by R. Thurston // National Review. 1996. Vol. 48. Is. 13. P. 45–49.
49. *Fairbanks C.* Reviews two books about Josef Stalin: «Stalin: Breaker of Nations» by Robert Conquest and «The Great Terror: A Reassessment» by Robert Conquest // National Review. 1992. Vol. 44. Is. 3. P. 45–49.
50. *Men'kovskiy V.I., Ul' K, Shabasova M.A.* The Soviet Union in the 1930-s in the English-language historiography / Sci. Ed. I.L. Zherebtsov. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2013. 222 p. (in Russian)
51. *Berdinskikh V.A., Berdinskikh I.V., Verem'ev V.I.* System of special settlements in the Soviet Union 1930–1950 / Sci. Ed. I.L. Zherebtsov. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2015. (in Russian)
52. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow-St.Petersburg, 1998. P. 28. (in Russian)
53. *Zemskov V.N.* Special settlers in the USSR. 1930–1960. Moscow, 2003. P. 123–125, 200–202. (in Russian)
54. *Jordanishvili E.K.* Civilian workers in the eposée of research and development of the North and Northeast of the USSR in the 1920–1970-s of XX century // Klio. St.Petersburg, 2006. № 4. P. 172–175. (in Russian)
55. *Khlevnyuk O.V.* Economy of OGPU-NKVD-MVD (Chief Political Administration-People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs) of the USSR in 1930–1953: scales, structure, development tendencies // Gulag: Forced labour economy. Moscow, 2008. P. 69. (in Russian)
56. Confession. Martyrology / Sci. Ed. Zherebtsov I.L., Rogachev M.B. Syktyvkar, 1999. Vol. 2. P. 156–157. (in Russian)
57. *Volkov O.V.* Dive into the darkness. Moscow, 1989. P. 257. (in Russian)
58. History of Stalin Gulag. The end of the 1920-s – first half of the 1950-s: Collected documents in 7 vol. Vol. 2: Retaliatory system: structure and cadres. Moscow, 2004. P. 659. (in Russian)
59. *Razgon L.* Not thought up // Youth. 1989. № 2. P. 40. (in Russian)
60. Gulag // Vikipediya – free encyclopaedia. – Internet resource. (in Russian)
61. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow – St.Petersburg, 1998. P. 30. (in Russian)
62. *Stalin I.V.* On the problems of economic managers. Speech at the first All-Union conference of workers of the socialist industry, February 4, 1931 // Stalin I.V. Problems of Leninism. Moscow, 1947. P. 329. (in Russian)

63. *Shpotov B.M.* Businessmen and bureaucrats: the American technical aid in building of the Nizhny Novgorod car factory, 1929–1931 // Economic history: Yearbook. 2002. Moscow, 2003. P. 191–232. (in Russian)
64. *Khanter Kh.* If not collectivization ... the Soviet agriculture in 1928–1940 // Faces (Frankfurt am Main). 1985. № 136. P. 248–253. (in Russian)
65. *Sutton A.* Western Technology and Soviet Economic Development. – Hoover Institution Press, Stanford University, Stanford, Calif. 1968–1971. Vol.1–2.
66. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow-St.Petersburg, 1998. P. 31; Khlevnyuk O.V. Index of works. P. 71. (in Russian)
67. *Shirokov A.I.* Dal'stroi: background and the first decade. Magadan, 2000. P. 103, 130. (in Russian)
68. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow-St.Petersburg, 1998. P. 31. (in Russian)
69. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 45. (in Russian)
70. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow-St.Petersburg, 1998. P. 31. (in Russian)
71. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 45. (in Russian)
72. *Khlevnyuk O.V.* Economy of OGPU-NKVD-MVD (Chief Political Administration-People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs) of the USSR in 1930–1953: scales, structure, development tendencies. P. 72. (in Russian)
73. *Khlevnyuk O.V.* Economy of OGPU-NKVD-MVD (Chief Political Administration-People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs) of the USSR in 1930–1953: scales, structure, development tendencies. P. 71. (in Russian)
74. Gulag: Central administrative board of camps. 1918–1960 Moscow, 2000. P. 275. (in Russian)
75. State Archive of Russian Federation (GARF). F. P-9414. Op. 1. D. 330. L. 56–61. (in Russian)
76. Gulag: Central administrative board of camps. P. 281. (in Russian)
77. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow – St.Petersburg, 1998. P. 32. (in Russian)
78. *Zemskov V.N.* Special settlers in the USSR. 1930–1960. Moscow, 2003. P. 167 (in Russian).
79. The black book of Communism. Crimes, terror, repressions. Moscow, 2001. P. 303–306. (in Russian)
80. State Archive of the Russian Federation. F.P-9401. Op.2. D.428. L.10. (in Russian)
81. Russian State Economy Archive. F.1562. Op.41. D.52. L.24. (in Russian)
82. History of Stalin Gulag. Vol.3: Economy of Gulag. Moscow, 2004. P. 34. (in Russian)
83. History of Stalin Gulag. Vol.3: Economy of Gulag. Moscow, 2004. P. 441–443. (in Russian)
84. *Shreider M.P.* People's Commissariat of Internal Affairs from within: notes of the security officer. Moscow, 1995. (in Russian)

85. History of Stalin Gulag. Vol.3: Economy of Gulag. P. 584; Bystrova I.V. Military-industrial complex of the USSR in days of cold war (second half of the 1940-s – beginning of the 1960-s). Moscow, 2000. P. 130–131; (in Russian)
86. State Archive of the Russian Federation. F. P-9414. Op. 1. D. 326. L. 25, 31. (in Russian)
87. Gulag: Central administrative board of camps. P. 727. (in Russian)
88. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow – St.Petersburg, 1998. P. 33. (in Russian)
89. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow – St.Petersburg, 1998. P. 133. (in Russian)
90. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 49–51. (in Russian)
91. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 35, 54. (in Russian)
92. *Iordanishvili E.K.* Index of works. P. 175. (in Russian)
93. History of Stalin Gulag. Vol.4: The population of Gulag: number and maintenance conditions. Moscow, 2004. P. 166. (in Russian)
94. Gulag: Central administrative board of camps. P. 116. (in Russian)
95. *Zemskov V.N.* Gulag (historical-sociological aspect) // Sociological researches. 1991. № 6–7. (in Russian)
96. Gulag: Forced labour economy. P. 76–77. (in Russian)
97. Gulag: Forced labour economy. P. 76–77. (in Russian)
98. *Berdinskikh V.A.* History of one camp (Vyatlag). Moscow, 2001. P. 183–184. (in Russian)
99. *Adamova-Sliozberg O.* Way. Moscow, 1993. (in Russian)
100. History of Stalin Gulag. Vol.3: Economy of Gulag. Moscow, 2004. P. 50, 396–397. (in Russian)
101. History of Stalin Gulag. Vol.3: Economy of Gulag. Moscow, 2004. P. 50. (in Russian)
102. Gulag: Forced labour economy. P. 84. (in Russian)
103. *Nerzhin G.* Gulag: Forced labour economy // Echo of Moscow. 2008. October 21 // <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/546702-echo.phtml>. (in Russian)
104. *Berdinskikh V.A.* History of one camp (Vyatlag). P. 134. (in Russian)
105. *Razgon L.* Not thought up. P. 34. (in Russian)
106. *Shirokov A.I.* Dal'stroi: background and the first decade. Magadan, 2000. P. 103, 130. (in Russian)
107. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 54. (in Russian)
108. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 54. (in Russian)
109. History of Stalin Gulag. Vol.3: Economy of Gulag. P. 482–484, 590. (in Russian)
110. Gulag: Forced labour economy. P. 85. (in Russian)
111. *Berdinskikh V.A.* History of one camp (Vyatlag). P. 131. (in Russian)

112. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Moscow – St.Petersburg, 1998. P. 38. (in Russian)
113. The population of Russia in XX century. Historical sketches. Vol.2. Moscow, 2001. P. 171. (in Russian)
114. History of Stalin Gulag. Vol.3: Economy of Gulag. P. 52. (in Russian)
115. *Orlov B.P.* Development of transport of the USSR. 1917–1962. Moscow, 1963. P. 198–200. (in Russian)
116. *Kilin Yu.* Karelia in the policy of the Soviet state. 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. P. 122–127. (in Russian)
117. *Elantseva O.P.* BAM: the first decade // Russian history. 1994. № 6. P. 89–103. (in Russian)
118. BAM region: the development concept at a new stage. Novosibirsk, 1996. P. 9. (in Russian)
119. *Elantseva O.P.* BAM: the first decade. P. 102. (in Russian)
120. Gulag: Central administrative board of camps. P. 182–184. (in Russian)
121. System of labour camps in the USSR. 1923–1960: directory. Moscow, 1998. P. 370–371. (in Russian)
122. Gulag: Central administrative board of camps. P. 789. (in Russian)
123. Geller M., Nekrich A. Utopia in power: history of the Soviet Union since 1917 up to now. In 3 books. Moscow, 1995. Book 2. P. 23 (515). (in Russian)
124. *Nosik B.* Along Yaroslavl Rus'. Moscow, 1968. P. 164–178. (in Russian)
125. *Korolev M.G., Krasnov S.A.* Environmental problems of development and functioning of a timber industry complex of the Kirov region // Vyatka territory in the past and the present. Kirov, 1999. P. 262–264. (in Russian)
126. *Chupriyanovskaya T.A.* History of Gulag: nature management problems (on example of the Komi ASSR in the 1930–1950-s) // Political repressions in Russia. XX century. Syktyvkar, 2001. P. 138–140. (in Russian)
127. *Maksimova L.A.* Gulag and relation to the nature (on the Komi Republic example) // The Finno-Ugric world: the state of nature and regional strategy of protection of environment. Syktyvkar, 1998. P. 116. (in Russian)
128. *Rylov A.* Restricted area (Editor's notes) // Labour pennant (Kirov). 1991. № 13–17 (in Russian)
129. *Bogomolova O.* The land of harsh ... on decay // Vyatka region. 1997. December 4. (in Russian)
130. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 55. (in Russian)
131. Gulag: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main – Moscow, 1999. P. 55–56. (in Russian)
132. State Archive of the Russian Federation. F. P-7523. Op.89. D.4408. L. 1–5, 8–9; F. P-9401. Op. 1. D. 4157. L. 201–203 (in Russian)
133. Gulag: Central administrative board of camps. P. 431–434. (in Russian)
134. Rehabilitation: how it was. Documents of the Presidium of the CPSU Central Committee and other materials. In 3 volumes. Vol.1. Moscow. 2000. P. 76–77. (in Russian)
135. History of Stalin Gulag. Vol. 1: Mass repressions in the USSR. P. 606, 609–610. (in Russian)

136. History of Stalin Gulag. Vol. 1: Mass repressions in the USSR. P. 606, 608–612. (in Russian)

137. History of Stalin Gulag. Vol. 1: Mass repressions in the USSR. P. 607, 608–612 (in Russian)

138. State Archive of the Russian Federation. F. A-353. Op. 10. D. 60. L. 2, 13–14; F. P-5446. Op. 11. D. 1310. L. 15, 32; F. P-9414. Op.1. D. 330. L. 55; D. 1259. L. 38; D. 1307. L. 1; D. 1356. L. 154–61; D. 258. L. 6–9. (in Russian)

139. History of Stalin Gulag. Vol. 4: Population of Gulag: number and maintenance conditions. P. 33–41. (in Russian)

140. History of Stalin Gulag. Vol. 4: Population of Gulag: number and maintenance conditions. P. 56. (in Russian)

141. History of Stalin Gulag. Vol. 4: Population of Gulag: number and maintenance conditions. P. 56. (in Russian)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

В последние годы внимание историков во все большей и большей степени обращается к проблемам советской истории, которые продолжают оставаться актуальными как для академической среды, так и для общества в целом. Несомненно, в круг этих проблем входит и история сталинизма в различных его измерениях и составляющих. Объективный анализ исторического опыта сталинского периода советской истории вновь приобретает общегражданское значение.

Исследователи Республики Коми в течение длительного времени исследуют историю политических репрессий в России, на ее Европейском Севере. Разумеется, в различные периоды времени изучение этой проблематики осуществлялось по-разному, ибо вполне понятно, что при советской системе такие темы, как, например, «красный террор» эпохи революции и Гражданской войны, политссылка советской эпохи, история лагерей и многие другие находились под запретом. Историки имели возможность анализировать «белый террор», политическую ссылку эпохи самодержавия, «борьбу с кулаками и подкулачниками» времен коллективизации, но все исследования проводились в жестко очерченных идеологических рамках, стеснявших свободу научного творчества исследователей и затруднявших возможности проведения ими объективного анализа исторических событий. Многие содержащиеся в работах названных авторов выводы в значительной мере не соответствуют современным научным представлениям. Тем не менее и в тех условиях ученым удалось собрать чрезвычайно ценный фактический материал, часть которого (увы, далеко не весь) им удалось ввести в научный оборот. Сведения, опубликованные в монографиях и сборниках документов, по сей день сохраняют свою научную ценность и востребованы [69].

Только на рубеже 1980–1990-х гг. стало возможным более свободно изучать истории политических репрессий – первоначально на уровне исследований биографий отдельных личностей, подвергавшихся репрессиям [4; 8; 58]. Значительную роль сыграло, в частности, обращение исследователей к истории развития науки, и, прежде всего, науки гуманитарной [33; 64]. Многие из стоявших у истоков создания научных обществ (в первую очередь назовем Общество изучения Коми края [55; 81]) и учреждений в Коми регионе были репрессированы [56; 57; 77; 80]. Развитие историко-демографических исследований в конце 1980-х – 1990-х гг. [9; 10; 11; 12]

также стало важным шагом к изучению истории репрессий и, в первую очередь, принудительных переселений огромных масс людей в спецпоселения и исправительно-трудовые лагеря. В данной статье мы подробно не рассматриваем этот сюжет, поскольку есть специальные публикации по данной теме [13–17].

В середине 1990-х гг. уже можно было изучить все аспекты истории политических репрессий, поскольку ученым впервые представилась возможность работать с ранее секретными архивными фондами. Появился ряд публикаций, вызвавших общественный резонанс [18–20; 70]. Огромное значение имели принятие в Республике Коми программы «Покаяние» и создание благотворительного общественного фонда жертв массовых политических репрессий «Покаяние», а также деятельность общества «Мемориал». В издающемся с 1998 г. многотомном мартирологе «Покаяние», материалах ряда научных конференций [5; 6; 46–48; 62], в публикациях Н.А. Морозова, М.Б. Рогачева, Г.Ф. Доброноженко, В.М. Полещикова, М.В. Таскаева, Л.А. Максимовой, Н.М. Игнатовой, И.Л. Жеребцова [21–26; 34–36; 71–74] и многих других авторов проанализированы закрытые ранее темы, пересмотрены многие прежние выводы и обобщения, введен в научный оборот огромный фактический материал.

Сыктывкар не случайно стал одним из ведущих российских научных центров изучения истории ГУЛАГа и истории политических репрессий. В годы сталинизма через территорию Коми прошли более 100 тыс. ссыльных и спецпоселенцев и не менее одного миллиона заключенных, осужденных по политическим статьям. Их подневольным трудом строились северные города, железные дороги, угольные шахты и нефтепромыслы, велись лесозаготовки [27]. Как отмечал в интервью белорусскому научному журналу «Российские и славянские исследования» директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН И.Л. Жеребцов [40], расположенная на крайнем Северо-Востоке Европы, в уголке между Северным Ледовитым океаном и Уральскими горами, Республика Коми весьма обширна (на ее территории могли бы разместиться две Республики Беларусь), щедро наделена природными богатствами (нефть, газ, уголь, лес, бокситы, титан, марганец и проч., не говоря уже о грибах-ягодах, рыбе, оленине...) и, увы, мало населена – здесь осталось меньше 900 тысяч жителей, 250 тысяч из которых живут в столице, г. Сыктывкаре [61; 78]. Имя многонациональной республики, в которой живут русские, белорусы, украинцы, немцы, татары и многие другие, дал народ коми, составляющий почти четверть населения и принадлежащий к финно-угорской семье, имеющий тысячелетнюю историю и обладающий богатейшей оригинальной духовной и материальной культурой [28–30; 50; 68; 82]. На-

ряду с промышленными предприятиями и объектами республика гордится своими театрами, вузами, научными учреждениями и прежде всего Коми научным центром Уральского отделения Российской академии наук, в составе которого шесть институтов и несколько самостоятельных научных отделов и лабораторий, и сотрудники которого почитают за честь заниматься изучением неисчерпаемых природных и историко-культурных богатств края и живущих здесь людей [27; 40; 54].

В 1998 г. был создан Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние». Задачами Фонда являются общественный контроль за выполнением Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»; организация и проведение поисковых работ для составления поименных списков жертв политических репрессий и издание многотомного республиканского мартиролога «Покаяние»; участие в обозначении памятными знаками на территории Республики Коми мест компактного проживания и массовых захоронений политических репрессированных; участие в сооружении в г. Сыктывкаре, в других городах и районах республики памятников жертвам политических репрессий; материальная поддержка жертв политических репрессий.

Фонд «Покаяние» и ИЯЛИ Коми научный центр УрО РАН приняли участие в подготовке и проведении целого ряда региональных и республиканских научных конференций и симпозиумов. Конференции проводились совместно с Министерством культуры и национальной политики РК, Сыктывкарским государственным университетом, Коми республиканской академией государственной службы и управления при Главе РК, Национальным музеем РК, Обществом изучения Коми края, Сыктывкарской общественной организацией «Мемориал».

В 2007 г. организация научных конференций вышла на качественно новый уровень – всероссийский с международным участием. Как отмечал депутат Государственной думы Российской Федерации Ю.А. Спиридонов, «этим вниманием к сыктывкарской конференции мы во многом обязаны той плодотворной деятельности, которая в течение нескольких лет осуществляется в нашей республике в рамках республиканской программы памяти жертв политических репрессий «Покаяние», одним из наиболее зримых результатов которой можно назвать многотомный мартиролог жертв политических репрессий «Покаяние»... Над этим изданием совместно трудились и трудятся работники Фонда «Покаяние», ученые Коми научного центра и Сыктывкарского государственного университета, активисты «Мемориала», краеведы. Только благодаря такому дружному сотрудничеству во имя благородной цели удалось добиться того, что наш мартиролог «Покаяние» стал уникальным явлением, достойным примером

для подражания. На его страницах соединились в одно целое беспристрастность ученого, любовь патриота к своей родной земле и простое, но такое нужное человеческое сопереживание».

Во Всероссийской научной конференции «Репрессивная политика и сопротивление несвободе» 29–31 октября 2007 г. приняли участие ученые-историки, правозащитники, священнослужители, работники органов власти. С научными докладами на пленарном заседании выступили известные исследователи репрессивной политики доктор исторических наук, профессор Н.А. Ивницкий (Москва), доктор философии Н. Войтович (Варшава). На конференции рассматривались в региональном и межрегиональном ракурсах проблемы противостояния власти и общества в XIX – начале XX в., формирования репрессивной политики тоталитарного государства 1917–1920-х гг., государственный террор в 1930 – начале 1950-х гг., сопротивление населения репрессиям, положение и судьбы репрессированных, диссидентское движение 1960–1980-х гг., эволюция взаимоотношений населения и власти в новой России.

26–30 октября 2009 г. в Республике Коми прошли мероприятия, посвященные Дню памяти жертв политических репрессий. Ключевым событием стала **Всероссийская научная конференция с международным участием «ГУЛАГ на Севере России»**, посвященная 80-летию создания первых лагерей на Европейском Северо-Востоке. Организаторами научного форума стали Коми республиканский благотворительный общественный Фонд жертв политических репрессий «Покаяние», Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Ухтинский госуниверситет. Поддержку мероприятию оказали Правительство и Госсовет Республики, администрация Ухты. Для участия в конференции прибыл епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим.

Конференция прошла в г. Ухта. Выбор места проведения конференции обусловлен тем, что именно с Ухты началась печальная история ГУЛАГа на территории республики. В 1929 г., в устье реки Чибью прибыла первая экспедиция ОГПУ из 125 заключенных, раскулаченных, ссыльных, вольнонаемных работников и охранников. Началось строительство поселка, получившего название Чибью (с 1939 г. – Ухта) [66].

Работа конференции велась по следующим направлениям: политические репрессии против политических противников власти в начале XX в., формирование репрессивной политики государства в 1917–1920-х гг., организация и функционирование первых лагерей, развитие лагерной системы в 1930–1950-е гг. На пленарном заседании, проходившем во Дворце культуры Ухты, были заслушаны доклады д.и.н. В.И. Меньковского (Минск) «История формирования ГУЛАГа в новейшей историографии»,

Т.С. Садыкова (Астана) «Система ГУЛАГа и трагедия Казахстана», к.и.н. А.Н. Кустышева (Ухта) «Организация принудительного труда в Ухтижемлаге (1938–1955 гг.) и ее эффективность», к.и.н. М.В. Таскаева, д.и.н. И.Л. Жеребцова (Сыктывкар) «Политическая ссылка на Европейском Северо-Востоке России в 1901–1928 гг.».

Особый интерес на секционных заседаниях, проходивших в Ухтинском государственном техническом университете, вызвали выступления д.и.н. Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону) «Лишение избирательных прав как форма политических репрессий», д.и.н. А.Б. Коновалова (Кемерово) «Вклад региональной партийной номенклатуры в развитие управления и функционирования лагерной системы», к.и.н. Н.М. Игнатовой (Сыктывкар) «Реализация политики спецпереселенцев в 1930–1950-е гг.», д.и.н. А.К. Гагиевой (Сыктывкар) «Передача систем НКВД архивной отрасли в 1930-е гг.», к.и.н. М.Б. Рогачева «Развитие системы ИТЛ в Коми АССР», Я.Ю. Котельниковой (Ухта) «Изобразительное искусство Ухтпечлага – Устижмлага в фондах Ухтинского историко-краеведческого музея как часть репрессированной культуры».

С 2011 г. конференции Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН вышли на международный уровень. *I Международная научная конференция «История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность»* состоялась в Сыктывкаре 26–29 октября 2011 г. В ее работе приняли участие историки Беларуси, Казахстана, России и Украины. К открытию конференции отдельными брошюрами были изданы пленарные доклады д.и.н. Е.Ф. Кринко «Депортация советских народов в годы Великой Отечественной войны: современная историография» [51] и д.и.н. Т.С. Садыкова «Восстание, потрясшее ГУЛАГ. (Об истории восстания заключенных Степлага)» [65].

II Международная научная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» прошла в Сыктывкаре и Воркуте 15–19 октября 2013 г. Организаторами конференции вновь выступили Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкарский государственный университет при поддержке Правительства Республики Коми, Государственного Совета Республики Коми и администрации МО ГО «Воркута».

Обратим внимание на ключевые положения публикаций, которые стали предметом дальнейших дискуссий участников международной

конференции. В.А. Бердинских отметил коренные недостатки лагерной экономики: повышенную секретность и бесконтрольность; хищническое использование природных ресурсов; отторжение технического прогресса; высокую себестоимость ГУЛАГовской продукции; торможение развития рынка труда и социальной инфраструктуры. Автор делает доказательный вывод о том, что «подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования и существенно сдерживал ее развитие» [2].

В докладе Е.Ф. Кринко и С.А. Кропачева рассматривался институциональный аспект изучения в советской и российской историографии политических репрессий в СССР. Основное внимание было уделено научно-организационным формам и практикам исследования данной темы, усилению роли общественных организаций в формировании исторических знаний о прошлом и новым способам их представлений. Подчеркнуто, что лагеря ГУЛАГа «изначально создавались как органы подавления «классово враждебных» элементов, а отнюдь не как исправительно-трудовые учреждения с воспитательными целями» [52].

О.Л. Рябченко отметила, что студенчество Украины отличалось активной жизненной позицией, вариативностью мышления, собственным взглядом на события, происходившие в 1920–1930-е гг. Исследователь приводит свидетельства высокого протестного потенциала этой категории молодежи, освещает различные формы недовольства политикой режима. Проанализированные материалы позволили сделать вывод о наличии среди студенчества значительного количества несогласных с политикой партии на различных участках хозяйственной жизни и в идеологической сфере. В среде студенчества «постоянно фиксировались разнообразные формы противодействия режиму. Единичные и массовые, анонимные и открытые, они свидетельствуют о том, что центральная власть не оправдывала социальных ожиданий многих молодых людей» [63].

Т.П. Хлынина на примере изучения «Адыгейского дела» рассмотрела процесс рождения конкретных историографических образов. Автор отметила, что современный историк сталкивается с многообразием строительного материала для событий прошлого. Оно включает в себя помимо привычного исторического источника и воображение исследователя, и уровень его общеобразовательной подготовки, и желание говорить с прошлым на языках современной ему науки. «Исследовательские привязанности и пристрастия довольно зримо присутствуют на страницах исторических сочинений, привнося в прочтение одних и тех же источников различные (а порой и взаимоисключающие) смысловые коннотации» [79].

18 октября в г. Воркуте участники конференции продолжили работу в рамках международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны», посвященного 70-летию Воркуты. В конце 1930-х – начале 1950-х гг. в Воркуте был расположен один из крупнейших лагерей ГУЛАГа – Воркутлаг, организованный в 1938 г. Управление лагеря находилось в г. Воркуте. На пике его численности, в 1951 г., в лагере было до 73000 заключенных, занятых на добыче угля и шахтном строительстве. Они же построили здесь первую в мире железную дорогу за Полярным кругом. В 1955 г. Совет министров СССР принял постановление о переводе шахт комбината «Воркутауголь» на вольнонаемную рабочую силу [60]. Этот перевод был закончен в 1960 г. Воркутауголь до сегодняшнего дня является градообразующим предприятием.

Основными темами международного симпозиума в Воркуте стали: ГУЛАГовский и постГУЛАГовский этапы истории Заполярья и Приполярья, роль городов в освоении и развитии Крайнего Севера, градообразующие факторы. На симпозиуме также были рассмотрены проблемы противостояния власти и общества в различные исторические периоды, формирования репрессивной политики тоталитарных государств, государственного террора, сопротивления населения репрессиям, положения и судьбы репрессированных. Основное внимание было уделено событиям первой половины XX века, происходившим на территории бывшего Советского Союза и сопредельных государств и оказывавшим непосредственное или опосредованное влияние на процессы освоения циркумполярной зоны.

В работе симпозиума приняли участие представители разных стран мира. С докладами на пленарном заседании, наряду с российскими исследователями, выступили Генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге Пётр Марциняк, профессор Делийского университета Джавахарлала Неру Аджай Патнайк, профессор Белорусского государственного университета Вячеслав Меньковский. Международный симпозиум предоставил всем участникам возможность конструктивного обмена мнениями в созидательной и творческой атмосфере.

Во время конференции особенно подчеркивался тезис о том, что все более глубокое знание о системе рабского труда в сталинское время не должно привести к банализации этой системы или же ее принятию. Участники конференции возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий и на кладбище, где похоронены участники воркутинского восстания 1953 года.

Подобные конференции решают не только научные, но и практические задачи. Исследования ГУЛАГа помогают отыскать места захоронений заключенных, выяснить судьбу пострадавших людей, восстановить из забвения их имена, сохранить память о времени и его уроках.

Разумеется, исследования истории политических репрессий учеными Республики Коми на исчерпываются вышеприведенными данными. Только в последние годы появилась большая серия публикаций, посвященных, в частности, репрессированным политическим деятелям [7; 31; 75; 76]. Сведения о политических репрессиях вошли в крупные обобщающие труды по истории региона [42–45], в монографические издания [3; 53], в том числе и историко-демографической направленности [59; 67; 83], в учебные пособия и научно-популярные книги [41; 49], статьи в зарубежных и российских журналах [1; 32; 37–39].

Литература и источники

1. Бандура С.В., Жеребцов И.Л. History of political repressions in the expositions of the National museum of the Republic of Komi // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo. Vedecký recoenzovaný časopis.* 2/2014. S. 9–19.

2. Бердинских В.А. ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда. Сыктывкар–Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 12 с.

3. Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с.

4. В научном поиске. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 72 с.

5. Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. 192 с.

6. ГУЛАГ на Севере России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 октября 2009 г., Ухта). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. Ч. 1. С. 150.

7. Жданов Л.А., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Создатели Коми автономии. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 128 с.

8. Жеребцов И.Л., Мельникова Н.В. Популярная история Республики Коми. Сыктывкар, 2016. 136 с.

9. Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // *Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения.* Сыктывкар, Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 54–62.

10. Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 38 с.

11. Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // *Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР.* Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1987. С. 67–72.

12. Жеребцов И.Л. Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми // *Историческая демография.* Москва–Сыктывкар, 2007. С. 193–201.

13. Жеребцов И.Л. О состоянии историко-демографических исследований // *Российские и славянские исследования.* Научный сборник. Минск, 2010. Вып. V. С. 416–417.

14. *Жеребцов И.Л.* Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. 1994. № 6. С. 65–73.
15. *Жеребцов И.Л.* Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. 1996. № 4. С. 31–33.
16. *Жеребцов И.Л.* Черные годы // Памятники Отечества. 1996. № 36. С. 176–182.
17. *Жеребцов И.Л.* Клинок марксистско-ленинского анализа // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. Т. I. С. 423–464.
18. *Жеребцов И.Л.* Махровский националист // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 1999. Т. 2. С. 903–906.
19. *Жеребцов И.Л.* Один из лингвистов-«националистов» // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 1999. Т. 2. С. 952–955.
20. *Жеребцов И.Л.* Изучение истории политических репрессий на европейском Севере России в диссертационных исследованиях начала XXI века // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 72–79.
21. *Жеребцов И.Л.* Сорокин, Кондратьев, Батиев... // Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века. Материалы Международной конференции. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. С. 122–127.
22. *Жеребцов И.Л.* Питирим Сорокин и Дмитрий Батиев: параллели судьбы // Наследие. 2011. № 1. С. 107–118.
23. *Жеребцов И.Л.* Остров «Архипелага ГУЛАГ» на Европейском Северо-Востоке России // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2014. Вып. IX. С. 339–346.
24. *Жеребцов И.Л.* Русские в Коми. Взгляд сквозь тысячелетие // Жизнь национальностей. 1998. № 1–2. С. 79–87.
25. *Жеребцов И.Л.* Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. 2000. № 7. С. 71–75.
26. *Жеребцов И.Л.* Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми автономии, «враг народа», почетный гражданин. (К 95-летию Республики Коми). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 64 с.
27. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Стоявшие у истоков. (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 108 с.
28. *Жеребцова И.И.* Репрессированная культура. Феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2003. С. 36–38.
29. *Жеребцова И.И.* Коми и репрессированные российские немцы: соприкосновение двух миров // IFUSCO XIX. Сыктывкар, 2003. С. 29–30.
30. *Жеребцова И.И.* Яков Мороз во главе хозяйственной деятельности Ухтпечлага // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). Сыктывкар, 2004. С. 164–171.

31. *Жеребцова И.И.* К вопросу о психологическом портрете Якова Мороза // От Воркуты до Сыктывкара. Судьбы евреев в Республике Коми. Сыктывкар, 2003. С. 285–289.

32. *Жеребцова И.И.* К вопросу о психологическом портрете Якова Мороза // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2001. С. 145–150.

33. *Жеребцова И.И., Мартынов Ю.И.* База данных «Репрессированные немцы в Коми в 1930–1950-х гг.» и ее анализ // История и компьютер. 2004. № 32. С. 95–96.

34. *Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. 192 с.

35. *Игнатова Н.М.* Численность спецпереселенцев в Коми республике в 1950-е годы (по архивным данным) // Историческая демография. 2008. № 1. С. 65–70.

36. *Игнатова Н.М.* Смертность и рождаемость спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Северном крае в 1930-е гг. // Историческая демография. 2009. № 2. С. 48–52.

37. *Игнатова Н.М.* Особенности учета эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев в Коми республике в 1941–1945 годах // Историческая демография. 2013. № 1. С. 49–55.

38. *Игнатова Н.М.* Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике Коми // Историческая демография. 2013. № 2. С. 41–44.

39. *Игнатова Н.М.* Национально-возрастная характеристика учащихся спецпоселковых школ в Коми автономной области в 1930-е гг. // Историческая демография. 2014. № 2. С. 15–20.

40. Интервью профессора В.И. Меньковского с ведущим специалистом в области исторической демографии и исторической географии Европейского Севера России Игорем Любимовичем Жеребцовым // Российские и славянские исследования. Сборник научных трудов. Минск: БГУ, 2014. Вып. IX. С. 333–338.

41. Исторический атлас Республики Коми. М.: ДиК, 1997.

42. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. 560 с.

43. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. 704 с.

44. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1. 544 с.

45. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2. 688 с.

46. История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 1. 100 с.

47. История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. 208 с.

48. История политических репрессий в СССР в 1930–1950-е годы. Материалы Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. Сыктывкар: Сыктывкарский госуниверситет, 2006. 136 с.

49. История Республики Коми. 7–11 классы: Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М.: ДиК, 2000. С. 117–139.

50. *Королев К.С., Жеребцов И.Л.* Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 20 с.

51. *Кринко Е.Ф.* Депортация советских народов в годы Великой Отечественной войны: современная историография. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. 12 с.

52. *Кринко Е.Ф., Кропачев С.А.* Отечественная историография политических репрессий в СССР: формы и практики изучения. Сыктывкар–Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.

53. *Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А.* Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 222 с.

54. Научный поиск продолжается. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995. 110 с.

55. *Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л.* Деятельность В.И. Лыткина в Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка // *Linguistica uralica*. 1996. № 1. S. 47–49.

56. *Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л.* Деятельность В.И. Лыткина в 1920–1930-е гг. // *Пермистика–5*. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 47–59.

57. *Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л., Демин В.Н.* В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997. 58 с.

58. Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 304 с.

59. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. 296 с.

60. Очерки по истории политических репрессий в Коми. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.

61. *Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.

62. Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. 256 с.

63. *Рябенко О.Л.* Сопrotивление студентов Советской Украины сталинской репрессивной политике (1920–1930 гг.). Сыктывкар–Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.

64. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 136 с.

65. *Садыков Т.С.* Восстание, потрясшее ГУЛАГ. (Об истории восстания заключенных Степлага). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. 12 с.

66. Связь времен. Сыктывкар, 2000. 860 с.

67. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.

68. *Таскаев М.В., Кузнецова Т.Л., Жеребцов И.Л.* Их объединило краеведение. Сыктывкар: Кола, 2008. 112 с.
69. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Колегов Б.Р.* Комиретро: 95 лет истории Коми, от официальной до курьезной. Сыктывкар: Титул, 2016. 384 с.
70. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994. 26 с.
71. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. А.Г. Белобородов в коми ссылке // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. С. 83–85.
72. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 89–95.
73. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // Историография Коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 48–57.
74. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921. Сыктывкар, 2001. 320 с.
75. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Первые коми политики. Сыктывкар: Кола, 2007. 136 с.
76. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 88 с.
77. *Уляшев О.И., Жеребцов И.Л.* Дмитрий Александрович Батиев. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 28 с.
78. *Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 36 с.
79. *Хлынина Т.П.* «Адыгейское дело»: три версии одного события. Сыктывкар–Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.
80. *Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л.* Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. 52 с.
81. *Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л.* Лингвистические исследования Общества изучения Коми края // *Linguistica uralica*. Tallinn, 1990. № 4. S. 306–313.
82. *Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Александер Дж.* Национальное развитие и этнополитика в восточно-финских республиках России // Мир России. М., 1997. № 4. С. 171–182.
83. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. 184 с.

STUDYING THE HISTORY OF POLITICAL REPRESSIONS IN THE REPUBLIC OF KOMI

Last years the attention of historians is more and more focused on the problems of the Soviet history which continue to remain actual both for the academic environment, and for the society as a whole. Undoubtedly, the history of Stalinism in its various dimensions and components is among these problems. The objective analysis of historical experience of the Stalin period of the Soviet history again obtains common civilian importance.

Researchers of the Republic of Komi for a long time investigate the history of political repressions in Russia, in its European North. Certainly, during various time periods studying of this problematics was carried out differently, for it is quite clear that at the Soviet system such themes as, for example, «red terror» of the epoch of revolution and Civil war, the political exile of the Soviet epoch, the history of camps and many other things were prohibited. Historians had possibility to analyze «white terror», political exile of the epoch of autocracy, «struggle against kulaks and supporters of kulaks» of collectivization times, but all researches were carried out in rigidly outlined ideological frameworks constraining freedom of scientific creativity of researchers and complicating possibilities of carrying out the objective analysis of historical events. Many conclusions of the named authors do not correspond to modern scientific ideas. Nevertheless, even in those conditions the scientists managed to collect extremely valuable factual material, a part of which (not all) they were able to enter into the scientific turnover. The data published in monographs and collections of documents, keep to this day their scientific value and are in demand [69].

Only on the boundary of the 1980–1990s it was possible to study more freely the history of political repressions – initially at the level of studying the biographies of separate persons who had been repressed [4; 8; 58]. Studying of history of development of science and, first of all, humanitarian science [33; 64] has played a considerable role. Many scientific organizations (first of all, the Society on studying the Komi land [55; 81]) and establishments in the Komi region have been subjected to repression [56; 57; 77; 80]. Development of historical-demographic researches in the late 1980s-1990s [9; 10; 11; 12] has also become the important step to studying the history of repressions and, first of all, forced resettlements of masses of people in the special settlements and corrective-labour camps. Here we do not consider in detail this subject as there are special publications on the theme [13–17].

In the mid-1990s it was already possible to study all aspects of history of political repressions as the scientists for the first time got the possibility to work with earlier confidential archival funds. There appeared a number of publications that caused public resonance [18–20; 70]. The acceptance in the Republic of Komi of the program «Repentance» and the creation of charitable public foundation of victims of mass political repressions «Repentance», as well as the activity of «Memorial» society were of great importance. In the published since 1998 multivolume martyrology «Repentance», materials of some scientific conferences [5; 6; 46–48; 62], in publications of N.A. Morozov, M.B. Rogachev, G.F. Dobronozhenko, V.M. Poleschikov, M.V. Taskaev, L.A. Maksimova, N.M. Ignatova, I.L. Zherebtsov [21–26; 34–36; 71–74] and many other authors the closed before themes are analyzed, many former conclusions and generalizations are reconsidered, the huge factual material is entered into the scientific turnover.

It is no mere chance that Syktyvkar has become one of the leading Russian science centres on studying the history of Gulag and the history of political repressions. In years of Stalinism more than 100 thousand exiled and special settlers and about one million prisoners convicted of political articles have gone through the territory of Komi. With their forced, labour northern cities, railways, coal mines and oil fields were constructed, timber cuttings [27] were conducted. As I.L. Zherebtsov [40], Director of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, pointed out in his interview to the Belarus scientific journal «Russian and slavic researches», that the Komi Republic located in the extreme Northeast of Europe, in a corner between the Arctic ocean and the Ural mountains, is rather extensive (two Byelorussia Republics could be placed in its territory), is rich in natural resources (oil, gas, coal, wood, bauxites, titanium, manganese and so forth, not to mention mushrooms-berries, fish, venison ...) but it is sparsely populated – less than 900 thousand inhabitants, 250 thousand of which live in the capital, Syktyvkar [61; 78]. The name to the multinational republic, where there live Russians, Byelorussians, Ukrainians, Germans, Tatars and many others, was given by the Komi people, making almost a quarter of the population and belonging to the Finno-Ugric family, having thousand-year history and possessing the richest original spiritual and material culture [28–30; 50; 68; 82]. Along with the industrial enterprises and objects the republic is proud of its theatres, high schools, scientific institutions and first of all the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, which structure includes six institutes and some independent scientific departments and laboratories, its scientists are readily engaged in studying the inexhaustible natural and historical and cultural resources of the territory and the people living here [27; 40; 54].

In 1998 the Komi Republican Charitable Public Foundation of victims of political repressions «Repentance» was created. The objectives of the Foundation are: public control over the implementation of the RF Law «On rehabilitation of victims of political repressions»; the organization and carrying out of search works to compile lists of names of victims of political repressions and the publication of a multivolume republican martyrology «Repentance»; participation in the designation with memorial signs of places of compact residing and mass burial places of the repressed politically in territory of the Republic of Komi; participation in the construction in Syktyvkar and other cities and areas of the Republic of monuments to victims of political repressions; the material support of victims of political repressions.

The «Repentance» Foundation and the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, took part in the preparation and carrying out of a number of regional and republican scientific conferences and symposiums. Conferences were carried out jointly with the Ministry of Culture and National Policy of the Komi Republic, Syktyvkar State University, Komi Republican Academy of Public Service and Management under the Head of the Komi Republic, National Museum of the Komi Republic, the Society on studying the Komi land, Syktyvkar public organization «Memorial».

In 2007 the organization of scientific conferences began to be held on qualitatively new level – All-Russia with the international participation. As Yu.A.Spiridonov, deputy of the State Duma of the Russian Federation, pointed out that «such attention to Syktyvkar conference we owe much to the fruitful work which for several years was carried out in our republic within the frames of the Republican program of memory of victims of political repressions «Repentance», one of the most visible results of which include the multivolume martyrology of the victims of political repressions «Repentance»... Employees of the «Repentance» Foundation, scientists of the Komi Science Centre and Syktyvkar State University, activists of «Memorial», historians corroborate and work on this edition. It is only through friendly cooperation in the name of noble goals that we have achieved that our martyrology «Repentance» has become a unique phenomenon, a worthy example to follow. On its pages merged into one the impartiality of a scientist, love of a patriot to his native land and simple, but much needed human empathy.

In the All-Russia scientific conference «The repressive policy and resistance to non-freedom» held in October 29–31, 2007 scientists-historians, civil activists, priests, workers of authorities participated. At plenary session known researchers of repressive policy Prof. N.A. Ivnitsky, Dr. Sci. (History) (Moscow), N. Voitovich, Ph.D. (Warsaw) delivered their scientific reports. The conference in regional and interregional perspectives addressed the issues

of confrontation between the authorities and society in XIX – early XX centuries, the formation of the repressive policy of the totalitarian state of the 1917–1920s, the state terror in the 1930 – early 1950s, the resistance of the population to repressions, the situation and destinies of the repressed, dissident movement of the 1960–1980s, the evolution of relations between population and power in the new Russia.

On October 26–30, 2009 in the Republic of Komi the actions devoted to the Day of memory of victims of political repressions were held. *The All-Russia scientific conference with the international participation «Gulag in the North of Russia»*, devoted to the 80 anniversary of creation of the first camps in the European Northeast became the key event. Organizers of the scientific forum were the Komi Republican Charitable Public Foundation of victims of political repressions «Repentance», the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Ukhta State University. Support to action was rendered by The Government and the State Council of the Republic, Ukhta administration. The Bishop of Syktyvkar and Vorkuta Pitirim arrived for participation in the conference.

The Conference was held in Ukhta. The choice of place of carrying out the conference was caused by that namely from Ukhta there began the sad history of Gulag in territory of the republic. In 1929, the first expedition of the United Chief Political Administration consisting of 125 prisoners, dispossessed, exiled, civilian workers and security guards arrived to the mouth of the river Chibyu. Building of the settlement Chibyu (since 1939 – Ukhta) [66] began.

The Conference work was conducted in the following directions: political repressions against political opponents of the power in the beginning of XX century, formation of repressive policy of the state in 1917–1920s, organization and functioning of the first camps, development of camp system in the 1930–1950s. At the plenary session held in the Palace of culture of Ukhta, the reports were delivered by V.I. Men'kovsky, Dr.Sci. (History) (Minsk)«History of formation of Gulag in the newest historiography», T.S. Sadykov (Astana)«The system of Gulag and the tragedy of Kazakhstan», A.N. Kustyshev, Cand. Sci. (History) (Ukhta)«The forced labour organization in Ukhtizhemlag (1938–1955) and its efficiency», M.V. Taskaev, Cand.Sci. (History) and I.L. Zhrebtsov, Dr.Sci. (History) (Syktyvkar)«The political exile in the European North-east of Russia in 1901–1928».

Of particular interest at the section sessions held at Ukhta State Technical University, were the reports of E.F. Krinko, Dr.Sci. (History) (Rostov-on-Don)«Disfranchisement as the form of political repressions», A.B. Konovalov, Dr.Sci. (History) (Kemerovo)«The contribution of the regional party nomenclature to development of management and functioning of camp sys-

tem», N.M. Ignatova, Cand.Sci. (History) (Syktyvkar) «Realization of the policy of special settlers in the 1930–1950s», A.K. Gagieva, Dr.Sci. (History) (Syktyvkar) «Transfer of the systems of People’s Commissariat of Internal Affairs to the archival branch in the 1930s», M.B. Rogachev, Cand.Sci. (History) «Development of corrective-labour camps in the Komi ASSR», Ya.Yu. Kotelnikova (Ukhta) «Pictorial art of Ukhtpechlag – Ustizhmlag in funds of Ukhta historical-local lore museum as a part of the repressed culture».

Since 2011 the conferences of the Komi Republican Charitable Public Foundation of victims of political repressions «Repentance» and the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, began to be international. The 1-st International scientific conference «History and prospects of development of northern regions of Russia: the role of Gulag, memorial activity» took place in Syktyvkar on October 26–29, 2011. The historians from Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine participated in its work. Plenary reports of E.F. Krinko, Dr.Sci. (History) «Deportation of the Soviet people in days of the Great Patriotic War: modern historiography» [51] and T.S. Sadykov, Dr.Sci. (History) «The uprising which has shaken Gulag (On the history of uprising of Steplag prisoners)» [65] were published as separate brochures before the opening of the Conference.

II-nd International scientific conference «History of development of northern regions of Russia: forced labour in Gulag» was held in Syktyvkar and Vorkuta on October 15–19, 2013. Organizers of the conference again were the Republican Charitable Public Foundation of victims of political repressions «Repentance», the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktyvkar State University with the support of the Government of the Republic of Komi, the State Council of the Republic of Komi and administration of municipality «Vorkuta».

Let’s pay attention to key positions of the publications, which caused further discussions of the participants of the international conference. V.A. Berdinskikh noted radical shortcomings in camp economy: increased secrecy and absence of control; injurious use of natural resources; rejection of technical progress; high cost price of Gulag production; inhibition of development of the labour market and social infrastructure. The author concludes that «forced labour has become a kind of drug for the Soviet economic system and significantly constrained its development» [2].

In E.F. Krinko and S.A. Kropachev’s report the institutional aspect of studying, in the Soviet and Russian historiography, of political repressions in the USSR was considered. The basic attention was given to scientific-organizational forms and practices of research of the theme, strengthening of

the role of public organizations in formation of historical knowledge of the past and the new ways of their representation. It is noted that Gulag camps «were initially created as organs of suppression of «class-hostile» elements, and not as correctional labour institutions with educational purposes» [52].

O.L. Ryabchenko noted that students of the Ukraine differed by their active vital position, variability of thinking, own view at events occurring in the 1920–1930s. The researcher gives evidence of the high protest potential of this category of youth, gives various forms of dissatisfaction with the policy of the regime. The analyzed materials allowed to conclude about the availability among students of significant number of those who disagree with the policy of the party in various sectors of economic life and in the ideological sphere. Among students «various forms of counteraction to regime were constantly fixed. Individual and mass, anonymous and open, they testified to the fact that the Central government did not meet social expectations of many young people» [63].

T.P. Khlynina on a studying example of «Adygeya case» considered the process of appearance of concrete historiographic images. The author noted that the modern historian faces the variety of building material for past events. It includes, besides a habitual historical source, imagination of the researcher and the level of his general educational training, and desire to speak with the past in languages of modern science. «Research attachments and predilections are visibly enough present in the pages of historical works, bringing in, when reading the same sources, various (and at times mutually exclusive) semantic connotations» [79].

On October 18 in Vorkuta participants of the conference continued the work within the frames of the international symposium «The role of Gulag in development of circumpolar zone», devoted to the 70 anniversary of Vorkuta. In the late 1930s – beginning of the 1950s one of the largest camps of Gulag was located in Vorkuta – Vorkutlag organized in 1938. Management of the camp was in Vorkuta. At the peak in 1951 its number reached 73000 prisoners occupied in coal mining and mine building. They constructed here the first-ever railway behind the Polar circle. In 1955 the Council of Ministers of the USSR accepted the decision about transfer of mines of industrial complex «Vorkutaugol'» to civilian labour [60]. This transfer was finished in 1960. Till now Vorkutaugol' is the enterprise forming a company town.

The basic themes of the international symposium in Vorkuta were: GULAG and post-GULAG stages of history of the Arctic and Polar regions, the role of towns in development of the Far North, town-forming factors. The problems of confrontation of government and society during various historical periods, formation of repressive policy of the totalitarian states, the state terror, resistance of the population to repressions, situation and destinies of the

repressed were also considered at the symposium. The basic attention was given to events of the first half of XX century, occurring in territory of the former Soviet Union and the adjacent states and making direct or indirect impact on the processes of development of circumpolar zones.

Representatives of different countries of the world have taken part in the symposium work. Reports at the plenary session, along with the Russian researchers, were made by Peter Martsinyak, Consul general of the Republic of Poland in St.Petersburg, Adzhaj Patnajk, Prof., Delhi University named after Dzhavaharlal Nehru, Vyacheslav Menkovsky, Prof., Belarus State University. The international symposium has given all participants the possibility of constructive exchange of opinions in creative atmosphere.

During the conference the thesis that more and more profound knowledge about slave labour system during Stalin time should not lead to banality of this system or to its acceptance was especially underlined. The conference participants laid flowers at the monument to victims of political repressions and to the cemetery where participants of the Vorkuta uprising of 1953 are buried.

Similar conferences solve not only scientific, but also practical problems. Gulag researches help to find burial places of prisoners, to find out the destiny of the suffered people, to restore from oblivion their names, to preserve the memory about time and its lessons.

Certainly, researches of history of political repressions carried out by scientists of the Republic of Komi are not limited to the above data. Only last years there appeared a series of publications devoted, in particular, to the repressed politicians [7; 31; 75; 76]. Data on political repressions were included in the large generalizing works on the history of the region [42–45], in monographic editions [3; 53], including historical-demographic ones [59; 67; 83], in textbooks and popular scientific books [41; 49], articles in foreign and Russian magazines [1; 32; 37–39].

References

1. *Bandura S.V., Zherebtsov I.L.* History of political repressions in the expositions of the National museum of the Republic of Komi // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo. Vedecký recoenzovaný časopis.* 2/2014. P. 9–19.

2. *Berdinskikh V.A.* Gulag in the Soviet Union: forced labour ideology and economy. Syktyvkar-Vorkuta: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2013. 12 p. (in Russian)

3. *Berdinskikh V.A., Berdinskikh I.V., Veremyev V.I.* System of special settlements in the Soviet Union in the 1930–1950s. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. 2015. 244 p. (in Russian)

4. In scientific search. Syktyvkar: Komi Book Publishing house, 1991. 72 p. (in Russian)

5. The contribution of the repressed in development of the European North of Russia and Pre-Urals: Materials of the regional sci. symp. (Syktyvkar, October 19, 2001). Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2004. 192 p. (in Russian)
6. Gulag in the North of Russia. Materials of the All-Russia sci. conf. with intern. participation (October 27–28, 2009, Ukhta). Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2011. Pt.1. 150 p. (in Russian)
7. *Zhdanov L.A., Smetanin A.F., Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.*. Founders of the Komi autonomy. Syktyvkar: Editorial-publishing Dept., Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. 2006. 128 p. (in Russian)
8. *Zherebtsov I.L., Mel'nikova N.V.* Popular history of the Republic Komi. Syktyvkar, 2016. 136 p. (in Russian)
9. *Zherebtsov I.L.* Population of the Komi land according to censuses of 1916–1918 // Peasantry of the European North of Russia in XVII–XX centuries: studying problems. Syktyvkar, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1993. P. 54–62. (in Russian)
10. *Zherebtsov I.L.* Komi land in the system of administrative-territorial division of Russia. Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1993. 38 p. (in Russian)
11. *Zherebtsov I.L.* Society on studying the Komi land and formation of historical-demographic researches in territory of the Komi ASSR // Problems of historiography of the European Northeast of the USSR. Syktyvkar: USSR Ac.Sci., Komi Branch, 1987. P. 67–72. (in Russian)
12. *Zherebtsov I.L.* Development of historical-demographic researches in the Republic of Komi // Historical demography. Moscow-Syktyvkar, 2007. P. 193–201. (in Russian)
13. *Zherebtsov I.L.* On the condition of historical-demographic researches // Russian and slavic researches. Scientific collection. Minsk, 2010. Issue V. P. 416–417. (in Russian)
14. *Zherebtsov I.L.* Attitude of the population of the Komi land to the power in 1918 – beginning of the 1920s // Russian history. 1994, № 6. P. 65–73. (in Russian)
15. *Zherebtsov I.L.* Being at the sources (Komi political and cultural figures of the first post-revolutionary years) // Life of nationalities. 1996. № 4. P. 31–33. (in Russian)
16. *Zherebtsov I.L.* Black years // Fatherland Monuments. 1996. № 36. P. 176–182. (in Russian)
17. *Zherebtsov I.L.* With the blade of the Marxist-Leninist analysis // Repentance. Martyrology. Syktyvkar: Komi Book Publishing house, 1998. Vol. I. P. 423–464. (in Russian)
18. *Zherebtsov I.L.* Rabid nationalist // Repentance. Martyrology. Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 1999. Vol. 2. P. 903–906. (in Russian)
19. *Zherebtsov I.L.* One of the linguists – «nationalists» // Repentance. Martyrology. Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 1999. Vol. 2. P. 952–955. (in Russian)
20. *Zherebtsov I.L.* Studying the history of political repressions in the European North of Russia in dissertational researches of the beginning of XXI century // History and prospects of development of northern regions of Russia: Gulag role – memorial activity. Materials of I-st Intern. sci. conf. (Syktyvkar, October 25–29, 2010). Pt.1. Syktyvkar, 2011. P. 72–79. (in Russian)

21. *Zherebtsov I.L.* Sorokin, Kondratyev, Batiev... // Pitirim Sorokin in the history, science and culture of XX century. Materials of the Intern. conf. Syktyvkar: Editorial-publishing Dept, Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2009. P. 122–127. (in Russian)
22. *Zherebtsov I.L.* Pitirim Sorokin and Dmitry Batiev: destiny parallels // Heritage. 2011. № 1. P. 107–118. (in Russian)
23. *Zherebtsov I.L.* Island of «Gulag Archipelago» in the European Northeast of Russia // Russian and slavic researches. Minsk: Byelorussian State Univ., 2014. Issue IX. P. 339–346. (in Russian)
24. *Zherebtsov I.L.* The Russians in Komi. A view through the millenium // Life of nationalities. 1998. № 1–2. P. 79–87. (in Russian)
25. *Zherebtsov I.L.* Millenium of the Komi people: time, climate, man // Nature. 2000. № 7. P. 71–75. (in Russian)
26. *Zherebtsov I.L.* Dmitry A. Batiev: founder of the Komi autonomy, «the enemy of the people», honourable citizen. (To the 95 anniversary of the Republic of Komi). Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2016. 64 p. (in Russian)
27. *Zherebtsov I.L., Rozhkin E.N.* Being at the sources (Sketches of history of formation of the humanity in Komi). Syktyvkar: Editorial-Publishing Dept., Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2005. 108 p. (in Russian)
28. *Zherebtsova I.I.* Repressed culture. The phenomenon of Russian Germans // Pages of history of political repression in the Komi ASSR. Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 2003. P. 36–38. (in Russian)
29. *Zherebtsova I.I.* Komi and repressed Russian Germans: contact of two worlds // IFUSCO XIX. Syktyvkar, 2003. P. 29–30. (in Russian)
30. *Zherebtsova I.I.* Jakov Moroz headed by economic activity of UkhtPechLag // The contribution of the repressed in development of the European North of Russia and Pre-Urals: Materials of the regional sci. symp. (Syktyvkar, October 19, 2001). Syktyvkar, 2004. P. 164–171. (in Russian)
31. *Zherebtsova I.I.* To the question of the psychological portrait of Jakov Moroz // From Vorkuta to Syktyvkar. The fate of the Jews in the Republic of Komi. Syktyvkar, 2003. P. 285–289. (in Russian)
32. *Zherebtsova I.I.* To the question of the psychological portrait of Jakov Moroz // Political repressions in Russia. XX century. Materials of regional sci. conf. Syktyvkar, December 7–8, 2000. Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 2001. P. 145–150. (in Russian)
33. *Zherebtsova I.I., Martynov Ju.I.* Database “Repressed Germans in Komi, 1930th–1950th” and its analysis // History and computer. 2004. № 32. P. 95–96. (in Russian)
34. *Ignatova N.M.* Special settlers in the Republic of Komi in the 1930–1950s. Syktyvkar, 2009. 192 p. (in Russian)
35. *Ignatova N.M.* Number of special settlers in the Komi Republic in the 1950s (according to the archives) // Historical demography. 2008. № 1. P. 65–70. (in Russian)

36. *Ignatova N.M.* Death rate and birth rate of special settlers – «the former kulaks» in Northern land in the 1930s // Historical demography. 2009, № 2. P. 48–52. (in Russian)
37. *Ignatova N.M.* Features of the accounting of the evacuated citizens and evacuated labour migrants in the Komi Republic in 1941–1945 // Historical demography. 2013. № 1. P. 49–55. (in Russian)
38. *Ignatova N.M.* Influence of forced migrations on social-demographic situation in the Republic of Komi // Historical demography. 2013. № 2. P. 41–44. (in Russian)
39. *Ignatova N.M.* National-age characteristics of pupils of schools in special settlements in the Komi autonomous region in the 1930s // Historical demography. 2014. № 2. P. 15–20. (in Russian)
40. Prof. V.I. Men'kovsky's interview with Igor L. Zherebtsov, leading expert in the field of historical demography and historical geography of the European North of Russia // Russian and slavic researches. Collection of proceedings. Minsk: Byelorussian State Univ., 2014. Issue IX. P. 333–338. (in Russian)
41. The historical atlas of the Republic of Komi. Moscow: DiK, 1997. (in Russian)
42. History of Komi since the most ancient times till the end of XX century. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2004. Vol. 1. 560 p. (in Russian)
43. History of Komi since the most ancient times till the end of XX century. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2004. Vol. 2. 704 p. (in Russian)
44. History of Komi since the most ancient times to the present. Syktyvkar: Anbur, 2011. Vol. 1. 544 p. (in Russian)
45. History of Komi since the most ancient times to the present. Syktyvkar: Anbur, 2011. Vol. 2. 688 p. (in Russian)
46. History and prospects of development of northern regions of Russia: Gulag role – memorial activity. Materials of I-st Intern. sci. conf. (Syktyvkar, October 25–29, 2010). Syktyvkar, 2011. Pt.1. 100 p. (in Russian)
47. History and prospects of development of northern regions of Russia: Gulag role – memorial activity. Materials of I-st Intern. sci. conf. (Syktyvkar, October 25–29, 2010). Syktyvkar, 2011. Pt. 2. 208 p. (in Russian)
48. History of political repressions in the USSR in the 1930–1950s. Materials of the All-Russia sci. conf. of students and post-graduate students. Syktyvkar: Syktyvkar State Univ., 2006. 136 p. (in Russian)
49. History of the Republic of Komi. 7–11 classes: Textbook for comprehensive educational establishments. Moscow: DiK, 2000. P. 117–139. (in Russian)
50. *Korolev K.S., Zherebtsov I.L.* Climatic factor in the history of Komi. Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, Publ., 2000. 20 p. (in Russian)
51. *Krinko E.F.* Deportation of the Soviet people in days of the Great Patriotic War: modern historiography. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2011. 12 p. (in Russian)
52. *Krinko E.F., Kropachev S.A.* Russian historiography of political repressions in the USSR: studying forms and practices. Syktyvkar-Vorkuta: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2013. 20 p. (in Russian)
53. Men'kovsky V.I., Ul' K., Shabasova M.A. The Soviet Union of the 1930s in the English historiography. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2013. 222 p. (in Russian)

54. Scientific search proceeds. Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, Publ., 1995. 110 p. (in Russian)

55. *Nekrasova G.A., Zherebtsov I.L.* V.I. Lytkin's activity in the commission on compiling dictionary and studying the dialects of the Komi language // *Linguistica uralica*. 1996, № 1. P. 47–49. (in Russian)

56. *Nekrasova G.A., Zherebtsov I.L.* V.I. Lytkin's activity in the 1920–1930s // *Permistika* 5. Izhevsk: Udmurt Univ., 2002. P. 47–59. (in Russian)

57. *Nekrasova G.A., Zherebtsov I.L., Demin V.N.* V.I. Lytkin: life and creativity. Syktyvkar, 1997. 58 p. (in Russian)

58. They loved their native land. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1993. 304 p. (in Russian)

59. From primitive camp-sites – to towns. Sketches on history of settling of the Republic of Komi since the most ancient times till the end of XX century. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2014. 296 p. (in Russian)

60. Sketches on history of political repressions in Komi. Textbook for students of higher educational institutions. Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 2006. 242 p. (in Russian)

61. Podoplelov V.P, Fauzer V.V, Zherebtsov I.L. Population of the Republic of Komi on the boundary of centuries: historical experience and development prospects // XXI century: interaction of languages and cultures (conflict-free existence). Materials of republ. sci. – pract. conf. Syktyvkar, 1999. P. 45–52. (in Russian)

62. Political repressions in Russia. XX century. Materials of regional sci. conf. Syktyvkar, December 7–8, 2000. Syktyvkar: «Repentance» Foundation, 2001. 256 p. (in Russian)

63. *Ryabchenko O.L.* Resistance of students of the Soviet Ukraine to the Stalin repressive policy (1920–1930). Syktyvkar-Vorkuta: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2013. 20 p. (in Russian)

64. *Rozhkin E.N., Zherebtsov I.L.* Sketches of history of formation of the humanities in Komi. Syktyvkar: Editorial-Publishing Dept., Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2006. 136 p. (in Russian)

65. *Sadykov T.S.* Uprising, shaken Gulag. (On the history of uprising of Steplag prisoners). Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2011. 12 p. (in Russian)

66. A link of times. Syktyvkar, 2000. 860 p. (in Russian)

67. Agricultural population of Komi in the middle of XIX – XX century: settling, structure, number. Syktyvkar: Editorial-publishing Dept., Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2005. 220 p. (in Russian)

68. *Taskaev M.V., Kuznetsova T.L., Zherebtsov I.L.* They were united by study of local lore. Syktyvkar: Кола, 2008. 112 p. (in Russian)

69. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L., Kolegov B.R.* Komiretro: 95 years of Komi history, from the official to funny. Syktyvkar: Titul, 2016. 384 p. (in Russian)

70. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.* The Komi land in days of civil war: the population and the power. Syktyvkar, 1994. 26 p. (in Russian)

71. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.* A.G. Beloborodov in exile in Komi // Political repressions and resistance to non-freedom. Materials of the All-Russia sci. conf. Syktyvkar: Editorial-publishing Dept, Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2009. P. 83–85. (in Russian)
72. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.* Repressions of the White and the Red on the Pechora in days of Civil war // History and prospects of development of northern regions of Russia: Gulag role – memorial activity. Materials of I-st Intern. sci. conf. (Syktyvkar, October 25–29, 2010). Pt.1. Syktyvkar, 2011. P. 89–95. (in Russian)
73. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.* Revolution and civil war in the Komi land (results and studying problems) // Historiography of Komi. Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1999. P. 48–57. (in Russian)
74. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.* Black years. Revolution and civil war in the Komi land. 1917–1921. Syktyvkar, 2001. 320 p. (in Russian)
75. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.* First Komi politicians. Syktyvkar: Kola, 2007. 136 p. (in Russian)
76. *Taskaev M.V., Zherebtsov I.L.* Komi national movement: from socialist revolutionaries up to now. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2016. 88 p. (in Russian)
77. *Uljashev O.I., Zherebtsov I.L.* Dmitry A. Batiev. Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2016. 28 p. (in Komi)
78. *Fauzer V.V., Zherebtsov I.L.* Demographic processes in Komi in XX century. Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, Publ., 2000. 36 p. (in Russian)
79. *Khlynina T.P.* «Adygeya case»: three versions of one event. Syktyvkar-Vorkuta: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2013. 20 p. (in Russian)
80. *Tsypanov E.A., Zherebtsov I.L.* Aleksei S. Sidorov. Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1995. 52 p. (in Russian)
81. *Tsypanov E.A., Zherebtsov I.L.* Linguistic research of the Society on studying the Komi land // *Linguistica uralica*. Tallinn, 1990. № 4. P. 306–313. (in Russian)
82. *Shabaev Yu.P., Zherebtsov I.L., Alexander J.* National development and ethnopolitics in the East Finnish republics of Russia // *The World of Russia*. Moscow, 1997. № 4. P. 171–182. (in Russian)
83. The ethnic factor in demographic development of the Republic of Komi (mid XIX – beginning of XXI century). Sketches of history of the population. Syktyvkar, 2006. 184 p. (in Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Вятского государственного университета (Киров, Российская Федерация); bva.prof@mail.ru

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь), главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Российская Федерация); menkovski@bsu.by.

CONTRIBUTORS

Viktor A. Berdinskikh – Dr. Sci. (History), Prof., Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); bva.prof@mail.ru

Vyacheslav I. Men'kovsky – Dr. Sci. (History), Prof., Byelorussian State University (Minsk, Republic of Byelorussia), chief researcher of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (Syktyvkar, Russian Federation); menkovski@bsu.by

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

Предисловие	6
Preface.....	7
Введение: О рабском труде заключенных	8
Introduction: About the slave labour of prisoners.....	10
ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии.....	12
GULAG as an object of research of the classical english historiography	22
Лагеря и советская экономика 1930-х годов.....	31
Camps and the soviet economy of the1930-s	61
Заключение: «...плюс гулагизация всей страны».....	88
Conclusion: «... plus gulagization of all country»	91
Источники и литература.....	94
References.....	100
<i>Приложение. Изучение истории политических репрессий в Республике Коми</i>	<i>107</i>
<i>Appendix. Studying the history of political repressions in the Republic of Komi.....</i>	<i>119</i>
Сведения об авторах	131
Contributors	131